

Б. ВЕВЕРНЪ

6^{та} БАТАРЕЯ

ПАРИЖЪ
1938

Б. ВЕВЕРНЪ

6^Я БАТАРЕЯ

ПАРИЖЬ
1938

Б. В. ВЕВЕРНЪ

6-^Я БАТАРЕЯ
1914 - 1917 г. г.

**Повѣсть о времени великаго
служенія Родинѣ**

Съ предисловіемъ проф. ген. Н. Н. ГОЛОВИНА

ПАРИЖЪ

1938 г.

Всѣ права сохранены за вдовой
автора.

Tous droits réservés.

ПРЕДИСЛОВІЕ

..6-я батарея — полк. Б. В. Веверна — книга исключительно интересная по своему содержанию и выдающаяся по своимъ достоинствамъ.

Передъ читателемъ развертывается необычайно живая и яркая картина, съ характерными деталями, жизни и боевой дѣятельности батареи, которой командовалъ полковникъ Б. В. Вевернъ, со дня ея формирования, въ іюльскіе дни общей мобилизаціи въ 1914 г., и по день ея тихой кончины, въ періодъ всеобщаго, стихійнаго разложенія русскаго фронта, въ 1917 году.

Такого полнаго описанія бытовой стороны жизни, разнообразныхъ положеній въ обстановкѣ похода и боевой службы основной организаціонной артиллерійской единицы въ нашей зарубежной военной литературѣ мы, до сихъ поръ, не имѣли.

Съ рѣдкимъ даромъ изобразительности авторъ описываетъ мобилизацію, подготовку батареи къ боевой работѣ, высокій патріотическій подъемъ мобилизованныхъ и населенія, выступленіе въ походъ, переѣздъ по желѣзной дорогѣ, прибытіе на фронтъ, первыя впечатлѣнія отъ столкновенія съ боевой дѣйствительностью, первые бои на рѣкѣ Вислѣ и послѣдующіе, отъ Ивангорода къ Перемышлю и далѣе въ Карпатахъ, тяжелый отходъ весною 1915 года, служба на Западномъ Фронтѣ и конечный развалъ батареи.

Справедливо учитывая, что боевая дѣятельность батареи протекаетъ въ тѣсномъ содружествѣ съ другими родами войскъ, полк. Б. В. Вевернъ описываетъ боевую службу своей батареи въ неразрывной связи съ своими боевыми сотоварищами, отмѣчая не только ис-

ключительную доблесть отдѣльныхъ войсковыхъ частей и, въ особенности, русскаго офицера, но и не скрывая случаевъ малой стойкости, ослабленія духа, неудачныхъ распоряженій начальства. На примѣрахъ живой дѣйствительности выявляется огромное значеніе нравственнаго элемента.

Психологическая основа всего повѣствованія придаетъ книгѣ полк. Б. В. Веверна исключительную жизненность.

Непринужденная легкость изложенія, красочность и во всемъ проступающая горячая любовь автора къ своей батарее, къ родной ему артиллеріи и Русской Арміи увлекаютъ читателя.

Книга такъ написана, что всякій неизмѣющийся даже никакого отношенія къ военному дѣлу, прочтетъ ее съ глубокимъ интересомъ.

Н. Головинъ

ОТЪ АВТОРА

Когда утомленный тяжелой работой, я возвращаюсь съ завода на свой чердакъ, ложусь на кровать, закрываю глаза и предаюсь своимъ думамъ, картины далекаго прошлаго постепенно вырастаютъ, какъ изъ тумана, въ моемъ мозгу и забывъ настоящее, я вновь живу прежнею жизнью.

Я чувствую на плечахъ у себя золотые погоны и радостное, волнующее чувство схватываетъ мою душу, несетъ ее навстрѣчу безчисленнымъ колоннамъ пѣхоты, лѣсамъ колеблющихся, сверкающихъ штыковъ. Я слышу топотъ копытъ, я вижу столбы пыли, поднимаемые проходящими мимо меня эскадронами и чувствую близость своихъ родныхъ маленькихъ пушекъ.

Я пропускаю мимо себя упряжку за упряжкой и люблюсь, какъ на яву, своей стройной могучей батареей.

Картины быстро мѣняются: мои орудія уже режутъ, выпуская снарядъ за снарядомъ, съ легкимъ визгомъ проносятся они надъ моей головой, и я вижу дымки ихъ разрывовъ.

Воютъ уже осколки германскихъ снарядовъ и, со свистомъ, пронизываютъ дымовую завѣсу ружейныхъ пули.

Кровь бросается въ голову и приливаетъ къ мозгу, сердце рвется вонь изъ груди. Я вскакиваю на ноги, открываю глаза и передъ моимъ изстуженнымъ, взволнованнымъ взоромъ . . . мой бѣдный чердакъ и грязная, синяя рабочая куртка.

ЧАСТЬ I.

МОБИЛИЗАЦІЯ

Огненными, оранжево-красными полосами осветилось на востокѣ дальнее небо. Зашевелились, зашелестьѣли листья на прибрежныхъ деревьяхъ, легкой сыростью потянуло съ широкой глади Волги рѣчки, окутанной бѣлымъ туманомъ своихъ испареній.

Сумракъ ночи сильно рѣдѣетъ: въ немъ уже прояснились тѣни обширнаго лагеря, растянушагося вдоль небольшой быстрой рѣчки, въ этомъ мѣстѣ впадающей въ Волгу.

Правильными, ровными линиями рисуются ряды лошадей, двухскатныхъ походныхъ палатокъ, повозокъ съ большими колесами, зарядныхъ ящиковъ и коренастыхъ, низкихъ орудій.

Лагерь спитъ и лишь изъ крайней палатки только что вылѣзъ босой, чернобородый солдатъ и, приставивъ руку къ глазамъ, взглянулъ на встающее солнце. Оглядѣлся, продулъ блеснувшую мѣдную трубу и, откинувъ назадъ свою голову, затрубилъ. Чистые мягкіе звуки трубы покатались, поплыли, понеслись по рѣкѣ, звились кверху у высокаго берега Волги и разсыпались въ улицахъ большаго древняго города, засверкашаго, въ первыхъ лучахъ восходящаго солнца, вспыхнувшимъ золотомъ множества храмовъ.

Лагерь зашевелился, ожилъ, наполнился гамомъ людскихъ голосовъ, конскимъ ржаніемъ, игрою засто-

явшихся за ночь коней, въ нетерпѣннн рвущихся на водопой. Ожилъ и городъ. Лихорадочной жизнью забились его артеріи-улицы. Зашумѣлъ, заволновался, въ суетѣ первыхъ дней объявленной общей мобилизаціи, старый городъ, носящій, выступающее изъ тумана вѣковъ, славное Имя Великаго Князя, здѣсь, на слияннн двухъ рѣкъ, поразившаго сильной рукой «звѣря лютаго», изображение котораго, и понынѣ, украшаетъ гербъ этаго древняго города.

* *
*

Я приближаюсь къ лагерю. Только два дня тому назадъ я назначенъ Командиромъ вновь формируемой 6-й батареи. Хорошо это или плохо? Моя батарея, въ которой я пробылъ еще съ юныхъ лѣтъ, почти всю свою службу, уходитъ въ военный походъ а я остаюсь. Судьба . . . нахожу я отвѣтъ. Я стараюсь не думать объ этомъ.

Съ легкимъ ржаніемъ, повернувъ головы, лошади роютъ копытами землю, слѣдя, съ нетерпѣніемъ, за ѣздовыми раздающими сѣно. Одна сорвалась съ коновязи, мечется по лагерю. Люди, со всѣхъ сторонъ, бѣгутъ, ловятъ ее.

У палатокъ всюду голубые дымки: чай кипятятъ, уѣвшнсь въ кружки у костровъ, прибывшіе по мобилизаціи солдаты.

Смирно. . .

Я слушаю рапортъ дежурнаго фейерверкера, подходит фельдфебель:

— Разрѣшите доложить, В. В., командующій бригадой скоро пріѣдутъ на разбивку лошадей. Хорошіе кони прошли вчера вечеромъ. Намъ въ телефонныя двуколки надо-бы подобрать. Вонъ, сѣрый стоитъ на отдѣльномъ колу, вотъ бы его намъ.

— Какъ Судьба.

Въ ожиданнн разбивки, я обхожу кучки сидящихъ людей, понавннхъ ко мнѣ въ батарею и останав-

ливаюсь передъ невзрачной, маленькой, жалкой фигуркой, занскивающе глядящей мнѣ въ глаза.

— Тебя какъ зовутъ?

— Логиновъ, В. В. *)

— Что дѣлалъ до призыва?

— Подъ лодкой лежалъ.

— Подъ лодкой? Гдѣ?

— Да здѣсь же на Волгѣ. Какъ здорово бѣтъ захочется, пойдешь на пристань, поработаешь, а затѣмъ опять подъ лодку.

— Ну, а зимой же какъ?

— Зимой, В. В., на казенную квартиру. Не даромъ же имъ стоять здѣсь, этимъ квартирамъ? Ну нашему брату и способно: тепло и кормить.

— А семья у тебя есть?

— Никакъ нѣтъ, семьи нѣту. Да и не годится, значить, ежели законной супругѣ на такихъ квартирахъ стоять.

— А водку пьешь?

— Такъ точно. Это можно, потому водка нашему брату кровь грѣетъ.

— Ну, а въ батареѣ же какъ? На войнѣ водки не полагается. Ничего, В. В., потерпимъ.

*
* *

— В. В., Командующій бригадой пріѣхалъ. Васъ просятъ на разбивку лошадей.

Передо мной стоитъ солидный, плотный фейерверкеръ, съ небольшой, остроконечной черной бородкой.

Гдѣ я видѣлъ это лицо? Да, вспоминаю: окрашенный въ розовую краску, чистенькій, какъ игрушка, пароходъ общества «Самолетъ». Столъ, покрытый бѣлою скатертью и уставленный винами и всевозможными закусками. За столомъ кутить шумная компанія мужчинъ и нарядныхъ дамъ. Громкій, непринужденный разговоръ и смѣхъ людей, чувствующихъ подъ своими

*) Ваше Высокоблагородіе.

ногами твердую почву. Мы, офицеры, въ углу блестящей пароходной столовой, ковыряемъ вилками «стерлядку колечкомъ», и, по временамъ, бросаемъ свои взгляды на шумливыхъ, веселыхъ сосѣдей.

— Господа купечество, — шепчетъ намъ, убирающій тарелки, лакей. — Богатѣющіе, — тянетъ онъ уже нараспѣвъ, не будучи въ силахъ дольше сдерживать свой восторгъ.

Такъ вотъ оно что. Вотъ почему и тутъ въ батареѣ, онъ какъ-то сразу, по натурѣ своей, самъ поставилъ себя на привычное мѣсто хозяина и люди безропотно исполняютъ его приказанія.

— Какъ Ваша фамилія? — На ты назвать его какъ то неловко.

— Бушмакинъ, В. В.

— Чѣмъ занимались до призыва?

— Купецъ-хлѣботорговецъ.

— Я назначаю Васъ старшимъ въ обозѣ.

— Понимаю, В. В. Покорнѣйше благодарю, — добавилъ онъ какъ бы смутившись.

*
* *

— Господа Командиры, кто желаетъ получить этаго звѣря?

Командующій бригадой, вытянувъ руку, указаль на громаднаго сѣраго жеребца, привязаннаго къ, вбитому въ землю, колу. Жеребецъ плясалъ вокругъ кола, поджимая подъ себя заднія ноги, стараясь подняться на дыбки. Громадная грива частью свисла почти до земли, частью развѣвалась по вѣтру, придавая ему видъ какого-то свирѣпаго чудища.

Командиры батарей по очереди отказались.

— Такъ значить въ 6-ю?

— Слушаю, Господинъ Полковникъ.

Лошади вороныя, сѣрыя, гнѣдыя, всѣхъ мастей и отмастковъ, голодныя, избитыя, грязныя, заполнили собой весь, отведенный для бригаднаго формированія, берегъ рѣчки.

Вотъ они наши безмолвные и покорные спутники и товарищи въ грядущей боевой жизни, полной неизвѣданныхъ еще нами ощущений, тревогъ, волненій и рѣзкихъ переходовъ въ душевныхъ настроеніяхъ, отъ упадка къ воскресенію духа. Не разъ, впоследствии, приходилось намъ поражаться тому тонкому чутью или инстинкту, которое проявляли наши лошади, въ тяжелые моменты нашей боевой обстановки. Онѣ, какъ будто, понимали всю тяжесть положенія даннаго момента и, не жалѣя своихъ силъ и жизни, съ удвоенной, утроенной энергіей выручали насъ изъ надвигающейся опасности. Теперь же здѣсь, на коновязи, онѣ спокойно пережевывали свое сѣно, отдыхая послѣ послѣднихъ своихъ переживаній: сборныхъ пунктовъ, этаповъ, тѣсныхъ и душныхъ вагоновъ, шума, крика, нахлестываній и голода. Мы же, въ это время, вновь осматривали этихъ новыхъ своихъ друзей, распредѣляли ихъ по упряжкамъ и выносамъ, отбирали въ боевую часть, въ резервъ, въ обозъ.

Каждое утро, посѣщая коновязь, обнаруживаю излишекъ въ 10-15 лошадей. Откуда онѣ берутся?

— Да кто ихъ знаетъ, В. В.? Тутъ, ночью, развѣ что разберешь? Бѣгаютъ какія-то лошади, а чьи онѣ неизвѣстно. Ну наши ѣздовые и ловятъ ихъ, — утромъ виднѣе, лишь бы своихъ не упустить, а что чужія, такъ намъ убытку нѣтъ, — хозяева найдутся.

Логика моего фельдфебеля Д. Ф. Додѣльцева обезоруживала меня совершенно и, отобравъ излишекъ, что похуже, я отправлялъ ихъ въ вѣдѣніе Военскаго Начальника, предоставляя «хозяевамъ», то-есть формирующимся паркамъ и обозамъ, искать ихъ у него.

*
* *

Чижъ, Чижики, Чижонокъ, Шаръ, Шарикъ, Шарообразный, — всѣ уже словари, всѣ календари пересмотрѣли, а все еще не хватаетъ кличекъ для прибывающихъ лошадей, которыя должны получить имена.

на четыре буквы алфавита: Ц, Ч, Ш, Щ. Въ этомъ необходимомъ и очень трудномъ дѣлѣ участвуютъ всѣ офицеры, фельдфебель, писаря и даже каптенармусы.

— Ну, что же? Еще только три клички осталось.

— Ширяй,—радостнымъ голосомъ заявляетъ старшій писарь Постниковъ.

— Шикай.

— А что такое Шикай?

— Не могу знать.

— Ладно. Еще одно послѣднее сказаніе?

— Шамлетъ; — заканчиваетъ этотъ острый вопросъ фельдфебель Додѣлцевъ.

— Кончено: «Шамлетъ». Конь Шамлетъ.

*
* *

Люди и лошади... Въ данный моментъ нѣтъ ни людей, ни лошадей: есть личный и конскій составы. И я самъ тоже не человѣкъ: я Командиръ батареи. Я долженъ отбросить всѣ человѣческія чувства, волнующія мой мозгъ и мою душу. Забыть все, чѣмъ я жилъ, къ чему стремился, что меня огорчало и что меня радовало. Надвинулся «Великій Вопросъ», въ которомъ я лишь незначительная частица громаднаго, сложнаго механизма и, какъ таковая, жизнь моя должна быть тоже только механической, направленной, исключительно, къ выполненію одной главной цѣли. И я стараюсь быть тѣмъ, тѣмъ я долженъ быть, напрягаю къ этому всю свою волю и, тѣмъ не менѣе, мнѣ плохо это удается: жизнь реальная, человѣческая, прошлая и настоящая, вырывается наружу и разрушаетъ мою работу надъ собой. Я не могу никакъ видѣть въ людяхъ своей батареи лишь фейерверкеры, орудейныхъ номеровъ и ѣздовыхъ: сквозь эти официальные званія, въ каждомъ изъ нихъ, сквозитъ человѣкъ, со всѣми своими человѣческими чувствами и стремленіями.

Свыше двухсотъ человѣческихъ жизней вручается мнѣ, въ мое личное распоряженіе, въ этотъ тяжелый историческій моментъ и я, какъ начальникъ, «несу за

нихъ опредѣленную закономъ отвѣтственность». Это по уставу.

Что означаютъ эти слова устава? Означаютъ ли онѣ, что я несу отвѣтственность и за жизнь своихъ солдатъ? Въ уставѣ объ этомъ нѣтъ разъясненія. Въ умѣ же и въ душѣ моей на этотъ вопросъ отвѣтъ готовъ и, какъ бы я въ будущемъ не старался себя оправдать, я знаю, что отвѣтственность громадная лежитъ на мнѣ, не только передъ ними самими и ихъ семьями, но и передъ моей собственной совѣстью. И эта отвѣтственность на мнѣ лежитъ не только за жизнь ихъ, но даже и за каждую, пролитую даромъ, каплю ихъ крови. Смогу ли я, хватить ли у меня ума, энергій рѣшимости и знаній сберечь эту кровь и не лить ее впусту, по собственному несовершенству или кому нибудь въ угоду.

И такъ, личный составъ 6-я батарея получила, почти полностью, изъ Запаса Арміи. Отличнѣйшій личный составъ: изъ лѣсовъ Муромскихъ, Костромскихъ, «Керженецкихъ» лѣсовъ, съ Волги, Шексны, Клязьмы рѣки, оттуда, гдѣ слагались пѣсни былинныя богатырскія, прибыли эти люди, потомки былинныхъ русскихъ богатырей, смѣтливые, грамотные, крупные и сильные. Почти половина изъ нихъ придерживалась «древняго благочестія» и старыхъ, вѣками созданныхъ обычаевъ, степенныхъ, крѣпкихъ, какъ степенны и крѣпки были и тѣломъ, и духомъ и сами эти люди, непоколебимая вѣра въ Бога, въ Судьбу, начерченную Божественнымъ Промысломъ, безъ воли котораго ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы, эти 30—40 лѣтніе богатыри шли на войну спокойные, увѣренные, покорные. Ни ругани, ни пьянства, ни дракъ и какъ-то такъ ужъ вышло само собой, что вторая половина солдатъ батареи, какъ бы подавленная нравственнымъ превосходствомъ этихъ старовѣровъ, подчинилась, почти во всемъ, ихъ жизненному укладу и слилась съ ними въ одну крѣпкую, дружную семью.

Въ концѣ Юля кадровыя части выступили на фронтъ и, такимъ образомъ, освободили для насъ, вновь формирующихся, свои казармы. Это сильно облегчило наше положеніе, но, совершенно неожиданно, появилось новое крупное затрудненіе: бабы.

Въ казармы перебрались къ вечеру. Захожу. Команда. — «встать, смирно». Ничего не понимаю: ба зарь, таборъ цыганскій какой-то: солдаты, бабы, ребяташки...

Мой молодой фельдфебель Додѣльцевъ почти плачетъ :

— Ничего не могу подѣлать, В. В., все сродственники: жены, матери, сестры и все съ ребятами. Ни расчета произвести, ни повѣрки. А развѣ бабу выгонишь? Да и старики наши обижаются: послѣдніе вѣдь денечки вмѣстѣ. Ну значить каждая со своимъ хозяйствомъ. Тутъ и ребятъ качають, и бѣлье стирають. А тутъ что, такъ она прямо въ рожу тебѣ лѣзетъ, И ужъ больно много, разрѣшите доложить, В. В., хлѣба идетъ. Потому съ тремя фунтами въ сутки, на человѣка, теперь не обойдешься никакъ. Баба что? — извѣстно: хоть ты ей толкуй, хоть не толкуй, а только одно: мужей, нашихъ кормильцевъ, забрали, а намъ и ребятамъ хлѣба жалѣють. Да крестъ на тебѣ есть-ли?

Дѣйствительно, ничего не подѣлаешь: приказаль давать, понемногу, хлѣбъ и бабамъ.

— Спасибо, кормилецъ, спасибо, родной. Дай тебѣ Богъ за это много лѣтъ здравствовать и дѣткамъ твоимъ тоже, если они у тебя имѣются. А ты, значить, Командиръ будешь? Такъ вотъ, ужъ нашихъ муженьковъ побереги. Не лѣзь больно шибко на нѣмца. Нѣмецъ вѣдь злющій, сказывають. И послалъ же намъ Господь такое за грѣхи наши тяжкіе . . . и пошли, на разные голоса причитать, каждая свое. Пришлось отступать, только напослѣдокъ, спросилъ:

— Ну, а спать то какъ будутъ.

— Да тамъ ужъ сами разберутся, В. В., кто, гдѣ и съ кѣмъ. Ничего, — свои. Изъ за бабъ не передедутся, не извольте беспокоиться, — заключилъ, нѣсколько повеселѣвшій фельдфебель.

*
* *

— А съ аммуниціей какъ же будемъ?, В. В.? — продолжаетъ онъ, совершенно уже успокоившись. — Всю перебрали, что бросила уходя въ походъ, 6-я кадровая батарея. Рвань одна. Ужъ мы, съ каптенармусомъ Малининымъ, выбирали, выбирали. . . Всѣхъ шорниковъ, всѣхъ сапожниковъ засадили за починку. И какъ мы будемъ, ежели Завѣдующій хозяйствомъ въ Москвѣ ничего не найдетъ, не приложу и ума?

Да, этотъ вопросъ волнуетъ очень сильно и меня самого. Пушки, передки, зарядные ящики имѣются полностью, люди и лошади тоже, а запречь батарею, все таки нельзя: нѣтъ конской аммуниціи. Наше Артиллерійское Вѣдомство не удосужилось заполнить этотъ пробѣлъ съ 1910 года и теперь, ассигновавъ спѣшно только деньги, расхлебывать это дѣло предоставило, всецѣло, намъ самимъ.

— Ничего, В. В., — успокаиваетъ меня каптенармусъ Малининъ, — довѣренный мануфактурной фирмы «Приваловъ и Сынъ», — въ Москвѣ чего только нѣтъ. Поручикъ К. добудутъ.

— Эхъ, Василій Ивановичъ, вѣдь это-же не ваша мануфактура, которой хоть Волгу завалить можно. Идите-ка лучше домой, супруга то ваша давно заждалась Васъ съ обѣдомъ.

Сейчасъ, В. В., вотъ только повозки надо еще осмотрѣть, — и Малининъ погружается снова въ работу, затагивая ее до поздняго вечера.

Дня черезъ два, купленная Завѣдывающимъ хозяйствомъ батареи Поручикомъ К., въ Москвѣ, аммуниція прибыла, но, конечно, далеко не полностью и кое какъ соединенная съ подправленной старой, брошенной,

ушедшей на фронтъ, кадровой 6-й батареей, была пригнана на лошадей.

Итакъ 6-я батарея запряжена.

*
* *

Взводные командиры на своихъ взводахъ, орудійные фейерверкеры у своихъ орудій, ѣздовые на мѣстахъ.

— Шагомъ мар-шь! . .

Батарея ни съ мѣста: рвутся безъ толку и волнуются лошади въ непривычной для нихъ, новой упряжкѣ. ѣздовые, почти все никогда не ѣздившіе въ орудіяхъ, лѣзутъ вонъ изъ кожи и все-таки ничего не выходятъ. На ровномъ мѣстѣ не могутъ взять лошади.

— ѣздовые слѣзай! Выпрягай!

— Ну, Тимофей Максимовичъ, какъ намъ дальше быть съ этимъ дѣломъ?

— Времени еще много у насъ, В. В., все постепенно наладится.

Т. М. Галушукъ, подпрапорщикъ, назначенный въ 6-ю батарею на офицерскую должность, красивый 28 лѣтній брюнетъ. Я знаю его упрямую хохлацкую натуру, а потому пользуюсь случаемъ, чтобы его еще подзадорить.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Такъ точно, В. В.

— Ну хорошо, тогда я, всецѣло, поручаю Вамъ это дѣло.

*
* *

— В. В., разрѣшите моему сыну, хотя одинъ день, побыть со мною. Я оборачиваюсь: на меня смотритъ нерѣшительно, грустными слезящимися глазами, старый еврей, съ длинной сѣдой бородой. Въ рукахъ мнетъ шапку.

Я нарочно пріѣхалъ изъ Могилева, чтобы проститься съ сыномъ.

— Какъ фамилія вашего сына?

— Расницовъ.

— Кузнецъ? Конечно, разрѣшаю.

Мы направляемся къ кузницѣ, гдѣ идетъ спѣшная перековка лошадей. Молодой Геркулесъ, кузнецъ Расницовъ, весь красный отъ жара, идущаго отъ горна и отъ усиленной работы, даже не поднялъ глазъ на своего отца.

— Расницовъ, оставь работу, иди съ отцомъ.

Не время, В. В., я не пойду.

А за стѣной, по плотно убитой землѣ открытаго манежа, стучать копыта лошадей и слышится уже глосъ Подпрапорщика Галущука:

— Да не тяни ее, чортъ! . . Не затягивай! . . Отпусти поводъ! . .

Старый еврей, молящими глазами, взглянулъ на меня. Я пожалъ плечами и вышелъ.

*
* *

— Два патрона, бѣглый огонь! . . — несется, по всему казарменному двору, громовой глосъ старшаго офицера Поручика Яковлева.

Слышится щелканіе курковъ орудій и лязгъ металла орудійныхъ замковъ. Восемь орудій, вытянутыхъ въ одну линію, окружены суетящейся орудійной прислугой.

— Смирно! . .

— Ну какъ идетъ дѣло?

— Слабо пока, Господинъ Капитанъ: главное препятствіе въ томъ, что люди никакъ не могутъ освоиться съ дѣйствительной простотой работы при орудіяхъ. Вѣдь, въ большинствѣ, они этихъ орудій не видѣли и имъ кажется, что, непременно тутъ должно быть все очень труднымъ. Въ особенности ихъ пугаетъ понорама:*) такой сложный приборъ и такъ проста и легка съ нимъ работа.

— В. В., — прибѣжалъ, запыхавшись, дежурный

*) Оптическая часть прицѣла.

по батареѣ фейерверкеръ, — тамъ какой-то полковникъ васъ спрашиваетъ. Вотъ они сами идутъ сюда.

— Вы Командиръ батареи?

— Такъ точно, Господинъ Полковникъ.

— Я прибылъ изъ Петербурга для повѣрки знаній призванныхъ изъ Запаса Арміи офицеровъ. У васъ сколько такихъ?

— Два прапорщика. Господинъ Полковникъ. Только не стоить Вамъ беспокоиться: оба они ровно ничего не знаютъ. Одинъ, прапорщикъ Никольскій, обучалъ географіи дѣвицъ въ одной изъ Московскихъ гимназій, а другой, прапорщикъ Вырубовъ, посвятилъ себя всецѣло искусству, — занять театромъ. Если они и знали что либо, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то къ настоящему моменту успѣли все основательно забыть. Необходимо нѣкоторое время для того, чтобы они могли все это вспомнить, а такъ-же усвоить и то, чего они раньше совсѣмъ не знали.

— У Васъ, кажется, идутъ занятія при орудіяхъ.

Такъ точно Господинъ Полковникъ.

— Хорошо, продолжайте: я хочу посмотрѣть, какъ они у васъ производятся.

— 40, трубка 40! . . — опять загремѣла команда Поручика Яковлева.

— Вольтъ налѣво. . . Убирай построшки. . . — доносится съ манежа охрипшій голосъ подпрапорщика Галуцука.

* *
*

На казарменный дворъ вваливается послѣдняя партія прибывшихъ на пополненіе людей. Мужчины, женщины, дѣти.

Съ котомками за плечами, въ рукахъ узелки, изъ которыхъ торчатъ углы пироговъ, караванъ бѣлаго хлѣба и другая деревенская снѣдь, — «гостинцы», въ обиліи заготовленные въ дорогу, уходящимъ на фронтъ, близкимъ бабьему сердцу мужьямъ, сыновьямъ и братьямъ.

Въ прибывшей партіи больше всего бабъ. Пестрыми, яркими красками своихъ одѣяній придаютъ онѣ особый, художественный колоритъ всей прибывшей группѣ. Бабы одѣты по праздничному, — принарядились. Между нами царитъ полная тишина. Испуганными, недовѣрчивыми глазами смотрятъ онѣ на насъ, офицеровъ, отъ которыхъ зависитъ судьба ихъ близкихъ.

Въ 1-ю батарею, 2-ю, 3-ю, — отмѣчаетъ мѣломъ на груди прибывшихъ запасныхъ солдатъ Командующій бригадой.

— Дозвольте, В. В., мнѣ въ 5-ю. Тамъ у меня сродственникъ служить, въ 5-й батареѣ. Вмѣстѣ значить. . .

— Хорошо, иди въ 5-ю

— А мнѣ, В. В., дозвольте въ 3-ю, такъ что на дѣйствительной я въ 3-й служилъ, такъ что и теперь въ 3-ю охота.

— Иди въ 3-ю.

— Въ 4-ю, 5-ю, 6-ю — продолжаетъ отмѣчать Командующій бригадой, подходя уже къ концу выстроенныхъ въ шеренгу запасныхъ.

Разбивка окончена. Пестрая толпа засуетилась, заговорили бабы, опять котомки взвалены на плечи и новая волна вновь прибывшихъ вливается въ казарменную жизнь, въ настоящее время такую шумливую, необычайную.

*
* *

Быстро проходитъ время, не замѣчаешь его. Находясь въ батареѣ отъ зари до зари, съ радостью наблюдаешь, какъ изъ толпы прибывшихъ мужиковъ и всклокоченныхъ, худыхъ, голодныхъ лошадей, постепенно формируется и вырастаетъ мощная, стройная воинская часть. Это уже не мужики, неповоротливые, медлительные, двигающиеся въ развалку. Это уже настоящіе солдаты, проворные, подтянутые, вѣжливые. У лошадей — шерсть уже блеститъ, углы скруглились,

гривы подщипаны, хвосты выровнены, лошади подобраны по выносамъ и по упряжкамъ,

Прапорщика Вырубова приказано откомандировать въ Штабъ Округа.

На его мѣсто прибылъ молодой, веселый прапорщикъ Соколовскій.

*
* *

Середина августа. Гудить съ высокой соборной колокольни мѣдный звонъ колоколовъ. Гудить, сзываетъ, возвѣщаетъ жителямъ о торжествѣ, происходящемъ на Соборной площади, когда Старый городъ благославляетъ сыновъ своихъ на Бранный Подвигъ, во имя единой, безкорыстной любви къ Великой Родинѣ.

— На молитву, шапки долой! . .

Изъ широко открытыхъ вратъ древняго храма вышелъ крестный ходъ.

Ослѣпительнымъ золотомъ сверкаютъ ризы священнослужителей, полотнища священныхъ хорургвей, кресты, купола стараго храма и, льющіяся сверху, съ голубого неба, потоки солнечныхъ лучей, играющихъ переливчатымъ свѣтомъ въ лѣсу склоненныхъ штыковъ.

Все ближе и ближе подвигается крестный ходъ къ стройнымъ колоннамъ. Благославляющая рука окрапливаетъ ряды Святою водой. Люди крестятся, лица ихъ серьезны, слова молитвы шепчутъ уста.

Уходятъ всѣ, да всѣмъ ли суждено вернуться, увидѣть еще разъ, на этомъ же мѣстѣ, сверкающее золото куполовъ, ризъ, солнечнаго свѣта?

Крестный ходъ прошелъ и скрылся въ вратахъ храма.

— Къ церемоніальному маршу. . .

Сверкнули штыки, стальной колоссальной щеткой заколебались въ воздухѣ, двинулись плотной стѣной подъ бодрящія, стройные звуки мѣдныхъ трубъ, подъ крики «ура» громадной толпой народа, окружившаго площадь. Послѣдній парадъ.

Батарея запряжена. Передъ фронтомъ ея на столикѣ стоитъ раскрытая икона — складень Смоленской Божьей Матери, подарокъ-благословеніе, ушедшей уже въ походъ матери 6-й кадровой батареи, своей дочери, вновь сформированной, 6-й батареи.

На молитву шапки долой. . .

Послѣдній взглядъ на родной казарменный дворъ, на опустѣвшія конюшни, на опустѣвшія казармы: у воротъ, во дворѣ, толпа провожающихъ бабъ, у воротъ на улицѣ, праздная толпа любопытныхъ.

— Справо по орудійно. . .

Длинная вереница орудій, зарядныхъ ящиковъ и повозокъ постепенно вытягивается по улицѣ.

Я смотрю на своихъ людей и вижу на ихъ лицахъ какое-то особое, торжественное выраженіе: видно, что у всѣхъ, надъ всѣми думами, царствуетъ одна общая мысль: военный походъ 6-й батареи начинается.

*
* *

Батарея направляется на погрузку, проходя черезъ центръ города.

Гуляющая, возбужденная текущими событіями, публика останавливается, съ любопытствомъ разглядывая проходящую батарею. Вслѣдъ батареѣ несутся всевозможныя пожеланія, слова ободренія, сочувствія. Священникъ, снявъ съ груди свой наперстный крестъ, благословляетъ проходящія упряжки.

Какъ странно, что городъ живетъ такъ-же, какъ жилъ и вчера, и мѣсяцъ тому назадъ, и всегда. Тѣ-же, давно-знакомые, открытые магазины, съ витринами, заставленными всевозможными товарами, такъ же покупатели входятъ въ ихъ открытыя двери и дѣлаютъ свои покупки и такъ же будутъ и дальше, безъ насъ.

Нарядная, вѣчно шумящая пестрая толпа, только на лицахъ какъ будто бы больше оживленія и глаза женщинъ сильнѣе блестятъ, а, въ остальномъ всѣ они все тѣ-же. Только мы одни куда-то несемся, въ невѣдо-

мыя дали. Пройдетъ батарея и всѣ они сейчасъ же забудутъ о насъ, увлеченные своими личными дѣлами и заботами.

* * *

На военной платформѣ кипитъ спѣшная работа: по деревяннымъ мосткамъ вводятъ въ вагоны разсѣдланныхъ и разомунченныхъ лошадей.

Первый шагъ трудень: лошадь осторожно пробуетъ ногами деревянный настилъ, а затѣмъ уже, легкими прыжками, входитъ въ вагонъ. Нѣкоторыя упрямятся, — боятся. Взявшись за руки, люди сзади подталкиваютъ ихъ. Лошадь сразу влетаетъ и перепуганная, тропотитъ ногами о непривычное дерево пола вагона. По рельсамъ, канатами, тянутъ люди на платформе орудія, зарядные ящики, передки. Тутъ толпа пестрая: солдаты, ихъ матери, жены, всюду снуютъ ребяташки, — всѣ принимаютъ участіе въ трудной работѣ. Яркіе платки бабъ разцвѣчиваютъ весь эшелонъ: на орудіяхъ, на ящикахъ, вездѣ сидятъ бабы.

— Вотъ поглядите. . .

Я оборачиваюсь: другъ передъ другомъ, по дѣтски, прижавъ къ глазамъ кулаки, плачетъ молодая миловидная баба и ея мужъ, молодой фейерверкеръ Бѣликовъ. Такъ и стоятъ другъ передъ другомъ и изъ подъ кулаковъ текутъ по ихъ лицамъ обильныя слезы.

— Поженились недавно. Не охота имъ разставаться другъ съ дружкой, — поясняетъ мнѣ, улыбаясь, старый солдатъ, увидавъ, что эта сцена вызвала во мнѣ любопытство.

* * *

— Господинъ капитанъ, примите меня добровольцемъ въ свою батарею. На меня вопросительно смотритъ высокій молодой человекъ, въ формѣ студента Института Путей Сообщенія.

— Охотно. А гдѣ ваши вещи?

Я васъ догоню, господинъ капитанъ, я только

сдамъ всѣ дѣла по постройкѣ, на которой я работаю. Возьмите мои бумаги.

— Зачѣмъ же мнѣ ваши бумаги? Когда явитесь въ батарею, тогда и отдадите.

— Нѣтъ, возьмите сейчасъ. Я тогда буду увѣренъ, что я принятъ.

— Ну, давайте.

«Николай Александровичъ Тиличевъ,» — прочиталъ я въ бумагахъ своего добровольца, — «студентъ 4-го курса».

— В. В., вотъ еще добровольцы. Очень просятъ принять ихъ. Фельдфебель подвелъ ко мнѣ трехъ молодыхъ людей, по виду мѣщанъ.

— Грамотные?

— Такъ точно.

Ваши бумаги сдадите старшему писарю. Какъ ваши фамилии?

Соколовъ, Отопковъ, Блиновъ.

Обрадованные добровольцы скинули куртки и сейчасъ же приняли участіе въ общей работѣ.

*
* *

Черезъ нѣсколько часовъ готовый эшелонъ вытягивается длинной колонной вагоновъ и платформъ у перрона пассажирскаго вокзала. Изъ вагоновъ выглядываютъ лошадиныя головы, изъ подъ накинутыхъ брезентовъ на платформахъ торчатъ жерла орудій.

Трубачъ, сборъ!

Легкіе звуки сигнала, въ послѣдній разъ, оглушаютъ родныя мѣста. Эшелонъ медленно отходитъ, провожаемый хоромъ, раздавшихся какъ по командѣ, при первомъ же поворотѣ колесъ, причитаній и плача родственницъ отъѣзжающихъ солдатъ. Поѣздъ идетъ уже полнымъ ходомъ, а бабій вой и плачь еще слышенъ все тише и, наконецъ, совершенно замираетъ вдали.

2. Въ гарнизонѣ крѣпости Брестъ - Литовскъ

Мчится поѣздъ, стуча и громохая, куда-то на западъ, какъ змѣя изгибая свое длинное тѣло, то головой, то хвостомъ выдаваясь въ сторону, то вдругъ, совершенно выпрямившись, летитъ какъ стрѣла, все впередъ и впередъ. — впередъ къ неизвѣданной новой жизни, тяжелой, можетъ быть даже страшной, но все же заманчивой и интересной.

Телеграфные столбы, какъ живые, мелькаютъ въ окнахъ вагона. На нихъ проволока, какъ будто играетъ, то опускаясь внизъ, то поднимаясь, исчезаетъ изъ поля зрѣнія, ограниченнаго размѣрами окна. Будки стрѣлочниковъ, шлагбаумы, бабы съ зелеными флажками въ рукахъ, ребятишки и куры, пасущіяся стада, полустанки и даже небольшія станціи, — все проносится мимо, все остается сзади въ мирной, спокойной жизни.

Поѣздъ сбавляетъ ходъ. Стукъ колесъ все рѣже и рѣже и вотъ онъ совсѣмъ останавливается.

Большой пассажирскій вокзалъ. Рядомъ, на пути, стоитъ прибывшая нѣсколько раньше 5-я батарея.

— Что поваго? Неизвѣстно еще куда насъ везуть.

— Нѣтъ ничего неизвѣстно.

Съ противоположной стороны подходит какой-то эшелонъ: это санитарный поѣздъ, — первое дыханіе войны, которое мы ощущаемъ.

Начинается обычная суматоха: кого-то куда-то несутъ на носилкахъ, бѣгаютъ и суетятся сестры, хло-

почуть врачи. Легко раненные, одинъ за другимъ, выдѣзаютъ изъ вагоновъ. Ихъ сейчасъ же окружаютъ наши солдаты, ведутся распросы, рассказы, даются совѣты. Наши еще не обстрѣлянные, съ благоговѣніемъ слушаютъ уже бывалыхъ. Время отъ времени, изъ толпы, раздаются возгласы удивленія или сочувствія, поднимается шумъ, смѣхъ. Веселые, довольные, возвращающіеся назадъ, легко раненные такъ и сіяютъ. На лицахъ ихъ ясно написана радость, что такъ быстро и легко отдѣлались и, рядомъ съ ними, сосредоточенно-серьезныя фигуры нашихъ бородачей, внимательно, боясь пропустить хоть одно слово, слушаютъ повѣствованія этихъ новыхъ бывалыхъ счастливицевъ.

Тутъ же, грѣясь на солнышкѣ, прохаживается раненый командиръ батареи. На его лицѣ тоже написано удовольствіе: онъ выполнилъ свой долгъ и теперь пользуется законнымъ отдыхомъ. Онъ раненъ въ плечо австрійской шрапнельной пулей.

— Австрійцы стрѣляютъ хорошо. Мы понесли крупныя потери. Необходимо чтобы орудійная прислуга не забывала засыпывать промежутки между нижнимъ щитомъ орудія и землей. Это очень важно: изъ подъ щитовъ бьютъ шрапнельныя пули. У насъ много раненій въ ноги.

Ну, хорошо, можетъ быть и такъ. На всякій случай будемъ помнить. Спасибо за совѣтъ.

Лошади напоены. Эшелонъ отходить. Въ дверяхъ санитарнаго вагона стоитъ сестра милосердія, съ георгіевской медалью на груди и провожаетъ насъ глазами.

— Возвращайтесь со славою, — говоритъ она намъ на прощаніе.

Поѣздъ мчится дальше.

*
* *

На слѣдующей остановкѣ впервые видимъ плѣнныхъ. Это австрійцы-поляки. Между ними германскій кавалеристъ. Плѣнныхъ сейчасъ же обступаютъ Сол-

даты, суютъ имъ колбасу, хлѣба, папиросы. Австрійцы, видимо, чувствуютъ себя неплохо и охотно вступаютъ въ разговоръ. Больше всего насъ интересуеть ихъ военная, невиданная еще нами форма, хотя мы сейчасъ же разочаровываемся: форма непрактична и некрасива. Ихъ обмотки и ботинки вызываютъ у нашихъ солдатъ цѣлый потокъ остротъ:

— Что, пань, у вашего Франца Юсифа не хватаетъ кожи на голенища солдатамъ?

— Нѣтъ, братцы, это компрессы, чтобы значить не простужались, потому народъ то больно лядащій.

— А зимой то тоже въ обмоточкахъ и въ штиблетахъ? Смотрите, паны, въ штиблетахъ то холодно будетъ, — снѣгу понабьется.

Нѣмецъ не показывался, а все-же интересно посмотрѣть и на него.

— Эй, германишеръ! — крикнулъ въ вагонъ офицеръ 5-й батареи М. А. Гофманъ.

— Глейхъ! — Черезъ минуты двѣ, на ходу застегивая пуговицы мундира, легкимъ прыжкомъ на платформу вскочилъ молодой германецъ, и увидя офицеровъ, вытянулся въ струнку. Онъ сразу расположилъ къ себѣ: чистенькій, подтянутый, онъ готовъ сейчасъ же отвѣтить на всѣ вопросы.

— Ты какъ попалъ въ плѣнъ?

— Взять во время фуражировки вашими казаками. Подо-мной убили лошадь.

— А Императора своего любишь?

Тутъ нѣмецъ не выдержалъ: онъ поднялъ къ небу глаза и, съ какимъ то особеннымъ восторженнымъ чувствомъ, произнесъ:

— О, Кайзеръ!

Какой контрастъ съ австрійцами, растрепанными, въ растегнутыхъ грязныхъ мундирахъ. Сапоги нечищены, сами они немые, нечесанные. Когда мы подошли къ нимъ, они даже не встали.

— Я убилъ своего офицера, а самъ сейчасъ же сдался въ плѣнъ, — заявилъ одинъ изъ нихъ.

Какая гадость. Пропала всякая охота разговаривать съ ними и мы отошли въ сторону.

* *
*

Я получилъ официальное сообщеніе о направленіи эшелона на австрійскій фронтъ. Кажется этой новостью все довольны. Хотя мы еще не были въ бояхъ, но слышали уже немало объ обоихъ противникахъ и, по чувству, свойственному всеъмъ людямъ: лучше, гдѣ легче, — мы повѣрили въ благосклонность къ намъ нашей Судьбы.

Брестъ-Литовскъ.

Но что это. Не вѣримъ своимъ глазамъ: 4-я и 5-я батареи разгружаются. Эшелонъ встрѣчаетъ командующій дивизиономъ подполковникъ В. В. Поповъ.

— Да, да. . . Вы должны сейчасъ же выгрузиться. Бригада получила назначеніе въ составъ гарнизона крѣпости. Да вотъ, дѣйствительно, сначала получили опредѣленное приказаніе слѣдовать на австрійскій фронтъ, а сейчасъ неожиданное измѣненіе. Видите-ли, по словамъ коменданта станиціи, мы должны были прослѣдовать черезъ Брестъ двое сутокъ тому назадъ, но такъ какъ мы опоздали, вмѣсто насъ двинули спѣшно 61-ю бригаду, бывшую въ составѣ гарнизона крѣпости, а насъ теперь ставятъ на ея мѣсто.

Но вѣдь мы не опоздали: мы выѣхали точно по мобилизаціонному плану.

О какихъ двухъ суткахъ они говорятъ?

— Да, конечно. Но спорить съ ними не приходится, — все равно имъ ничего не докажешь и мы должны только безпрекословно подчиниться.

— А наша пѣхота?

— Дивизія прошла на австрійскій фронтъ и навѣрно уже гдѣ нибудь тамъ дерется. Я, конечно, понимаю васъ и мнѣ самому вѣдь тоже обидно быть зачисленнымъ въ какія-то гарнизонныя крысы и просидѣть здѣсь всю войну, въ то время какъ другіе будутъ получать тамъ награды: ордена, чины. Да и неприятно будетъ

послѣ войны вернуться въ кадровую бригаду: они, навѣрное, будутъ драть передъ нами свои носы.

Разгрузились. Всѣ смотреть хмуро, всѣ недовольны.

— Да что-же, В. В., ужь если воевать, такъ воевать, а то ни то, ни се.

И дома свои побросали, и хозяйство, и семьи, а для чего? Безъ дѣла только будемъ время терять, все равно никакого непріятеля здѣсь не дождаться: далеконько непріятель-то, чай не дойдетъ.

Такъ сѣтовали мои солдаты, пытаюсь какъ бы убѣдить меня: авось командиръ похлопочетъ и насъ пошлютъ дальше. Ондѣ только лошади были довольны и не скрывали своей радости. Застоялись онѣ въ тряскихъ, душныхъ вагонахъ и, видимо съ большимъ наслажденіемъ стучали своими копытами о твердую, упругую землю, когда везли наши пушки въ отведенный для нашей стоянки лагерь изъ артиллерійскихъ бригадъ.

*
* *

Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица и, вскорѣ, я, въ глубинѣ своей души, почувствовалъ, что наше вынужденное сидѣніе въ гарнизонѣ крѣпости — это опять таки, особое благоволеніе къ намъ нашей Судьбы.

— Ну что-же, ребята, — говорю я окружившимъ меня послѣ занятія солдатамъ, — вотъ вы были вѣдь очень недовольны, когда насъ высадили въ Брестѣ, вмѣсто того, чтобы пустить прямо на фронтъ? 61-я бригада вернулась видѣли въ какомъ состояніи?

— Такъ точно, В. В., видѣли, — раздаются изъ толпы голоса, — а только вѣдь и вы В. В., не больно тогда радовались, когда насъ разгружали? — ловятъ меня, посмѣиваясь, мои молодцы.

61-я бригада вернулась совершенно растрепанной. Вѣриѣе вернулись лишь жалкіе остатки ея для новаго формированія бригады. Одной изъ причинъ ея разгрома,

была неподготовленность къ бою, которую и мы не могли не сознавать у себя. Мы налегали на занятія и дѣло понемногу двинулось.

*
* *

Конное ученье. . . Я вывожу батарею на ровное поле, поросшее жиденькой травой. Утреннее солнышко ласково грѣетъ и играетъ яркими бликами на блестящихъ спинахъ лошадей. Лошади фыркаютъ. Подручные, выгнувъ въ стороны шею, тропотятъ мелкою рысью, — «пляшутъ». Батарея идетъ въ орудійной колоннѣ.

Знакъ шашкой. Батарея уже перестроилась: идетъ фронтомъ, орудіе отъ орудія на 24 шага, голова въ голову, какъ по линейкѣ. За орудіями ящики.

— Рысью! . .

Ожила батарея. Заволновалась, зашумѣла сплошная масса людей, животныхъ и металла. Лошади рвутся впередъ и съ трудомъ сдерживаютъ ихъ ѣздовые.

Батарея опять въ орудійной колоннѣ.

— Стройся влѣво! . .

Какъ буря несутся упряжки. Лошади разстилаются-скачутъ, металлъ звенить.

Какая красота! Какая сила!

*
* *

Доброволецъ Н. А. Тиличевъ догналъ батарею на пути къ Брестъ-Литовску и, вскорѣ по его прибытіи, у насъ съ нимъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Такъ вы хотите, дорогой Николай Александровичъ, все-таки остаться въ батарее?

— Да, хочу. Сами посудите: я отлично сознаю свое положеніе и давно уже свыкъся съ мыслью, что скоро долженъ буду умереть. Когда я просилъ васъ принять меня добровольцемъ, я умышленно не сказалъ вамъ ни слова о своей болѣзни, — схитрилъ. Я зналъ, что вскорѣ это откроется, но тогда вы уже немного меня узнаете и привыкнете ко мнѣ и мнѣ легче будетъ добиться своей цѣли.

Но вѣдь старшій врачъ говоритъ, что вашъ порокъ сердца настолько серьезенъ, что вы не вынесете даже перваго серьезнаго похода или дѣла, что несмотря на то, что онъ старый врачъ, ему еще не приходилось наблюдать такой тяжелой формы. Онъ наотрѣзь отказался выдать вамъ свидѣтельство, необходимое для зачисленія въ Дѣйствующую Армію.

Н. А. Тиличевъ смутился, но ненадолго. Вдругъ онъ быстро поднялъ голову, посмотрѣлъ на меня, улыбнулся и заговорилъ:

— Предположимъ, какъ говоритъ вашъ докторъ, я не вынесу и перваго боя. Увѣрены ли вы, что этотъ бой пройдетъ благополучно для всѣхъ, вполне здоровыхъ чиновъ вашей батареи? А вамъ, оставшимся въ живыхъ, не безразлично ли здоровы или больны были люди, погибшіе въ бою? Напротивъ, о здоровыхъ даже больше будетъ сожалѣнія. Я-жъ буду одной изъ первыхъ жертвъ и больше ничего. А, вдругъ, я вынесу этотъ бой, а можетъ быть и рядъ другихъ боевъ и успѣю принести общему дѣлу какую нибудь пользу?

— Пожалуй онъ правъ,—подумалъ я.

— Хорошо, я васъ принимаю; обойдемся какъ нибудь и безъ свидѣтельства.

Н. А. Тиличевъ страдаетъ тяжелымъ недугомъ, но срокъ, предсказанный ему врачами прошелъ уже давно. Придется дать ему спокойную верховую лошадь, а пока онъ налаживаетъ, крайне важное въ батареѣ, телефонное дѣло: вѣдаетъ, какъ у насъ говорятъ, связью батареи и, въ свободное время, по присущей ему любознательности, разбирается въ таблицахъ стрѣльбы и возится съ угломѣромъ Михайловскаго-Турова, точнымъ, прекраснымъ приборомъ, необходимымъ въ мирное время, но совершенно лишнимъ грузомъ во время войны.

*
* *

Къ командиру 5-й батареи, капит. А. В. Васильеву

пріѣхала его жена и привезла намъ вѣсти о нашей кадровой бригадѣ.

Насъ особенно поразило то, что одинъ изъ командировъ батарей, на котораго въ мирное время мы возлагали большія надежды, въ первомъ же бою, при легкой контузій, такъ разнервничался, что его пришлось, какъ совершенно непригоднаго къ строю, перевести въ тылъ на нестроевую должность. Явленіе на войнѣ довольно обыкновенное: есть люди какъ будто вполне здоровые, съ волей и большимъ желаніемъ выполнить свой долгъ, но, тѣмъ не менѣе, при первомъ же свистѣ снаряда совершенно теряющіе всякое самообладаніе. Они не виноваты въ этомъ, — такова ихъ натура, но вмѣсто пользы, они приносятъ дѣлу много вреда и какъ начальники, и какъ примѣръ для другихъ, заражая болѣе слабыхъ своею нервозностью. А про солдатъ и говорить нечего: явно струсившій солдатъ вызываетъ сожалѣніе и шутки, но офицеръ, — съ какимъ презрѣніемъ смотрятъ они на него.

* *
*

Крѣпость Брестъ-Литовскъ въ настоящее время могла бы только сыграть нѣкоторую роль въ общей боевой линіи, какъ укрѣпленный опорный пунктъ. Какъ крѣпость она уже устарѣла и характеромъ своихъ фортовъ и своимъ вооруженіемъ и только, въ недавнее время, было приступлено къ постройкѣ нѣсколькихъ новыхъ фортовъ, отвѣчающихъ современнымъ требованіямъ. Что касается вооруженія крѣпости, то таковое, почти полностью, состояло изъ орудій образца 1877 года, въ настоящее время мало пригодныхъ. Изъ всего артиллерійскаго вооруженія крѣпости только двѣ или три 6-ти дюймовыя гаубичныя батареи новѣйшаго типа представляли собою дѣйствительно серьезное вооруженіе, но и тѣ были уже предназначены къ отправкѣ на фронтъ.

Тѣмъ не менѣе комендантъ крѣпости ген. Лаймингъ

не терялъ бодрости духа и принималъ, на всякій случай, все зависящія отъ него мѣры для возможнаго усиленія крѣпости и приведенія ея въ боеспособное состояніе. Въ крѣпости шла кипучая работа съ утра и до ночи: рылись рвы и заплетались сѣтью колючей проволоки, а затѣмъ затоплялись водой. Насыпались и укрѣплялись валы, устанавливались батареи, ремонтировались и усиливались форты, сносились постройки, мѣшающія обстрѣлу и наблюденію, вырубались ближайшія лѣса. Нашимъ батареямъ были указаны позиціи, на которыхъ мы заранѣе должны были произвести все необходимыя измѣренія. Занять эти позиціи мы должны были по особому приказанію, при приближеніи непріятеля.

Генераль Лаймингъ постоянно присылалъ намъ — командирамъ батарей, приглашенія на частыя практическія стрѣльбы крѣпостной артиллеріи, отъ которыхъ мы, конечно, не могли уклоняться. Увы, эти стрѣльбы, изъ орудій отжившихъ типовъ, при всехъ отличныхъ качествахъ команднаго состава и при всей ловкости орудійной прислуги, производили на насъ какое-то жалкое впечатлѣніе.

*
* *

Для нагляднаго ознакомленія съ австрійской полевой артиллеріей генераль Лаймингъ, однажды, прислалъ въ дивизионъ плѣнное австрійское полевое орудіе, съ передкомъ и заряднымъ ящикомъ.

Вотъ она знаменитая стале-бронзовая пушка, о которой столько писали еще въ мирное время.

— Смотрите, В. В., вѣдь это никакъ засохшая кровь?

И, дѣйствительно, все сидѣніе и часть лафета были залиты запекшейся кровью. Это открытіе сразу понизило общее настроеніе собравшихся около плѣннаго орудія чиновъ батареи. Какъ-то сразу стало всемъ жутко и грустно, точно тѣнь погибшаго ав-

стрійскаго наводчика прошла сейчасъ между нами. Мы все отошли отъ орудія.

*
* *

Недѣли черезъ двѣ къ намъ присоединились, уже сильно потрепанные въ бояхъ, полки нашей дивизіи. Въ противоположность намъ, стремившимся на боевыя позиціи, наша пѣхота съ восторгомъ предалась отдыху въ Брестѣ. Но это и понятно: очень ужъ неудаченъ оказался ихъ боевой опытъ. Они рассказывали о страшной неразберихѣ, царившей въ нашихъ войскахъ: ни опредѣленныхъ твердыхъ приказаній, ни общей цѣли, ни должной связи между частями,— все это вело лишь къ безрезультатному выматыванію силъ у людей и къ бесполезнымъ крупнымъ потерямъ.

*
* *

Городъ Брестъ—Литовскъ самъ по себѣ небольшой и довольно грязный, въ это время былъ переполненъ и кипѣлъ особой лихорадочной жизнью. Офицеры часто тамъ коротали свои вечера, отдыхая послѣ усиленныхъ трудовъ и заботъ. Все магазины, рестораны и кафе блестѣли огнями, соблазняя и заманивая праздно-скучающую публику.

Но больше всего насъ привлекалъ желѣзнодорожный вокзалъ, гдѣ получались самыя свѣжія новости съ театра военныхъ дѣйствій часто отъ непосредственныхъ участниковъ боевыхъ операцій. Эти извѣстія насъ волновали, заставляя все больше и больше стремиться туда, гдѣ кровь и жизнь потеряли всякую цѣнность. Но, помимо этого, наши души угнеталъ еще какой то стыдъ за себя, за свою спокойную мирную жизнь и какъ то даже неловко было въ это время чувствовать на своихъ плечахъ офицерскіе погоны. Намъ было стыдно и не по себѣ среди переполнявшихъ вокзалъ офицеровъ, ѣдущихъ съ фронта, въ особенности среди раненыхъ, которые въ это время преобладали, и все же мы не могли утерпѣть и не посѣщать вокзала, —

этого источника отзвуковъ, далеко отъ насъ гремящихъ пушекъ, свиста снарядовъ и мелкой дроби пулеметныхъ и винтовочныхъ выстрѣловъ.

*
* *

А вотъ и плѣнные: все сплошь одни австрійцы, въ своихъ сѣро-голубыхъ мундирахъ и шинеляхъ.

Какъ спѣшатъ они скорѣе занять мѣста въ вагонахъ, которые помчатъ ихъ далеко отъ родины, въ безконечную глубь, широко раскинувшейся между морей и горныхъ хребтовъ, Великой Россіи.

Вотъ старшій, сѣдой австрійскій полковникъ. Онъ суетится и сильно беспокоится, обращаясь то къ одному, то къ другому изъ своихъ товарищей плѣнныхъ офицеровъ, на своемъ красивомъ вѣнскомъ нарѣчьи, жестикулируя и стараясь объяснить что-то, волнующее его.

*
* *

Къ концу нашего пребыванія въ гарнизонѣ крѣпости, мы уже чувствовали, какъ воинская часть, подъ своими ногами, довольно твердую почву. Намъ разрѣшили даже, для практики, на мѣстномъ полигонѣ израсходовать нѣкоторое количество снарядовъ по деревяннымъ мишенямъ и вотъ, впервые, орудія 6-й батареи застукали боевымъ вызовомъ у фортовъ Брестъ-Литовска, разукрасивъ на горизонтѣ далекое небо бѣлыми легкими дымовыми клубками шрапнельныхъ разрывовъ.

*
* *

1-й дивизионъ уходитъ. Куда? Никому неизвѣстно.

Они очень довольны и съ нами имъ некогда разговаривать. Ихъ вызываютъ спѣшно. Намъ завидно и, чтобы уже больше не волноваться, мы ихъ даже не провожаемъ.

В. В., а мы то что? Пль хуже 1-го дивизиона? Такъ и будемъ сидѣть здѣсь, въ крѣпости, до самага конца войны?

Не знаю, родные, ничего не знаю.

Проходитъ еще недѣля томительнаго ожиданія и, наконецъ. 22-го сентября мы услышали радостную вѣсть:

— 2-му дивизиону приготовиться, — завтра, съ утра, на погрузку, на фронтъ.

Ура! — песется по дивизиону.

3. На Вислѣ

Опять мы въ вагонахъ, опять проносятся мимо пейзажи мирной жизни, а мы сами все ближе къ тому, что насъ все время волнуетъ.

День смѣняется сумерками. На этотъ разъ мы знаемъ куда насъ везутъ: цѣль наша Ивангородъ. Неужели опять въ гарнизонъ крѣпости?

На станціи Ивангородъ мы разгружаемся.

10 часовъ вечера. Эшелонъ отводятъ въ сторону, на товарную платформу, погруженную въ густую тьму осенней ненастной ночи. Паровозъ отцѣпленъ и насъ оставляютъ однихъ.

Кругомъ тишина, прерываемая лишь шелестомъ дождевыхъ капель, ударяющихъ о листву густыхъ, темныхъ деревьевъ, мрачными силуэтами выступающихъ на темномъ фонѣ общей картины. Кругомъ мокро и непривѣтливо.

Шипятъ и трещатъ зажженные смоляные факелы. Дымъ, идущій отъ нихъ, окрашенъ въ багровый отѣнокъ. Ихъ пламя колышится неровными, яркими вспышками, отбрасывая свой минутный отблескъ на темную платформу, на лошадей, выходящихъ робко и нерѣшительно изъ вагоновъ, на верхушки темныхъ деревьевъ.

Какое-то странное впечатлѣніе отъ этой картины: сильное, никогда не забудется, но неприятное, жуткое.

Я отхожу въ сторону, закуриваю папиросу и думаю о томъ, какъ ловко и проворно справляются наши солдаты, темною ночью аккуратно и быстро разгружая вагоны, обамуничивая и запрягая лошадей. И вся эта

работа происходитъ въ глубокой тишинѣ и лишь изрѣдка слышенъ короткій окрикъ на лошадь, запрягающаго ее ѣздового.

Откуда-то появился слухъ, что непріятель очень близко, слухъ, который начинаетъ волновать насъ: а что если нѣмцы застанутъ насъ, врасплохъ, при разгрузкѣ?

— Батарея готова, — докладываетъ мнѣ старшій офицеръ.

Весь дивизионъ въ сборѣ, только поджидали нашу 6-ю батарею.

Мы двигаемся куда-то въ глубину ночи, въ дивизионной колоннѣ: 6-я батарея сзади, — въ хвостѣ колонны. Какими то проселочными дорогами обходимъ Ивановгородъ. Сначала все идетъ хорошо, несмотря на то что дорога невѣроятно плоха: дождемъ дорогу смыло. Все время попадаютъ глубокія выбоины, наполненныя водой и грязью. Вдругъ остановка. Въ чемъ дѣло? Ёду впередъ, въ голову колонны. Неожиданное препятствіе: большая, глубокая, грязная яма, а послѣ нея довольно крутой подъемъ въ гору. Смотрю, какъ въ эту яму ныряютъ упряжки, сначала 4-й, а потомъ и 5-й батареи, а когда очередь дойдетъ до нашей 6-й, яма увеличится, уже навѣрно, раза въ два, размолотая колесами 4-й и 5-й батарей. Объѣхать ее невозможно, видимо, мы идемъ дорогой, которой уже никто не пользуется, но, въ темнотѣ, дѣла уже не исправить.

Первое орудіе, съ налета, бросается въ яму, ѣздовые берутъ въ нагайки лошадей и орудіе благополучно, галопомъ, выносится въ гору. За первымъ орудіемъ ящикъ, опять орудіе и всѣ упряжки, поочередно, продѣлываютъ это необходимое упражненіе. На горкѣ батарея собирается.

Темно. Грязь хлюпаетъ подъ копытами, уставшихъ уже лошадей, подъ ногами людей, тяжело, темными силуэтами, молча поднимающихся въ гору. Изрѣдка вспыхиваетъ огонь отъ зажженной крученки, нѣсколько мелкихъ искръ отлетитъ въ сторону, легкой ласковый

окрикъ ѣздового нарушить безмолвіе и, вдругъ, не всплахъ преодолѣтъ попавшійся, скрытый подъ темною грязью, бугоръ, орудіе или зарядный ящикъ остановится. Лошади бьются, дергають и тогда люди приходятъ имъ на помощь: общимъ, дружнымъ толчкомъ сдвигаютъ застрявшее орудіе или ящикъ. Батарея понемногу растягивается, орудія и ящики теряють связь, наѣзжаютъ на застрявшія упряжки 4 и 5 батарей, которыми усѣяна вся дорога. Выбираемся на большакъ, обсаженный крупными деревьями. Дорога какъ будто бы лучше, но это теперь имѣетъ уже мало значенія: всѣ измучены до крайности и, въ концѣ концовъ, подъ утро, я прихожу къ назначенному намъ мѣсту бивуака съ однимъ лишь первымъ орудіемъ. Батарея полностью собралась лишь поздно вечеромъ.

Зато и отдыхъ. . . Какъ хорошъ этотъ отдыхъ въ теплой, уютной избѣ: Намокшіе грязные сапоги стянуты съ ногъ. Набухшая, торчащая, словно картонная шинель валяется гдѣ-то въ углу. Съ ногами забрались офицеры на походныя койки.

Уставшее тѣло, въ сладкой истомѣ, въ ожиданіи стакана горячаго чаю, стремится вытянуться.

Да, стоитъ продѣлать этотъ походъ, чтобы почувствовать всю прелесть наступившаго отдыха.

Люди размѣстились по избамъ. Шумъ, говоръ, смѣхъ смѣнили безмолвіе тяжелаго 35-ти верстнаго похода. Пьютъ чай съ чернымъ хлѣбомъ, дымятъ папиросами.

— Сильно устали, ребята?

— Ничего, В. В., на то и война. Не меды то сладкіе распивать, чай знали на что идемъ, не сахарные. Цѣлы будемъ. Лошадки-то наши подбились маленько, — ложатся. Отдохнуть бы имъ надо.

— Да, надо. Да кто знаетъ сколько мы здѣсь стоимъ? Ничего неизвѣстно. На этой стоянкѣ мы пробыли около 3-хъ сутокъ.

— Командующій дивизиономъ просить васъ сейчасъ къ себѣ:

Прихожу: командиры 4 и 5 батарей уже здѣсь.

— Господа командиры, — обращается къ намъ подполковникъ Поповъ, — намъ приказано вечеромъ выступить. Маршрутъ я получилъ, но куда мы идемъ и для чего, мнѣ неизвѣстно. Знаю только одно, что дивизионъ будетъ участвовать въ выполненіи какой-то важной задачи. Итакъ, собирайтесь, часа черезъ три мы выступимъ.

Надежда на улучшение погоды, къ предстоящему намъ въ эту ночь, походу не оправдалась: мелкій упорный дождь заставилъ насъ съежиться, какъ только мы вышли изъ теплой избы на улицу. Глубокая темнота ночи сейчасъ же приняла насъ въ свои холодныя объятія. Темною сплошною массой чуть вырисовывается изъ густого мрака запряженная батарея, понуро стоящія мокрыя лошади, прижавшіеся къ орудіямъ и заряднымъ ящикамъ люди.

— Садись! . .

Зашевелилась батарея. Громадная тѣнь заколыхалась и постепенно начала вытягиваться по грязному, мокрому проселку, длинной темной полосой. Уныло плетутся, еще не отдохнувшія, лошади, ноги людей хлюпаютъ въ вязкой грязи. Батарея опять постепенно растягивается. Время отъ времени останавливаю первое орудіе, чтобы дать возможность подойти остальнымъ. На разсвѣтѣ подходимъ къ назначенному, въ маршрутѣ, пункту и предвкушеніе отдыха и возможности отогрѣться и обсушиться поднимаетъ общее настроеніе. Лошади тоже чувствуютъ конецъ перехода и сами прибавляютъ шагъ.

Деревня, въ которую мы входимъ, совершенно пуста, то есть совершенно свободна отъ военнаго поста, и дивизионъ располагается на широкихъ квартирахъ, но не на долго: постепенно наша деревня заби-

вается войсками до отказа, главнымъ образомъ пѣхотой.

Группа донскихъ казаковъ, забрызганныхъ грязью, измокшихъ и промерзшихъ, явилась ко мнѣ просить разрѣшенія переночевать гдѣ нибудь съ людьми батареи. Мнѣ стало ихъ жалъ и я приказалъ своимъ развѣдчикамъ принять ихъ и накормить.

Развѣдчики помѣстились въ сѣнномъ сараѣ и боясь, чтобы они, вмѣстѣ съ казаками, освѣщая свое помѣщеніе, не подождгли сарая, я направился къ нимъ.

Мое опасеніе оказалось напраснымъ: вся команда зарывшись въ сѣно, сидѣла въ полной темнотѣ.

— Темно у васъ ребята, но ничего не подѣлаешь. Курить здѣсь въ сараѣ тоже нельзя.

— Такъ точно, В. В., да намъ свѣта и не надо: оно такъ, въ темнотѣ, больше подходитъ.

— Почему же больше подходитъ?

— Да сказки сказываемъ другъ другу страшныя.

Вотъ чудачки, какъ дѣти маленькія, чтобы страшнѣе было, создаютъ даже обстановку, а настоящаго страха дѣйствительнаго, часто не будутъ совсѣмъ ощущать.

* *
*

— Командиръ 3-го Кавказскаго корпуса генераль Ирмановъ проситъ командира дивизіона къ себѣ.

Эту новость привезъ намъ офицеръ, присланный изъ штаба этаго корпуса. Мы, съ понятнымъ нетерпѣніемъ, ждемъ возвращенія уѣхавшаго командующаго дивизіономъ. Наконецъ онъ возвращается.

— Ну, господа, поздравляю: мы вошли въ составъ 3-го Кавказскаго корпуса, который получилъ особую, отвѣтственную, боевую задачу, но какую, генераль Ирмановъ мнѣ не сказалъ. Онъ спросилъ только хороши ли наши батареи?

Я, конечно, отвѣтилъ, что надѣюсь, не будутъ хуже другихъ, хотя мы въ бояхъ еще не участвовали. Завтра утромъ выступаемъ, вмѣсто одного изъ дивизи-

зіоновъ 52-ой бригады, который находится гдѣ-то въ отдѣлѣ, а пока постарайтесь хорошенько отдохнуть, чтобы потомъ не ударить лицомъ въ грязь.

Вечеромъ я обошелъ нашу коновязь. Больше всего меня безпокоили наши усталыя лошади. Многія изъ нихъ лежали. Слава Богу, что не всѣ, — значить не такъ уже плохо.

Утромъ батарея поднялась до свѣта и начала готовиться къ походу. Появился командующій дивизиономъ:

— Господа, сейчасъ генераль Ирмановъ извѣстилъ меня, что по просьбѣ нашего начальника дивизіи, дивизионъ возвращается въ его распоряженіе. Итакъ по-ходъ съ 3-мъ Кавказскимъ корпусомъ отмѣняется. Будемъ ждать дальнѣйшихъ распоряженій.

Мы разочарованы. И надо было нашему начальнику дивизіи вмѣшаться.

3-й Кавказскій корпусъ проходитъ черезъ нашу деревню. Вотъ и 52-я бригада, съ которой мы должны были идти.

Черезъ сутки двинулись и мы.

— В. В., разрѣшите доложить: 5-го орудія кобыла Щеголиха никакъ не поднимается. Должно прійдется оставить. Какъ прикажете?

Иду на мѣсто происшествія: толпа солдатъ окружила. лежащую на землѣ, небольшую рыжую лошадку. Толпа разступается и пропускаетъ меня въ середину.

— Надорвалась сердешная. Ишь стонетъ даже, какъ человѣкъ. Что тутъ подѣлаешь? — слышу кругомъ себя сочувственный говоръ солдатъ.

— Да, ничего не подѣлаешь. Отдайте ее хозяину, на землѣ котораго она лежитъ.

— Глаза то какіе, гляди: точно у человѣка, когда ему тяжело.

Бѣдная лошадка, она только жалобно заржала намъ вслѣдъ, какъ бы прощаясь съ уходящей батареей.

*
* *

Скрипятъ колеса орудій 6-й батареи, размалывая дорожный польскій песокъ. Дорога тяжелая, а для нашихъ, уставшихъ, мало втянутыхъ въ работу лошадей, даже вдвойнѣ тяжелая.

Лошади легли въ хомуты, построжки натянуты, утренній холодокъ подбадриваетъ ихъ.

На лицахъ людей больше всего отражена усталость, но тѣмъ не менѣе, они перебрасываются шутками, временами даже слышится смѣхъ.

Откуда-то, издали, глухо донесся орудійный выстрѣлъ. Одинъ . . . другой . . . все чаще и чаще, и вотъ все слилось въ одинъ отдаленный гулъ.

Какъ серьезны стали сразу лица. Все смолкло: и смѣхъ, и шутки, и разговоры.

Всѣ внимательно прислушиваются къ недалекому бою. Настала сразу какая-то торжественная тишина. И лица людей тоже стали какими-то торжественными.

Что они думаютъ, эти мои офицеры и солдаты? Почему на ихъ лицахъ появилось какое-то загадочное вопросительное выраженіе?

Да вѣдь это первый бой.

Первый, невидимый нами, но дѣйствительный бой и мы въ немъ тоже участвуемъ . . . своими душами.

Что-же чувствуютъ ваши души, мои дорогіе соратники?

А что чувствую я?

Гдѣ-то, глубоко въ груди, заныло сердце. Это испугъ или страхъ?

Нѣтъ, не испугъ и не страхъ: я чувствую только, что гдѣ-то, уже близко отъ насъ, происходитъ что-то стихійное, великое, грозное. То, что рано или поздно ожидаетъ и насъ, чего мы уже не минуемъ.

И все, что чувствую я, отчетливо и твердо сквозить и на лицахъ моихъ офицеровъ и солдатъ.

3-й Кавказскій корпусъ беретъ Козеницы.

*
* *

Мы идемъ по направленію къ Вислѣ, въ составъ особаго отряда генерала Н., которому дана задача, двумя полками пѣхоты и нашимъ дивизиономъ недопустить германцевъ переправиться черезъ Вислу, гдѣ-то между Козенищами и Кальваріей.

Двигаемся уже днемъ, — это много легче и веселѣе и, къ тому-же, погода прояснилась, дождя больше нѣтъ. Переходы небольшіе, — версть 20—25 и это тоже сильно облегчаетъ наше положеніе. Я, съ безпokoйствомъ, оглядываю своихъ лошадей, пропускаю батарею мимо себя, но угрожающаго ничего не замѣчаю. Лошади везутъ дружно и, видимо, начинаютъ втягиваться въ свою работу. Это успокаиваетъ меня и я рысью ѣду на свое мѣсто, въ голову колонны. У моего чернобородаго трубача Калина, на сѣдлѣ, болтается кисеть съ махоркой и, время отъ времени, сзади ко мнѣ протягивается рука съ національной «козьею ножкой». Я закуриваю, не безпокоясь о томъ, что распространяю вокругъ себя родной махорочный запахъ и мнѣ становится веселѣе.

*
* *

Мы ночуемъ недалеко отъ Вислы въ деревнѣ Подленжъ. Переходы окончены и теперь передъ нами встаютъ другіе вопросы: завтра утромъ мы должны рекогносцировать наши будущія позиціи. Непрiятель близко и надо спѣшить. Наша пѣхота, — 1-й и 4-й полки дивизіи, уже на мѣстѣ и роютъ свои окопы.

Утромъ, подъ руководствомъ командующаго бригадой, мы — командиры батарей уже въ сѣдлѣ.

Вотъ она Висла, свѣтлая, блестящая полоса, уходящая вдаль. Зелеными, широкими коврами стелятся ея берега вдоль ея водъ. Мѣстами, надъ самой рѣкой, спускается въ воду гуща нависшихъ высокихъ кустовъ, въ чистое зеркало ея струй глядятся, наглядѣться не могутъ. Песчаными, золотистыми пятнами

сверкають на сонці ея отмели. Старыми, тѣнистыми садами покрыты острова. на которыхъ раскинуты уютящіяся въ деревьяхъ селенія. Блестятъ серебромъ крылья чаекъ. снующихъ взадъ и впередъ вдоль берега. Стонуть. жалобно плачутъ и, вдругъ, камнемъ падаютъ въ воду. Взмахнула крыломъ, круги пошли по водѣ, а чайка вновь стонетъ, вновь блеститъ серебромъ своего оперенія.

Нашъ берегъ, далеко вглубь покрытый сплошнымъ лѣсомъ, сходитъ почти обрывомъ къ широкому, болотистому открытому лугу. Въ этомъ мѣстѣ Висла расширяется, образуя цѣлую группу мелей и, утопающихъ въ зелени, острововъ.

Незанятый еще, въ этомъ мѣстѣ непріателемъ, противоположный берегъ густо населенъ. Здѣсь, сравнительно на небольшомъ пространствѣ, сосредоточилось сразу нѣсколько селеній: вправо, изъ за густой растительности, виднѣется черепичная крыша господскаго дома Магнушевъ. Передъ нами деревни: Пшедворжницы, Клода и Ричаволь.

Батарейные участки размѣчены: 6-я батарея какъ разъ противъ вѣроятной переправы германцевъ.

Бѣдемъ домой и слышимъ надъ собой шумъ мотора. Изъ предосторожности сворачиваемъ въ лѣсъ, вынимаемъ бинокли и стараемся опредѣлить національность летящаго аэроплана. Рѣзкія очертанія черныхъ крестовъ на свѣтлыхъ крыльяхъ не вызываютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что это германскій развѣдчикъ. Мы провожаемъ его глазами, пока онъ совершенно не скрывается въ облакѣ.

Командующій бригадой предполагаетъ сегодня дать людямъ отдыхъ, а завтра, съ утра, окончательно рекогносцировать позиціи, послѣ чего сейчасъ же занять ихъ батареями. Я протестую: мы можемъ опоздать. Необходимо занять позиціи раньше, чѣмъ непріатель появится на противоположномъ берегу.

Мало ли что можетъ случиться? Я, во всякомъ случаѣ, прошу разрѣшенія продѣлать все это сегодня.
— Какъ хотите.

*
* *

Въ тотъ же день батарея двинулась на свою первую боевую позицію.

— Ну, В. В., — смѣются люди, — японца видѣли, теперь поглядимъ и на нѣмца.

Дорога идетъ лѣсомъ и мы любуемся образцовымъ порядкомъ, въ которомъ содержится лѣсъ.

Какой лѣсъ! — Сплелись верхушками высокіе буки, плетнемъ закрыли лазуревое небо. Съ трудомъ пролѣзають, межъ листьевъ и тонкихъ вѣтвей, лучи солнца, освѣщая прямые, ровные какъ одинъ, сѣрые стволы деревьевъ. Нѣтъ бурелома, нѣтъ валяющихся гніющихъ вѣтокъ, топоръ никогда не звенѣлъ здѣсь, подъ зеленою сѣнью этихъ буковъ-красавцевъ. Между стволами быстро промчались какія то тѣни. Выскочили на небольшую лѣсную полянку, застыли на мѣстѣ, изящныя, стройныя, съ полными дикаго любопытства глазами. Это козы. Только одинъ моментъ простояли недвижно и скрылись, исчезли такъ же быстро, какъ появились.

Наши наблюденія вскорѣ были прерваны самымъ неожиданнымъ образомъ: опять шумъ мотора и опять германскій аэропланъ у насъ надъ головой. Вдругъ, почти у самой батареи раздался какой-то выстрѣлъ, появился дымокъ и что-то какъ будто бы свиснуло въ воздухѣ. Мы сразу не поняли въ чемъ дѣло, только нѣкоторыя лошади испугались и шарахнулись въ сторону, но сейчасъ же все пришло въ порядокъ. Оказалось, что германскій летчикъ замѣтилъ батарею и бросилъ въ нее какой-то жалкій снарядъ, вродѣ маленькой бомбы. Аэропланъ скрылся и мы продолжали спокойно свой путь.

Крутой, высокій берегъ, у подножья котораго раскинулся широкій, болотистый лугъ, освѣщенъ лу-

чами, мало уже грѣющего, поздняго осенняго солнца. Невдалекѣ темнѣетъ чаща густаго лѣса, уходящаго до самаго горизонта, скрывающая внутреннюю жизнь батареи: ея передки, зарядные ящики, обозъ. 6-я батарея устанавливается на своей первой позиціи, между старыхъ, широкихъ, рѣдкихъ сосенъ, которыя должны прикрыть своими вѣтвями орудія и зарядные ящики, пока еще въ безпорядкѣ разбросанные по намѣченной позиціи. Невдалекѣ раскинулось какое-то селеніе, надъ которымъ высится остроконечная колокольня стараго костела. Стадо коровъ, разбѣянное свѣтлыми пятнами, пасется на изумрудной глади обширнаго луга.

Кучка свѣтлоголовыхъ деревенскихъ дѣтей робко наблюдаетъ издали странную, невиданную еще ими, картину солдатъ, лошадей и орудій.

Указавъ старшему офицеру поручику Яковлеву мѣста орудій, я самъ, въ сопровожденіи Н. А. Тиличеева и двухъ развѣдчиковъ, отправился на поиски наблюдательнаго пункта. Мы выбрали для этой цѣли ближайшій къ непріятельскому берегу островъ, занятый уже нашей пѣхотой 1-го полка. Пѣхотные окопы шли по берегу острова съ нѣкоторыми перерывами, въ одномъ изъ которыхъ, на линіи окоповъ, и былъ для меня вырытъ небольшой наблюдательный ровикъ. Этотъ ровикъ, для маскировки, мы усадили зелеными вѣтками, совершенно упустивъ изъ виду, что вѣтки вскорѣ завянутъ и могутъ вызвать у непріятеля подозрѣніе. Къ счастью, какъ оказалось нѣмцы не обратили на него никакого вниманья. Подходъ къ моему ровику былъ скрытъ растущими кустами, идущими къ небольшой деревушкѣ, ютившейся въ густой древесной заросли. Въ этой деревушкѣ я и поселился со всей своей командой наблюдателей и телефонистовъ. Хозяева приняли насъ очень привѣтливо и, во все время нашего пребыванія, мы жили съ ними очень дружно.

Теперь осталось самое трудное: проводка двухъ телефонныхъ линій для связи батареи съ наблюдательнымъ пунктомъ. Трудное это дѣло было потому, что

пришлось телефонный проводъ тянуть черезъ нѣсколь-
ко, правда не широкихъ, водныхъ рукавовъ.

Когда я вернулся въ батарею, то позиція была
уже готова: орудія стояли на мѣстахъ и по бокамъ
ихъ были вырыты ровики для прислуги такихъ размѣ-
ровъ, что даже испугался: это не ровики, а цѣлые
блиндажи крѣпостного типа.

Стало вечерѣть и сталъ накрапывать дождь. Те-
лефонисты потянули проводъ на наблюдательный
пунктъ и тутъ же начались наши страданія. Добыли
какую-то старую лодку — долбленку, но безъ весла.
Лодка вертится, переваливается съ боку на бокъ, то-
го и гляди очутимся въ водѣ. Проводъ ускользаетъ
изъ рукъ. темно, а сверху поливаетъ дождемъ. На-
конецъ черезъ одинъ рукавъ протянули проводъ, до
слѣдующаго несли лодку на рукахъ, а тамъ опять та-
же мука.

— Да, — шутить Н. А. Тиличевъ, ежась отъ про-
низывающаго холода, весь мокрый, съ задеревѣвши-
ми пальцами на рукахъ. — мы подвигаемся по спо-
собу нашихъ дѣдовъ когда они ходили «изъ варягъ въ
греки». Только они, навѣрно, такъ не спѣшили и ночью
не мокли подъ дождемъ и вѣтромъ.

Черезъ нѣсколько часовъ, грязные, измокшіе, про-
дрогшіе, голодные, мы, наконецъ окончили наше труд-
ное дѣло и, предварительно снявъ съ себя промокшія
шинели и сапоги, съ невѣроятнымъ наслажденіемъ,
усѣлись вокругъ печки, затопленной для насъ госте-
пріимнымъ хозяиномъ. Вотъ этотъ моментъ мы были
почти счастливы.

*
* *

На слѣдующее утро противоположный берегъ еще
не былъ занятъ непріателемъ, хотя жители почему-то
попрятались, что дало намъ поводъ предполагать, что
ждать уже осталось недолго и, дѣйствительно, около
10 часовъ утра изъ лѣсу выѣхали два всадника и ша-

гомъ, не спѣша, подѣхали къ самой рѣкѣ. Это были германскіе офицеры. Очевидно офицеры эти не предполагали, что имъ здѣсь можетъ угрожать какая нибудь опасность. Бросивъ поводья на шею лошадей и вынувъ ноги изъ стремянъ, они, потягиваясь, старались размять свои уставшія, отъ долгаго похода, тѣла. Закуривъ папиросы, они спокойно разговаривали, указывая руками на нашъ берегъ. Вдругъ выстрѣлъ. . . Не выдержалъ, видимо, стрѣлокъ и даль промахъ. Бѣшенно мчатся обратно въ лѣсъ кони, настегиваемые стѣками пригнувшихся въ сѣдлахъ своихъ сѣдоковъ.

Пользуясь временемъ, я выпустилъ изъ орудій нѣсколько шрапнелей по разнымъ точкамъ неприятельскаго берега, въ случаѣ нужды, не терять времени на пристрѣлку.

*
* *

Къ вечеру, когда мы съ Н. А. Тиличевымъ сидѣли въ своей избѣ за чаемъ, загудѣлъ телефонъ :

— В. В., нѣмцы !

Это передавалъ съ наблюдательнаго пункта дежурный наблюдатель Чухломинъ. Мы оба моментально побѣжали на пунктъ.

Вдоль берега Вислы, по боковой дорогѣ, шель германскій обозъ, повозокъ около 10-ти, конвоируемый ротой пѣхоты.

Нѣмцы были отъ насъ очень близко и мы, въ бинокли, совершенно свободно могли разглядѣть даже ихъ лица. Всѣ въ черныхъ блестящихъ каскахъ, съ золочеными шишаками и полнымъ походнымъ снаряженіемъ, они казались очень утомленными.

Пока мы, съ замирающимъ сердцемъ, разглядывали этихъ первыхъ, видимыхъ нами враговъ, и я раздумывалъ стрѣлять по нимъ или не стрѣлять, колонна остановилась. Усталые люди стали сбрасывать съ себя въ одну кучу, свою аммуницію, составили ружья и повалились на землю. Откуда-то появился котелъ, который сейчасъ-же былъ подвѣшенъ надъ костромъ, на

трехъ кольяхъ. Очевидно колонна собиралась здѣсь ночевать.

Восемь шрапнелей внезапно разорвались надъ усталымъ, отдыхающимъ противникомъ, густымъ бѣлымъ дымомъ покрыли повозки, людей, лошадей и деревья ближняго лѣса. Въ одинъ моментъ дорога опустѣла и, въ надвигающихся сумеркахъ, были видны лишь перевернутыя, съ испугу, повозки и судорожно бившіяся въ повозкахъ несчастныя лошади.

Ночь скрыла результаты первыхъ боевыхъ выстрѣловъ 6-й батареи, нарушившихъ тишину осенняго вечера 6-го октября 1914 года.

*
* *

Стрѣляя первый разъ по живой цѣли, я испыталъ непріятное ощущеніе. Стрѣлять мнѣ приходилось много, но цѣлью всегда бывали деревянные мишени. Здѣсь же были живые, усталые люди и если бы они были еще не такъ близко отъ меня, моя первая боевая стрѣльба «по противнику» не произвела бы можетъ быть, на меня такого непріятнаго впечатлѣнія. Кромѣ того, я самъ въ это время не подвергался ровно никакой опасности и разстрѣливалъ ихъ совершенно спокойно. Но странно то, что на слѣдующій день этого угнетеннаго состоянія у меня уже не было и оно уже больше никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не появлялось въ продолженіе всей войны и, наоборотъ, хорошія попаданія моихъ снарядовъ доставляли мнѣ большое удовлетвореніе. Люди, какъ будто, перестали быть для меня людьми и превратились въ тѣ-же деревянные подвижныя мишени.

Что касается моего ближайшаго помощника и свидѣтеля этого боя Н. А. Тиличеева, то онъ былъ въ полномъ восторгѣ, въ эту ночь долго не могъ заснуть и, конечно, не давалъ спать и мнѣ.

*
* *

Итакъ германцы не только должны уже были бы

быть освѣдомленными о томъ, что луговой берегъ Вислы въ этомъ мѣстѣ занятъ нашими войсками, но должны были бы принять нѣкоторыя мѣры предосторожности въ этомъ районѣ, а между тѣмъ, на слѣдующій день, оказалось, что они совершенно еще не подозрѣвали нашего здѣсь присутствія.

Утромъ всѣ селенія уже были заняты германской пѣхотой, видимо выставленнымъ въ нашу сторону боковымъ заслономъ, и одиночные люди бродили совершенно безпечно у этихъ селеній.

Пѣхота наша пока воздерживалась отъ открытія огня и сидѣла, притаившись, въ своихъ окопахъ.

Какъ разъ противъ моего наблюдательнаго пункта появляются три человѣка: два офицера и солдатъ. Одинъ изъ офицеровъ, пятясь задомъ, чертитъ каблучкомъ границу окопа. Затѣмъ появляются съ лопатами рабочіе и вскорѣ окопъ готовъ. Рабочіе удаляются и, на смѣну имъ, изъ деревни Пшедваржица, выходятъ взводъ пѣхоты и направляется къ новому окопу. Я вижу ясно, какъ нѣмцы, поднявъ высоко головы, отбиваютъ ногу. Передъ окопомъ они останавливаются, выстраиваются въ двѣ шеренги, соскакиваютъ въ него и, въ этотъ моментъ, четыре шрапнельныхъ разрыва 6-й батареи окутываютъ своимъ дымомъ ихъ фигуры. Когда дымъ нѣсколько разсѣялся, въ окопѣ жизни уже не было. Этотъ окопъ былъ ночью засыпанъ и больше уже никто къ нему не подходилъ никогда.

*
* *

Потекла однообразная, довольно скучная жизнь позиціоннаго характера, прерываемая, по временамъ, неожиданными боевыми эпизодами, заставляющими, на это время, всю батарею сразу стряхнуть съ себя сонливость, навѣянную слишкомъ скучной обстановкой. Рѣдкая орудійная перестрѣлка, одиночный ружейный выстрѣлъ по неосторожно высунувшемуся противнику, сухо прорѣжетъ воздухъ, глухо отдастся въ заросляхъ острова и покатится дальше, далеко по водной

поверхности Вислы. Солдаты явно скучаютъ, безконечно пьютъ чай, а затѣмъ спятъ цѣлыми днями, свернувшись подъ отсырѣвшими своими шинелями, въ углу орудіянаго окопа или въ лѣсу за позиціей.

* *
*

— В. В., наши развѣдчики убили въ камышахъ дикаго кабана, — доложилъ мнѣ старшій въ командѣ развѣдчиковъ фейерверкеръ Романовъ.

— Ну, что-же, молодцы.

Окружные лѣса и камыши кишели дичью и потому докладъ моего старшаго развѣдчика меня нисколько не удивилъ.

Романовъ мнется и, видимо хочетъ еще что-то сказать.

— Ну, что еще?

— Разрѣшите доложить, только баба плачетъ.

Такъ вотъ какаго кабана убили развѣдчики. Иду разслѣдовать дѣло: баба, дѣйствительно, плачетъ надъ мертвой небольшой свинкой. Первымъ дѣломъ постарался утѣшить бабу: спросилъ сколько ей заплатить за свинью? Баба перестала плакать и заявила, что она будетъ довольна если я дамъ ей пять рублей. Я далъ ей десять и дѣло было улажено.

— Чтобы битыхъ дикихъ кабановъ больше не было, понялъ?

— Такъ точно, В. В.—Романовъ совсѣмъ смущенъ.

Въ этотъ день мы ѣли щи со свининой. На слѣдующій день борщъ и изъ борща вытаскиваю куриную ногу. Зову Романова.

— Это что такое?

— Кабанятина, В. В., — совершенно не смутившись моимъ вопросомъ, отчеканилъ, подергивая длинными рыжими усами, Романовъ.

— Такъ вотъ, если еще разъ замѣчу такую кабанятину, то ты, какъ старшій въ командѣ, пойдешь подъ судъ.

— Понимаю, В. В.
Появление кабанятины прекратилось.

* *
*

Ко мнѣ зашелъ командиръ 1-й роты штабсъ-капитанъ Ерченко.

— У меня къ Вамъ просьба: мы сейчасъ въ лодкахъ отправляемся на развѣдку на непріятельскій берегъ. Слѣдите за нами и не дайте насъ нѣмцамъ въ обиду.

— Хорошо. При первой тревогѣ у противника, я дамъ вамъ знать одиночнымъ выстрѣломъ, а затѣмъ постараюсь, какъ смогу, исполнить Вашу просьбу.

Слѣжу въ бинокль за двумя нашими лодками. Вотъ онѣ медленно двигаются противъ теченія вдоль нашего берега, прикрываясь растущими камышами. Лодки поворачиваютъ на середину рѣки, рѣжутъ ее поперекъ и благополучно пристають къ непріятельскому берегу. Люди выходятъ и скрываются въ камышахъ. Нѣкоторое время проходитъ въ тишинѣ.

Нашихъ замѣтили: изъ деревни Пшедваржица, застегиваясь на ходу, выбѣгаютъ нѣмцы. Много нѣмцевъ, навѣрное роты двѣ,

Я даю условный выстрѣлъ, а затѣмъ преграждаю огнемъ батареи путь бѣгущему непріятелю: бѣглымъ огнемъ устраиваю огневую завѣсу. Нѣмцы не выдержали и легли на землю.

Развѣдчики все еще не возвращаются. Я продолжаю стрѣлять, нѣсколько ослабивъ темпъ выстрѣловъ и вдругъ теряю связь съ батареями: обѣ телефонныя линіи сразу перестали дѣйствовать. По линіямъ побѣжали телефонисты и пропали. Батарея продолжаетъ вести огонь самостоятельно, уже безъ моихъ командъ.

Пѣхотные развѣдчики, вполне благополучно, вернулись обратно и, только когда они опять выплыли на середину рѣки, въ ихъ направленіи стали рваться

тяжелыя германскія шрапнели, провожая ихъ до самаго берега, пока они не скрылись въ окаймляющей рѣку растительности.

6-я батарея все еще стрѣляетъ въ прежнемъ направленіи, а все видимое намъ поле передъ деревней покрыто лежащими нѣмцами.

Я посылаю верхового развѣдчика на батарею и только черезъ полъ часа батарея замолкаетъ. Какъ оказалось, старшій офицеръ поручикъ А. Р. Яковлевъ, потерявъ связь со мною и учитывая положеніе нашихъ развѣдчиковъ на непріятельскомъ берегу, рѣшилъ не прекращать огня, до полученія отъ меня приказанія.

Закончивъ всю операцію мы, съ Н. А. Тиличевымъ, ушли домой, оставивъ на наблюдательномъ пунктѣ дежурнаго наблюдателя. Черезъ нѣкоторое время я его спросилъ по телефону, что дѣлаютъ нѣмцы?

— Все лежатъ, В. В.

Возвратились посланные телефонисты и доложили, что оба телефонные провода обрѣзаны и концы ихъ закинуты въ стороны. Какъ оказалось, въ каждомъ проводѣ было вырѣзано по нѣсколько десятковъ саженой. Очевидно у противника, на нашемъ берегу, появились доброжелатели. Надо быть осторожнымъ и принять усиленныя мѣры къ постоянной охранѣ телефонныхъ проводовъ.

Нѣмцы все продолжали лежать на мѣстѣ до самыхъ сумерокъ и только тогда, когда ночь начала спускаться на землю и окутывать ихъ непроницаемой мглой, ихъ фигуры зашевелились и, не поднимаясь, ползкомъ, стали постепенно исчезать въ строеніяхъ деревни Пшедворжица.

Тяжелая германская батарея, стрѣлявшая по нашимъ развѣдчикамъ, на слѣдующій день открыла рѣдкій огонь по нашему острову.

Я долго присматривался, чтобы замѣтить откуда

она стрѣляетъ, но безрезультатно, пока на пунктъ не прибѣжалъ запыхавшійся пѣхотный солдатъ.

— В. В., нѣмецкая артиллерія!

— Гдѣ?

— У насъ изъ окопа хорошо видно: стоитъ у лѣса, въ кустахъ.

Первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, послѣ того какъ изъ пѣхотнаго окопа я увидѣлъ германскую батарею, была: какъ глупо поставлена батарея. Тяжелая пушечная, 4-хъ орудійная батарея стояла на ровномъ мѣстѣ, прикрываясь лишь рѣдкими кустами и вела огонь по нашимъ пѣхотнымъ окопамъ.

Что это: наивность, полное непониманіе основныхъ началъ артиллерійской тактики и боя или халатность?

— 6-я батарея, къ бою! . .

Первая, одинокая шрапнель пропѣла, на полетѣ, надъ самой моей головой, свою пѣсню и, лопнувъ, выпустила свой бѣлый дымокъ, какъ распускающуюся бѣлую розу. Минута затишья и германская батарея потонула въ огнѣ и дымѣ урагана рвущихся на ней снарядовъ. Внезапность огня 6-й батареи сдѣлала свое дѣло: германская тяжелая батарея перестала существовать.

Увлеченные этимъ артиллерійскимъ боемъ, наши пѣхотинцы, забывъ всякую осторожность, вылѣзли изъ окоповъ наружу. Они были правы: ни одна ружейная пуля не просвистѣла въ воздухѣ, — все вниманіе обѣихъ сторонъ было сосредоточено на гибнущей германской батарее. Солдаты были серьезны: страшная участь германскихъ артиллеристовъ, видимо, задѣла глубоко душевныя струны затихшихъ свидѣтелей этаго боя.

Въ лѣсу за батареей какое-то движеніе. Я останавливаю огонь батареи. Въ опушкѣ появились орудійные передки, запряженные восьмерками лошадей.

— Три патрона бѣглый огонь! . .

Лѣсъ заволкло дымомъ. Бой былъ оконченъ.

Когда, через нѣсколько дней наша пѣхота перешла черезъ Вислу, то мѣстные жители рассказывали, что германская батарея погибла цѣликомъ. Избитыя осколками и прямыми попаданіями снарядовъ пушки германцы сначала бросили въ небольшую, протекающую здѣсь, рѣчку, но затѣмъ вытянули ихъ оттуда и, погрузивъ на повозки, куда-то увезли.

Мнѣ же, на память, была привезена, снятая съ могилы, офицерская каска, скальпъ, содранный осколкомъ снаряда съ головы германскаго артиллериста и нѣсколько открытых писемъ, подобранныхъ на бывшей позиціи германской батареи.

«Милый Генрихъ! Такъ какъ Господь еще тебя хранитъ. . .» — можно было еще разобрать начало одного изъ писемъ. Всѣ же остальные были густо залиты запекшейся кровью.

* *
*

Нѣмцы рѣшили отомстить: къ вечеру передъ позиціей батареи разорвалась тяжелая бомба, другая перелетѣла черезъ батарею. Третьй снарядъ ударилъ передъ самымъ фронтомъ батареи и засыпалъ землю ближайшія пушки. Вилка *) взята. Наступившія сумерки помѣшали дальнѣйшей стрѣльбы.

Стало ясно, что утромъ нѣмцы будутъ бомбардировать батарею и поэтому, пользуясь ночью, надо принять необходимыя мѣры.

Ночью, съ Н. А. Тиличевымъ и развѣдчиками, ищу новую позицію. Задача очень трудная, но урокъ хорошій: вторая — запасная позиція должна всегда заранѣе быть подготовленной. Послѣ долгихъ поисковъ, почти на ощупь, спускаю батарею съ высокаго берега внизъ, къ лугу, гдѣ, съ самага края, нашелся довольно большой и тѣнистый фруктовый садъ. Здѣсь въ саду ставлю батарею.

*) Недолетъ и перелетъ по цѣли составляютъ «вилку».

Предположеніе наше оправдалось вполнѣ: чуть ли не съ первыми лучами солнца пустые окопы бывшей позиціи 6-й батареи подверглись разрушительному огню тяжелыхъ гаубичныхъ бомбъ, къ большому удовольствію глядѣвшихъ на это веселое представленіе солдатъ.

Послѣ пустой позиціи, подверглась обстрѣлу колокольня недалекаго костела. Видимо это обстрѣливался мой «наблюдательный пунктъ». Эта послѣдняя задача была рѣшена точно «по руководству», очень аккуратно и вѣрно, только на колокольняхъ и на мельницахъ моихъ наблюдательныхъ пунктовъ не будетъ никогда.

*
* *

Откуда стрѣляютъ нѣмцы? Втроемъ, съ Н. А. Тиличевымъ и дежурнымъ наблюдателемъ, усиленно всматриваемся вправо, — въ сторону звука, но найти позицію германской батареи не можемъ.

— Бѣда въ томъ, что стрѣляютъ гаубицы. Такую батарею можно поставить такъ, что къ самой подойдешь, не увидишь.

— Никакъ нѣтъ, В. В., вонъ она. . . Глядите. . . Ну, конечно, это ихняя батарея! . . . одно два три орудія. Всѣ четыре, В. В. . . И прислуга. . . Прислуга тоже видна. — почти шопотомъ, отъ избытка волнующихъ его чувствъ, спѣшитъ передать мнѣ наблюдатель Чухломинъ.

Я слѣжу въ бинокль за указаніями Чухломина. Онъ правъ: германская тяжелая гаубичная батарея стоитъ на ровномъ мѣстѣ, въ кустахъ.

Отъ радости я потерялъ способность разсуждать хладнокровно. Я вижу передъ собой только эти германскія орудія.

Опять снаряды 6-й батареи летятъ тучей и бѣлый столбъ дыма покрываетъ орудія. Я жду когда разсѣется дымъ и . . . ничего не понимаю: орудія разлетѣлись

на части, а то что уцѣлѣло отъ орудійной прислуги стоитъ, какъ вкопанное, не шевелясь.

Ну, конечно, и есть вкопанное: простыя доски — мишеніи. Дервянная ложная батарея!

Я, какъ послѣдній дуракъ, попался на удочку и перепортилъ такъ глупо массу снарядовъ. Миѣ и обидно, и стыдно передъ своей пѣхотой и передъ своей батареей. Отоместили. Воображаю какое у нѣмцевъ теперь ликованіе.

Опять германскія гаубицы стрѣляютъ. . . Все отсюда, — со стороны только что разбитыхъ мною деревянныхъ мишеней, и вдругъ. . . дымовое кольцо поднимается кверху. Очень жидкое, но явно видимое на темномъ фонѣ лѣса. Направленіе точное за ложной батареей, но дальше: за кустами, у самого лѣса. Я вглядываюсь пристальнѣе и, по легкимъ дымкамъ выстрѣловъ, устанавливаю точно мѣста германскихъ орудій. Тяжелая гаубичная батарея опять стоитъ только на маскированной позиціи. Странные у нѣмцевъ артиллеристы.

На этотъ разъ снаряды 6-й батареи бьютъ уже по настоящимъ, живымъ орудіямъ и бьютъ жестоко. Дымъ отъ разрывовъ покрываетъ кусты и высоко поднимается кверху, закрывая собою и лѣсъ.

* *
*

За двое сутокъ, двѣ разбитыя 6-й батареей тяжеля батареи противника.

Въ штабѣ дивизіи всѣ взволнованы. Офицеры батареи представлены къ боевымъ наградамъ. Подпорщикъ Т. М. Галушукъ, по телеграммѣ, производится въ офицеры и, первые во всей бригадѣ, люди 6-й батареи украшаются Георгіевскими крестами и медалями. Только мой ближайшій помощникъ, мой милый Н. А. Тиличевъ отклоняетъ назначенный ему Георгіевскій крестъ:

— Миѣ онъ не нуженъ, лучше пусть его носить ктонибудь изъ солдатъ.

Дивизионный интендантъ прислалъ для лошадей батареи, не всчетъ, нѣсколько мѣшковъ овса и самъ начальникъ дивизіи очень ласковъ и вѣжливъ со мною.

*
* *

Съ нашей пѣхотой 1-го полка мы живемъ въ большой дружбѣ. Начальникомъ нашего боевого участка состоитъ командиръ этого полка полковникъ П. П. Карповъ, спокойный, умный и храбрый старый офицеръ. Когда онъ собираетъ командировъ батальоновъ, я тоже считаю своимъ долгомъ являться на эти собранія: здѣсь много выясняется интереснаго и я все время нахожусь въ курсѣ всѣхъ боевыхъ дѣлъ дивизіи.

Полковникъ Карповъ, собственноручно, жаритъ на примусѣ колбасу, которую мы всѣ съ большимъ удовольствіемъ поѣдаемъ, запивая ее горячимъ чаемъ и, въ это время, весело и шумно рѣшаются и выясняются всѣ вопросы настоящаго боевого момента.

Эта связь съ пѣхотой очень цѣнна: узнаешь офицеровъ, знаешь степень ихъ личнаго мужества, предпріимчивость, знанія дѣла и тогда становится ясно, когда, на кого и въ какой мѣрѣ можно положиться и рассчитывать: все это необходимо учесть въ боевой обстановкѣ. Наша пѣхота умѣетъ цѣнить то вниманіе, которое къ ней проявляетъ ея артиллерія и сама старается не остаться въ долгу и, въ критическую минуту, себя не пожалѣть, — выручить.

*
* *

Раннее утро. Съ рѣки поднимается густой туманъ, — какъ будто бѣлымъ молочнымъ облакомъ окутаны берега.

У нашего берега, соблюдая полную тишину, въ лодки садятся люди. Это наша пѣхота отправляется въ развѣдку на неприятельскій берегъ. Лодки отчалили

и пронали въ туманѣ. Оставшіеся въ окопахъ люди напряжены, слухъ ловить каждый малѣйшій звукъ, глаза впились въ поднимающійся туманъ.

Нѣкоторое время проходитъ въ полномъ затишии. Но что это?.. Тихо, безъ малѣйшаго всплеска, къ берегу подкрадываются какія-то тѣни. Это силуэты лодокъ.

— Нѣмцы! . .

Ружейный залпъ прорѣзалъ туманъ. Съ лодокъ, въ отвѣтъ, залпъ по берегу. Бой разгорается: падаютъ люди, крики, стоны.

Туманъ рѣдѣетъ. Фигуры сражающихся проясняются и передъ нашей изумленной пѣхотой, на берегу, въ лодкахъ свои-же. Туманъ сбиль лодки съ пути: онѣ, незамѣтно для себя, повернули обратно и приняли нашъ берегъ за непріятельскій.

Бой происходилъ накороткѣ: потери большія.

*
* *

Я прошу разрѣшенія перевести 6-ю батарею на островъ. Настоящая позиція слишкомъ далеко, очень трудно поддерживать связь и, самое главное, я слышу все время движеніе за лѣсомъ, по шоссе, большихъ силъ противника. Это грозныя войска Императора Вильгельма двигаются въ направленіи на Варшаву. Я ничего не могу сдѣлать: орудія батареи не добрасываютъ своихъ снарядовъ до шоссе.

Мнѣ отказываютъ въ моей просьбѣ: слишкомъ рискованно.

Въ особенности движеніе по шоссе усиливается ночью, — все время слышится какой-то глухой шумъ. Я не могу спать. Я брожу въ одиночествѣ по берегу Вислы и мнѣ все представляется переправа германцевъ на моемъ участкѣ. Я слышу, какъ у непріятели по ночамъ все время стучать топоры и каждый ударъ топора отзывается въ моемъ мозгу. Я пристально вглядываюсь въ ночную тьму и мнѣ

чудятся наводимые мосты. Я протираю глаза, опять вглядываюсь и ничего не вижу.

Подъ утро, утомленный, съ истрепанными нервами, я засыпаю тяжелымъ сномъ.

*
* *

Нашъ начальникъ дивизіи рѣшилъ самъ атаковать противника черезъ Вислу. Ротамъ приказано срочно рубить лѣсъ и вязать плоты. Артиллерія тоже будетъ переправлена на плотахъ.

Подъ ударами топоровъ нашей пѣхоты падаютъ лѣсные великаны, громадныя сосны, и тутъ же распиливаются на бревна. Работа кипитъ и къ опредѣленному сроку плоты готовы.

Пронсходитъ первая проба: плотъ спускается на воду, на него прыгаетъ нѣсколько человѣкъ, и подъ ихъ тяжестью, плотъ тонетъ.

Все хорошо, только одного не учли у насъ въ Штабѣ: нельзя спускать на воду плоты изъ сырого, только что срубленнаго лѣса.

Операція отменяется. Множество связанныхъ плотовъ остается въ утѣшеніе владѣльцу лѣса.

*
* *

Въ полной тишинѣ, ночью, покидаютъ германцы занятыя ими селенія. Мы ничего не слышали, но утромъ жители этихъ селеній вышли на берегъ. При нѣмцахъ ихъ не было видно. Они что-то намъ кричатъ, но разобрать ничего невозможно.

Начальникъ дивизіи приказалъ мнѣ провѣрить, одиночными выстрѣлами, точно ли нѣмцы ушли. Я выполнилъ приказаніе: противника нѣтъ.

Наша пѣхота перешла на тотъ берегъ: германцы совершенно исчезли. Подошелъ изъ резерва и перешелъ Вислу Гренадерскій корпусъ.

День прошелъ спокойно. Къ вечеру же затрещали ружейные выстрѣлы, заговорила артиллерія.

Я опять на берегу, всматриваюсь въ темную даль.

Недалекій бой все сильнѣе, все разгорается. Начальникъ дивизіи передаетъ мнѣ приказаніе:

— Гренадеры наступаютъ. Поддержите огнемъ своей батареи наступленіе grenадеръ.

Куда наступаютъ grenадеры? Какая нужна имъ поддержка? Ничего не понимаю, никакъ не могу добиться болѣе опредѣленныхъ указаній. Темная ночь, ничего не видно и только слышна беспорядочная ружейная стрѣльба. Артиллерійскій огонь прекратился. Никакой поддержки никому, въ настоящемъ положеніи, оказать не могу и 6-я батарея молчитъ.

На островъ появляются какія-то тѣни, слышится сдержанный говоръ.

— Стой!.. Кто идетъ?

— Гренадеры № полка.

Подхожу ближе: человекъ около двадцати grenадеръ, съ винтовками въ рукахъ. Освѣщаю ихъ лица фонаремъ: лица перепуганныя, у одного grenадера, въ скулъ, торчитъ маленькій осколокъ гранаты. Онъ даже не замѣчаетъ этого своего раненія.

— Гдѣ вашъ полкъ?

— Погибъ. Почитай, что все здѣсь, которые остались въ живыхъ.

— А ваша артиллерія?

— Всю забрали нѣмцы.

Что за чепуха? Не вѣрится что-то. Н. А. Тиличевъ, съ двумя развѣдчиками, пробирается верхомъ, по мелямъ, черезъ Вислу и исчезаетъ изъ вида. Къ разсвѣту они возвращаются: №-й Grenадерскій полкъ въ темнотѣ наткнулся на батальонъ заблудившихся нѣмцевъ. Нѣмцы открыли огонь изъ винтовокъ и часть grenадеръ разбѣжалась. Все благополучно, германцы отступаютъ.

* * *

Наша задача на Вислѣ закончена. 14-го октября 6-я батарея снова двинулась, въ походной колоннѣ, по направленію къ Ивангороду и чѣмъ ближе къ нему

подвигается, тѣмъ больше на ея пути встрѣчается слѣдовъ недавняго боя.

— Воронки, воронки то какія! . . . Господи Царица Небесная! Вотъ хватить такой, что отъ тебя то останется?

— Небось и поменьше хватить, совсѣмъ маленькій, такъ и то задрываешь ножками и душу свою на волю выпустишь. Чего испужался?

— Въ Японскую войну такихъ не было. Тамъ «шimosy» были, а тоже бывало какъ ахнетъ, такъ только мозги въ головѣ застукаютъ.

Я слушаю разсужденія своихъ солдатъ о германскихъ тяжелыхъ снарядахъ и въ умѣ моемъ складываются вопросы: неужели-же, въ обыкновенномъ полевомъ бою, германцамъ понадобились снаряды такой разрушительной силы? Видно по мѣсту, что этими 8—10 дюймовыми бомбами нѣмцы стрѣляли по нашимъ полевымъ войскамъ, почти совершенно открытымъ и разрушать здѣсь какія нибудь крупныя сооруженія не было надобности. Не лучше ли было примѣнить въ этомъ бою обыкновенныя полевыя пушки, стрѣляющія обыкновенной шрапнелью, а эти чудовищныя и, навѣрно, очень дорого стоящія бомбы и орудія, изъ которыхъ онѣ выпускались, поберечь для болѣе подходящаго случая? Въ полевомъ бою надо уничтожать живую силу противника, а не пугать ее.

В. В., поглядите, вотъ штука какая.

Да, штука, дѣйствительно, замѣчательная: треснувшая по радіусамъ, головная часть тяжелой германской бомбы, вѣсомъ фунтовъ 15—20. Люди выкопали ее изъ глубокой воронки, въ которой она застряла.

— Разрѣшите взять ее съ собой, В. В.

— А зачѣмъ она вамъ нужна?

— Такъ, любопытно ужъ очень. Можетъ кому показать прійдется.

— Ну, берите. Сдайте въ обозъ.

Вотъ позиція нашей легкой батарен. По снаряд-

нымъ воронкамъ, но уже гораздо меньшаго размѣра, видно, что батареѣ сильно попало отъ пѣмцевъ. На правомъ флангѣ валяется разбитый снарядомъ угло-мѣръ Михайловскаго — Турова.

У вокзала Ивангородъ мы сходимся съ 1-мъ дивизиономъ. Они намъ сообщаютъ, что дивизию перебрасываютъ на Австрійскій фронтъ, — они уже получили приказаніе грузиться.

4. Подъ Перемышлемъ

Станція Броды. — Вамъ сейчасъ подадутъ эшелонъ. Перегружайтесь, не теряя времени, поскорѣй. Времени даютъ очень мало, — заявляетъ мнѣ командующій дивизиономъ.

Хорошо сказано. Да развѣ возможно вообще перегрузиться? Новый австрійскій эшелонъ, во первыхъ, короче на нѣсколько вагоновъ, во вторыхъ, узкоколейный, а въ третьихъ, вмѣсто платформъ и крытыхъ вагоновъ, какіе-то ящики, безъ крышекъ. Какъ всадить въ эти ящики лошадей и орудія.

— Господинъ подполковникъ, это невозможное дѣло: мы и въ свой эшелонъ еле помѣстились. А для людей совершенно нѣтъ вагоновъ. Куда ихъ дѣвать?

Куда хотите. Больше ничего не дадутъ, ни одного лишняго вагона. Я уже пробовалъ говорить съ комендантомъ, тотъ только руками замахалъ и все-таки батарея должна быть немедленно перегружена. 4 и 5 батареи уже перегружаются.

Пришлось взяться за дѣло. Перегрузились. Несчастныя лошади задыхаются въ тѣснотѣ, къ нимъ же свалена и ихъ аммуниція и людей набилось, сколько вошло. Ни орудій, ни ящиковъ, ни повозокъ не видно, такъ они густо покрыты людьми. Эшелонъ уплотненъ до отказа. Готово.

Мы на вражеской территоріи. Въ сущности говоря, ничего новаго: тѣ же пейзажи, и люди такіе же, но тѣмъ не менѣе, всѣ озираются по сторонамъ, всѣ думаютъ увидѣть что либо особенное, новое.

Слава Богу недолго пробыли въ этихъ ужасныхъ австрійскихъ вагонахъ.

Станція Львовъ.

Наконецъ увидѣли необыкновенное: какая-то не далекая большая гора, покрытая зеленью. Но озираться по сторонамъ некогда: батарея разгружается.

6-я батарея идетъ черезъ центръ большого, красиваго города и обращаетъ на себя вниманье любопытныхъ. Заглядѣвшійся кузнецъ Расницовъ, на толчокѣ, соскользнулъ съ инструментальной повозки и упалъ подъ колеса. Тяжелая, груженная желѣзомъ, повозка раздробила ему ноги и оставила его калѣкой на всю жизнь.

Навстрѣчу батареѣ идетъ какой-то обозъ и мы въ удивленіи таращимъ глаза на нашихъ обозныхъ солдатъ, одѣтыхъ въ форму венгерскихъ кавалеристовъ: красныя галифэ и зеленыя расшитыя, доломаны. При этомъ на ногахъ грязные, казеннаго образца, стоптанные сапоги и на головѣ засаленная русская фуражка. Видъ каррикатурный. Видимо гдѣ то захватили австрійскіе цейхгаузы и нашли достойное примѣненіе австрійскому обмундированію.

Намъ отвели австрійскія казармы, большія, свѣтлыя, съ большимъ дворомъ. Внутри всѣ стѣны расписаны фигурами солдатъ во всевозможнѣйшихъ австрійскихъ формахъ. Люди довольны, — можно всласть отдохнуть на хорошихъ койкахъ. Офицерамъ отведены квартиры въ одной изъ городскихъ гостинницъ.

Какъ только мы вышли на улицу, у каждаго изъ насъ — офицеровъ, появились, какъ изъ земли выросшій, еврей-мальчишка для порученій. Эти мальчуганы не оставляли насъ во все время нашего пребыванія во Львовѣ (около 3-хъ сутокъ), терпѣливо поджидая своихъ офицеровъ у порога гостинницы и получая за это вознагражденіе 30—40 копѣекъ въ день. Благодаря имъ, мы чувствовали себя здѣсь, какъ дома, совершенно не боясь заблудиться въ лабиринтѣ улицъ чужого большого города.

Что поразило насъ, — это обиліе австрійскихъ офицеровъ, даже при оружіи. Они, совершенно свободно, расхаживали по улицамъ города, часто подъ руку

съ дамами. Мы же были, какъ бы на положеніи гостей. По вечерамъ, на одной изъ главныхъ улицъ, при полномъ освѣщеніи блестящихъ магазиновъ, густая толпа гуляющихъ, сплошной стѣной, медленно двигалась по тротуарамъ взадъ и впередъ. Здѣсь уже все перемѣшалось, — мѣстные жители, и пришельцы, офицеры и русскіе, и австрійцы. Какъ ихъ много и тѣхъ, и другихъ, и что они здѣсь дѣлають въ такомъ числѣ, по крайней мѣрѣ русскіе?

* * *

— В. В., канониръ Сидоринъ обругалъ площадной бранью своего взводнаго фейерверкера и отказался выполнить его приказаніе, итти на уборку лошадей. — докладываетъ фельдфебель.

Явленіе очень нехорошее, въ особенности на походѣ. Надо разъ и навсегда прекратить этого рода явленія рѣшительными мѣрами, конечно не прибѣгая къ помощи полевого суда. Долго ломаю себѣ голову надъ этимъ вопросомъ и, наконецъ, прихожу къ разрѣшенію.

Вся батарея въ сборѣ.

— Вотъ что, ребята, у насъ въ батареѣ произошелъ прискорбный случай, вы навѣрное уже объ этомъ слышали?

— Такъ точно, — раздаются голоса.

— Такъ вотъ что: я долженъ предать Сидорина военно-полевому суду. А вы знаете, чѣмъ это можетъ кончиться въ военное время.

— Такъ точно, разстрѣломъ.

Жаль человѣка. Значить надо придумать что либо другое, чтобы больше такихъ дѣлъ въ батареѣ не было, рѣшить у себя, не вынося сора изъ избы. Что вы на это скажете?

— Выпороть надо, — загудѣла батарея.

— Ладно, пусть же сама батарея и приводитъ въ исполненіе свой приговоръ.

6-я батарея направляется въ Карпаты. Дорога отъ Львова идетъ гладкой, безлѣсной равниной, по которой, изрѣдка, разбросаны, утопающіе въ зелени, небольшія деревушки или помѣщичьи усадьбы.

Мы идемъ по свѣжимъ слѣдамъ недавнихъ боевъ, картины которыхъ ясно рисуются по первому брошенному взгляду, по сторонамъ нашей широкой дороги-шоссе.

Вотъ окопы, нарытые нашей пѣхотой, частью развороченные удачными попаданьями снарядовъ противника, идущіе, съ перерывами, неправильными ломанными линіями, скорѣе даже ямками. Позиціи нашей полевой артиллеріи, на которыхъ, до сихъ поръ еще, валяются груды пустыхъ мѣдныхъ гильзъ. Всюду разбросаны предметы нашего пѣхотнаго снаряженія: лопатки, вещевые мѣшки, патронташи пустые и полные и изрѣдка даже винтовки.

Австрійскіе окопы, повернутые въ обратную сторону. Позиціи ихъ артиллеріи, и опять всюду разбросанное снаряженіе и кучи пустыхъ снарядныхъ гильзъ.

А вотъ окопы уже перепутались наши съ австрійскими: наша пѣхота успѣла продвинуться впередъ, гоня передъ собой перепуганнаго противника.

Чѣмъ дальше мы отходимъ отъ Львова, тѣмъ больше и ярче встаютъ передъ нами картины этихъ боевъ. Въ окопахъ начинаютъ попадаться неубранные еще трупы, сначала одиночные, рѣдкіе, а затѣмъ все чаще и больше: наши, австрійцы въ тѣхъ позахъ, въ которыхъ застала ихъ смерть, съ дико глядящими, открытыми глазами, часто съ оскаленными, какъ будто въ дикой злобѣ, зубами, съ выраженіемъ боли и страданія на лицахъ. Въ одномъ мѣстѣ, рядомъ съ защитнаго цвѣта рубахами нашихъ убитыхъ пѣхотныхъ солдатъ, сѣрое платье убитой сестры милосердія. Она лежитъ уткнувшись лицомъ въ землю.

Какимъ образомъ попала она въ боевую линію для того, чтобы пожертвовать своею жизнью во имя Великой Любви, которой горѣла ея большая душа?

Сильный, дурманящій запахъ заставлялъ насъ спѣшить все впередъ, выйти, наконецъ, изъ этаго царства смерти. Спускающіяся на землю сумерки и вечерняя прохлада нѣсколько облегчаютъ наше положеніе. Мы подходимъ къ мѣсту ночлега.

*
* *

Дивизионъ выстроенъ въ резервную колонну.

— Слѣзай!

Деревня дѣлится на три равныя части и каждая батарея занимаетъ свою. Рядомъ усадьба. Насъ офицеровъ привлекаетъ привѣтливый видъ помѣщичьяго дома, передъ которымъ разбитъ цвѣтникъ, густо покрытый, еще видимыми въ вечернемъ сумракѣ, цвѣтами. Мы входимъ въ ворота. Сильный трупный запахъ заставляетъ насъ остановиться: весь цвѣтникъ заваленъ трупами убитыхъ австрійцевъ. Какъ безумные, мы выскакиваемъ изъ цвѣтника и спѣшимъ въ деревню, гдѣ находимъ себѣ пристанище въ одной изъ избъ, которую для насъ освобождаютъ наши солдаты.

Мы очень устали послѣ дневного перехода и пережитыхъ за день впечатлѣній. Съ восторгомъ мы полощемъ свои лица и руки прохладной водой, принесенной изъ рѣчки. Разставляются походныя койки, накрывается столъ. Самоваръ привѣтливо уже гудитъ въ сѣнякъ. Мы пьемъ и ѣдимъ, наслаждаемся часами нашего отдыха, послѣ перехода, который казался намъ безконечнымъ. Рано утромъ умываться бѣжимъ прямо къ рѣчкѣ и пораженные, останавливаемся: вся рѣчка завалена трупами. И эту воду вчера мы съ такимъ наслажденіемъ пили, мыли ею свои лица и руки.

*
* *

Походъ продолжается. Но сегодня мы идемъ уже

лѣсомъ, что сильно облегчаетъ движеніе. Кромѣ того мы отошли нѣсколько въ сторону и труповъ уже больше нѣтъ: мы потеряли слѣдъ боя.

Наше шоссе пересѣкаетъ полотно желѣзной дороги. Невдалекѣ виднѣется полустанокъ. Мы пользуемся временемъ привала и направляемся къ стоящему у полустанка поѣзду.

На одной изъ платформъ стоитъ гробъ, у котораго, низко опустивъ голову на грудь, сидитъ дама въ траурномъ платьѣ. Мы спѣшимъ пройти мимо, не желая своимъ видомъ живыхъ и здоровыхъ беречь тяжелую душевную рану несчастной женщины.

*
* *

Еще переходъ: батарея вступаетъ въ горы. Шоссе, до сихъ поръ довольно исправное, постепенно переходитъ въ ужасное мѣсиво изъ земли и мелкаго камня, въ которомъ утопаютъ колеса нашихъ орудій.

Лошади напрягаютъ все свои силы, на помощь имъ въ лямки впрягаются люди. Дорога въ гору и въ гору. Новый, невиданный нами, горный пейзажъ, несмотря на трудность пути, производитъ довольно сильное впечатлѣніе. Въ особенности онъ поражаетъ нашихъ солдатъ, жителей великой Равнины, никогда не видѣвшихъ горъ. Это предгорья Карпатъ. Склоны вспаханы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на крутыхъ склонахъ, землю копаютъ лопатами.

— Помирать бы съ голоду сталь, не копаль бы такъ, — замѣчаетъ идущій рядомъ съ моей лошадью солдатъ. — Экій трудъ то какой, прости Господи!

Лошади неожиданно шарахаются въ сторону: въ придорожной канавѣ лежитъ трупъ замученной лошади и чѣмъ дальше въ горы, тѣмъ чаще, въ канавахъ валяются эти трупы несчастныхъ животныхъ. Вся дорога усыпана ими.

— В. В., — подскакиваетъ ко мнѣ фельдфебель, — въ 12-мъ ящикѣ коренная кобыла Чистая ногу сломала. Оступилась, знать.

— Запречь заводную лошадь, Чистую пристрѣлить.

И легла въ придорожную канаву и наша Чистая, свѣтло-сѣрая, сильная, еще молодая лошадка.

Вправо что-то загудѣло, какъ отдаленный громъ. Это крѣпость Перемышль даетъ намъ знать о своемъ существованіи. Всѣ поворачиваютъ головы вправо, но изъ за пересѣченной мѣстности, ничего не видно.

Мы обходимъ Перемышль слѣва и направляемся вглубь Карпатскихъ горъ. Изъ Штаба дивизіи полученъ маршрутъ: дивизиону взять направленіе на деревню Бржуска.

Мы у подножья крутого подъема, на вершинѣ котораго находится указанная намъ деревня. 6-я батарея въ главѣ колонны, и первая начинаетъ лѣзть на гору.

— Взять интервалы между упряжками! . . Шагомъ маршъ! . .

— Орудія, съ трудомъ, карабкаются въ гору. Прямо ѣхать нельзя: орудія тянетъ назадъ, надо брать гору зигзагами. Люди впрягаются вмѣстѣ съ лошадьми, не исключая и офицеровъ. Лошади храпятъ, выбиваются изъ силъ, останавливаются.

— Припречь передніе выноса изъ резерва!

Восьмерками тянемъ орудія и ящики. Полторы версты до Бржуски тянули всю ночь и только подъ утро батарея собралась на самой вершинѣ. 5-я батарея еще въ пути, 4-я не двигалась, — стоитъ у подножья подъема.

Дивизионный развѣдчикъ привезъ пакетъ.

Вскрываю.

— Вернуться обратно, къ перекрестку дорогъ, для продолженія похода.

Штабомъ дивизіи нашъ дивизионъ былъ направленъ въ деревню Бржуска только для ночлега, о чемъ своевременно, съ вечера, насъ уведомить никто не потрудился. Бѣшенство находить на меня: такъ вотъ какъ считается съ нами наше начальство! Вотъ, какъ

оно о насъ заботится! Люди мрачно молчатъ, смотрятъ исподлобья.

Голодная, измученная безсонной, извурительной ночью, батарея вернулась къ указанному мѣсту. Опять размолотое мѣсиво подъ ногами, дорога опять въ гору. Упряжки останавливаются, приходится къ застрявшимъ припрягать выноса. Двойная работа несчастнымъ лошадямъ.

Отошли уже версть 12 отъ сборнаго пункта у перекрестка. Остановка. Получаю приказаніе вернуться обратно: съ 1-го ноября 1914 года дивизія входитъ въ составъ 11-й арміи, осаждающей крѣпость Перемышль.

*
* *

Гулко разносится отзвукъ разрыва тяжелаго крѣпостнаго снаряда и перекатами перебрасывается по ущелиямъ, окаймляющихъ крѣпость, горъ. И опять полная тишина и полный покой.

6-я батарея подходитъ къ указанному ей батареинному участку.

Гдѣ-же крѣпость?

Мирная галиційская деревушка, населенная мирными жителями, всецѣло поглощенными своими собственными заботами. Рядомъ свѣже вспаханное подъ посѣвъ поле.

Появленіе батареи нѣсколько нарушаетъ теченіе обычной жизни и жители не очень сочувственно встрѣчаютъ ее. Да и понятно: чужіе солдаты портятъ поля своими лопатами, устанавливая на нихъ свои пушки. Въ избахъ-халупахъ распоряжаются, какъ хотятъ, а настоящіе хозяева должны или совсѣмъ выселиться, или ютиться по угламъ и чуланамъ. Во дворахъ настроили какіе то навѣсы, подъ которыми разставили своихъ лошадей, да еще ожидаютъ ласковаго обхожденія. Тяжело приходится мирному сельскому жителю въ военное время.

Влѣво отъ позиціи небольшая возвышенность, откуда въ трубу Цейса кое какъ можно разобрать-ся въ непріятельскихъ линіяхъ и даже виденъ одинъ изъ фортовъ.

Летитъ первая пристрѣлочная, шрапнель на предѣльномъ прицѣлѣ. Разорвалась. . . Направленіе взято. — Гранатой! . .

Еле дотянулась граната до переднихъ линій противника, взрыла землю и подняла на воздухъ столбъ пыли.

Ну, отсюда немного настрѣляешь, и кому это пришло въ голову намѣтить здѣсь линію батарейныхъ позицій? А что спокойно здѣсь будетъ, такъ это уже вѣрно.

Недѣлю простояла батарея на этой позиціи.

Приѣхалъ Малининъ, посланный еще съ похода за бѣльемъ для батарей, привезъ изъ дома письма, посылки, массу бѣлья и, главное, совершенно бесплатно.

— Геннадій Павловичъ приказали все выдать безъ денегъ. — сообщилъ онъ о своемъ бывшемъ патронѣ.

* *
*

Командиру 6-й батареи, завтра съ утра, сопроводовать начальнику штаба сектора въ его рекогносцировку подступовъ къ крѣпости.

Ну вотъ и отлично: все-таки разнообразіе и интересно.

Съ утра погружаемся въ пихтовый лѣсъ, покрывающій цѣлый рядъ небольшихъ высотъ, охватывающій, какъ поясомъ, нашъ южный секторъ крѣпости; какія красивыя мѣста! Громадныя пихты, опушенные снѣгомъ (въ горахъ уже снѣгъ), то спуски, лоцины, поросшія буковыми зарослями, небольшія полянки, разбросанныя между лѣсомъ, горныя рѣчки по дну овраговъ, лоцинъ.

Высота 486*)... Густой старый лѣсъ и вдругъ ши-

*) 486 метровъ надъ уровнемъ моря.

рокая поляна, съ отлогимъ уклономъ назадъ. Край высоты обрывистъ, поросъ бордюромъ изъ деревьевъ и кустарника, а тамъ, внизу, у подножья ея, окопы нашей пѣхоты.

Пока Н. А. Тиличевъ возится съ угломѣромъ Михайловскаго-Турова, что-то на немъ отсчитываетъ, и дѣлаетъ докладъ начальнику штаба, я подхожу къ краю обрыва и передъ моими глазами, какъ на ладони, видна ближайшая къ намъ часть крѣпости: два форта, ряды междуфортowychъ укрѣплений, ближайшія линіи укрѣплений полевого типа, окопы и цѣлыя поля проволочныхъ заграждений.

— Господинъ полковникъ, посмотрите какая идеальная артиллерійская позиція и, кромѣ того, мы будемъ надъ самой нашей пѣхотой, — это сразу придастъ ей бодрость. А тамъ, гдѣ мы сейчасъ стоимъ, мы не въ состояніи оказать нашей пѣхотѣ никакой поддержки, тамъ мы совершенно безсильны и бесполезны.

— А какъ вы сюда влѣзете съ вашими пушками?

— Если получимъ приказаніе, то влѣземъ.

— Ну, смотрите.

Вечеромъ получаю срочную телефонограмму: по приказанію начальника южнаго сектора, 6-й батареѣ немедленно занять позицію на высотѣ 486.

*
* *

Раннимъ утромъ 6-я батарея выступила на новую позицію и черезъ часъ подошла къ подножью ближайшей высоты.

Пологимъ откосомъ начинается подъемъ и, растянувшись длинной вереницей, орудіи и ящики довольно свободно лѣзутъ въ гору, придерживаясь узенькой пѣшеходной тропинки, пропадающей гдѣ-то тамъ въ густыхъ заросляхъ опушки пихтоваго лѣса. Подъемъ становится круче, ѣздовые пригнулись въ сѣдлахъ, лошади спотыкаются, тяжесть орудій и ящиковъ тянетъ назадъ.

— Бери вправо!

Загнула угломъ батарея. По крутому откосу, обтягивая наискось подъемъ, какъ лентой, широкой черной полосой свѣжей колеи, поднимается батарея все выше и выше.

Орудія и ящики накренились, врѣзаются колесами въ мягкую, насыщенную влагой почву, рѣжутъ дернъ. Лошади потемнѣли отъ пота, густой паръ валитъ отъ ихъ взлохмоченныхъ спинъ и боковъ, съ удилъ падаетъ хлопьями густая бѣлая пѣна. Люди работаютъ у колесъ, помогая животнымъ въ трудныхъ мѣстахъ двигать, увязающія въ почвѣ, орудія и ящики.

Вотъ и опушка лѣса. Густыми, низкорослыми зарослями пихты преграждаетъ она батареѣ дальнѣйшій подъемъ.

Батарея остановилась.

Зазвенѣли въ лѣсу топоры: падаютъ мелкія пихты и сейчасъ же оттаскиваютъ въ стороны, очищая широкую просѣку, покрытую свѣжими, мелкими пеньками деревьевъ. Минувя рѣдкія крупныя деревья, просѣка прошла черезъ уголь лѣса къ ровной, открытой полянѣ и батарея уже зазвенѣла металломъ по свѣжимъ, только что срубленнымъ, пенькамъ. Въ лѣсу уклонъ небольшой, орудія и ящики идутъ свободно, но только сильно страдаютъ ноги и копыта лошадей, и у многихъ выступила уже кровь.

Подъемъ взятъ. Лѣсъ пройденъ. Батарея подходитъ къ деревнѣ Грушево, раскинувшейся на ровной, высокой, открытой полянѣ. Здѣсь отдыхъ и нѣсколько запоздалый обѣдъ и для людей, и для животныхъ.

— Заморились, ребята?

Люди смѣются:

— Ничего. . . Теперя по нашему слѣду, небось, дорогу проложатъ.

— Чего прокладывать? Она такъ уже проложена: умяли пеньки-то колеса и по откосамъ здорово взрыта земля, накатать ее только и дорога готова.

Еще одна деревушка, раскинутая по берегамъ горной рѣчки, и батарея останавливается опять передъ новымъ подъемомъ. Этотъ подъемъ не такъ уже труденъ и къ вечеру, снятыя съ передковъ орудія, уже стоятъ на мѣстахъ.

*
**

Занесено бѣлымъ снѣгомъ дно глубокаго лѣснаго оврага. Откосы его поросли мелкой зарослью, надъ которой высятся старыя пихты большого темнаго лѣса.

Ярко пылаютъ костры, трещать сухія хвойныя вѣтки, разсыпая вокругъ мелкія искры. Тѣни старыхъ пихтъ ложатся на освѣщенное огнемъ пространство. Вокругъ темная ночь.

Кипятъ на трехъ кольяхъ подвѣшенные чайники, люди сбились къ огню, грѣютъ озябшіе члены. Слышится мѣрный шорохъ жующихъ сѣно лошадей, привязанныхъ тутъ же въ оврагѣ.

Время идетъ. . . Костры догораютъ. . . Люди, съежившись, дремлютъ у потухающихъ углей. . . Въ ночномъ мракѣ полная тишина, нарушаемая лишь тѣмъ же мѣрнымъ жеваніемъ лошадей.

*
**

Люди роютъ землянки въ скатахъ оврага. Въ самомъ оврагѣ кроютъ навѣсы для лошадей.

У края обрыва маленькій ровикъ въ кустахъ, надъ которымъ высятся три дерева: кедръ, пихта и лиственница. Это мой наблюдательный пунктъ.

Какой дивный видъ.

Чуть влѣво поляна, поднимающаяся скатомъ отъ нашихъ пѣхотныхъ окоповъ къ темному лѣсу, хранящему пока отъ насъ свои тайны. Что тамъ въ лѣсу?

Бѣлое облако разрыва шрапнели 6-й батареи покрываетъ опушку.

Записать установки, цѣль № 1-й!

Вторая шрапнель просвистала прямо надъ головой, въ направленіи одного изъ фортвъ, лежащаго прямо на скалахъ. Разрыва не вижу.

Я люблю, когда мои снаряды пролетаютъ надъ самой моей головой. Мнѣ кажется, что они поютъ въ это время свою особую тихую пѣсню. Мнѣ тогда становится весело и я чувствую, какъ во мнѣ растетъ увѣренность въ несокрушимости и силѣ моей батареи.

— Огонь !

Снова шрапнель рѣжетъ воздухъ въ томъ же направленіи: разрыва все нѣтъ.

— В. В., да вонъ гдѣ разрывъ.

Опускаю бинокль и гляжу въ полномъ недоумѣніи: разрывъ совсѣмъ близко. Бѣлое облачко виситъ въ воздухѣ чуть ли не у самой нашей высоты, а я его искалъ у форта.

Такъ вотъ, что значить стрѣльба въ горахъ: горныя складки мѣстности безумно скрадываютъ разстояніе и воздухъ слишкомъ прозраченъ. Все кажется очень близко, а на самомъ дѣлѣ невѣроятно далеко.

*
* *

Тяжело гремятъ орудія крѣпости, разсылая снаряды по всевозможнымъ направленіямъ, но безъ всякой системы. У австрійцевъ почти нѣтъ опредѣленныхъ пунктовъ, которые систематически обстрѣливались бы ими. Ихъ снаряды падаютъ въ большинствѣ случаевъ наудачу, куда попало: въ овраги, въ лѣсъ, залетаютъ въ глубокой тылъ и, большею частью, пропадаютъ безрезультатно. Это странно, тѣмъ болѣе потому что имъ отлично извѣстно положеніе нашихъ боевыхъ линій и каждая точка обложенія крѣпости можетъ быть поражаема ими въ любой моментъ дня и даже безъ всякаго наблюденія.

Получается впечатлѣніе такое, что, стрѣляя изъ своихъ крупныхъ орудій, они только отъ скуки забавляются.

Стрѣльба ихъ рѣдкая: пролетитъ снарядъ, завоюетъ въ воздухѣ волкомъ и лопнетъ въ лѣсу, раскатясь глухимъ эхомъ въ окрестныхъ долинахъ и оврагахъ и опять, на неопредѣленное время, замолчитъ крѣпость, какъ будто заснетъ.

Наши орудія тоже молчатъ. На нашемъ секторѣ нѣтъ другихъ орудій, кромѣ нашихъ 3-хъ дюймовыхъ пушекъ, по своимъ свойствамъ не могущихъ нанести никакихъ разрушеній или сильныхъ поврежденій укрѣпленнымъ линіямъ противника. Лишь изрѣдка удается подкараулить идущихъ съ винтовками на работу австрійцевъ, поймать ихъ своею шрапнелью гдѣ нибудь на лѣсной прогалинѣ или просѣкѣ, и, въ одинъ моментъ, заставить ихъ разбѣжаться.

Изрѣдка протрещать гдѣ нибудь винтовочные выстрѣлы по близко подошедшимъ развѣдчикамъ, свиснетъ рѣдкая пуля и опять все погружается въ полную тишину.

Ночь оживленіе дня: высоко взлетая, сотнями рвутся ракеты австрійцевъ, освѣщая бѣлымъ матовымъ свѣтомъ ихъ линіи. Темными пятнами въ этомъ блѣдномъ освѣщеніи выступаютъ лѣса, покрывающіе склоны высотъ, не занятыхъ ни той, ни другой стороной. Въ эти лѣса, по ночамъ, направляются наши пѣхотныя части для постоянныхъ усиленныхъ развѣдокъ позицій противника и съ цѣлью добычи плѣнныхъ, что ставится имъ непремѣннымъ условіемъ. Лѣсами подходит наша пѣхота къ окопамъ противника и, въ короткихъ схваткахъ, выбиваетъ и гонитъ его дальше, подъ защиту фортовъ крѣпости.

*
* *

Въ штабѣ дивизіи встрѣчаю командующаго 2-й батареей капитана Н. Н. Волкова.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, Волковъ.

— Пріѣхалъ объясниться съ начальникомъ дивизіи. Онъ приказалъ мнѣ разбить Красичинскій замокъ,

могущій, при нашемъ наступленіи, стать опорнымъ пунктомъ противника.

— Что-же ты ему отвѣтилъ?

— Отвѣтилъ, что я этого не могу сдѣлать.

— Какой-же результатъ?

Объщаль отрѣшить меня отъ командованія батареи, если я этого приказанія не выполню.

— Дальше?

— Я почтительно доложилъ, что онъ можетъ это продѣлать сейчасъ, такъ какъ я и пробовать не буду стрѣлять по замку.

Конечно, Н. Н. Волковъ отрѣшенъ отъ командованія батареи не былъ. Красичинскій замокъ, родовое владѣніе князей Сапѣгъ, расположенный невдалекѣ отъ Перемышля, насчитывалъ, навѣрное, нѣсколько сотенъ лѣтъ. Замокъ—крѣпость, сложенный изъ крупнаго камня, могъ бы быть разрушенъ, конечно, только снарядами крупныхъ калибровъ. Наши же 3-хъ дюймовыя гранаты могли оставить на его стѣнахъ лишь незначительныя мѣтки.

Понималъ ли это нашъ начальникъ дивизіи или не понималъ? Я думаю, что онъ, какъ офицеръ генеральнаго штаба, не могъ бы быть столь невѣжественнымъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ, но вслѣдствіе особой нелюбви къ намъ — артиллеристамъ, и въ силу черствой натуры, онъ искалъ только случая къ чему нибудь придратъся.

Черезъ нѣкоторое время, когда я представилъ своихъ двухъ солдатъ, за совершенный ими подвигъ, къ награжденію Георгіевскими крестами, начальникъ дивизіи, съ ѣдкой ироніей, обратился ко мнѣ съ слѣдующей фразой:

— Скажите, пожалуйста, капитанъ, скоро ли послѣдній изъ нижнихъ чиновъ вашей батареи получитъ Георгіевскій крестъ, а то мнѣ ваши представленія къ наградамъ уже надоѣли.

— Это зависитъ отъ васъ, Ваше Превосходитель-

ство, насколько вы не будете препятствовать этому моимъ представлѣніямъ, — отвѣтилъ я.

*
* *

За развѣдку подступовъ къ крѣпости Перемышль, въ присутствіи начальника штаба сектора, вольноопредѣляющійся Н. А. Тиличевъ произведенъ въ прапорщики.

Событія въ жизни очень крупное: она обогатилась прекраснымъ, храбрымъ офицеромъ.

Самъ Н. А. никакъ не ожидалъ производства въ такой короткій срокъ своей службы и былъ даже сконфуженъ этимъ событіемъ, такъ какъ, по его искреннему убѣжденію, онъ совершенно не заслужилъ еще такой крупной награды.

Представленіе къ его производству было сдѣлано самимъ начальникомъ штаба обратившимъ свое особое вниманіе на выдающіяся способности моего вольноопредѣляющагося.

До его производства въ офицеры, солдаты батареи всегда особенно почтительно относившіеся къ нему, называли его по имени и отчеству: «Николай Александровичъ». Послѣ производства они стали его называть не иначе какъ «Его благородіе Николай Александровичъ», совершенно игнорируя его фамилію.

Прапорщикъ Н. А. Тиличевъ получилъ свое первое офицерское жалованье и принесъ всѣ деньги мнѣ.

— Командиръ, что мнѣ съ ними дѣлать?

Я былъ очень удивленъ этимъ вопросомъ.

— Какъ что? То, что обыкновенно дѣлаютъ съ деньгами: расходывать ихъ на свои нужды, конечно.

— Да мнѣ онѣ не нужны. Копить безсмысленно, мать моя матерьяльно обеспечена, а все, что мнѣ нужно, я и такъ получаю въ батарее.

— Все равно, на чтонибудь онѣ вамъ пригодятся. Спрячьте.

Н. А. сгрѣбъ свои деньги обратно, запихалъ ихъ

въ карманъ и вышелъ. Часа черезъ полтора онъ пришелъ ко мнѣ довольный, сіяющій.

— Знаете, командиръ, я нашель примѣненіе деньгамъ.

— Ну?

— Я ихъ роздалъ солдатамъ.

Дѣйствительно, Н. А., отъ меня отправился въ батарею и роздалъ всѣ свои деньги, въ зависимости отъ зажиточности и семейнаго положенія солдатъ. Такъ продолжалъ онъ поступать и впослѣдствіи.

*
* *

Я получилъ телефонограмму: согласно приказанія начальника дивизіи, въ ввѣренную вамъ батарею назначенъ на службу прапорщикъ 2-го артиллерійскаго парка Н. Н. Кувалдинъ «на исправленіе».

Я былъ крайне озадаченъ: странный взглядъ у начальника дивизіи на 6-ю батарею, — причемъ здѣсь «исправленіе»?

Пришлось немедленно навести справки, въ чемъ провинился прапорщикъ Кувалдинъ, къ которому понадобилось примѣнить такія крутыя мѣры. Выяснилось, что въ какомъ то мѣстечкѣ нижними чинами парка былъ разграбленъ винный погребокъ и, какъ будто-бы, въ этомъ предпріятіи принималъ участіе и этотъ прапорщикъ. Если это вѣрно, то придется, такъ или иначе, отдѣлаться отъ него.

Въ этотъ же день, къ вечеру, прапорщикъ Кувалдинъ явился въ батарею. Принялъ я его не съ очень хорошимъ чувствомъ, но такъ какъ онъ не проявилъ пока никакихъ признаковъ распушенности, я рѣшилъ выждать нѣкоторое время и постараться къ нему приглядѣться.

Средняго роста, сухой, молодой и хорошо воспитанный, онъ производилъ очень благопріятное впечатлѣніе и, съ теченіемъ времени, безъ всякаго нажима или «исправленія» съ моей стороны, я долженъ былъ признать, что передо мной находится человекъ рѣдкій

по душевнымъ и нравственнымъ качествамъ. А когда мнѣ съ нимъ пришлось побывать въ бояхъ, я увидѣлъ, что онъ еще, кромѣ того, и блестящій во всѣхъ отношеніяхъ строевой офицеръ. Къ разграбленію виннаго погреба Н. Н. Кувалдинъ, конечно, никакого отношенія не имѣлъ и почему его припутали къ этому дѣлу, мнѣ такъ узнать и не удалось.

* *
*

— Разрѣшите доложить, В. В., сегодня ночью наши ѣздовые притащили десять мѣшковъ овса для лошадей, а для васъ мягкое кресло.

Фельдфебель улыбается, рассчитывая на эффектъ своего доклада.

— Это еще откуда?

— А изъ того хуторка, что за нашими окопами. Небольшая усадебка, расположенная на срединѣ между нашими пѣхотными окопами и укрѣпленными линіями австрійцевъ, не занята ни нами ни ими. Хозяева давно уже сбѣжали оттуда, бросивъ на произволь судьбы все свое имущество, которое до сихъ поръ сохранилось въ полной неприкосновенности изъ за положенія усадебки, подходъ къ которой совершенно открытъ.

Странно то, что усадьба не была сожжена отступающими австрійцами передъ обложеніемъ крѣпости, какъ сожгли они цѣлый рядъ ближайшихъ къ крѣпости селеній, несмотря на то, что жители этихъ селеній оставались на мѣстахъ, не желая покидать своихъ насиженныхъ гнѣздъ. Въ настоящее время всѣ они, лишенные крова, ютятся, со своими женами и дѣтьми, въ жалкихъ шалашахъ изъ пихтовыхъ вѣтокъ и обугленныхъ остатковъ дерева, согрѣваясь кострами, которые они разводятъ внутри шалашей.

Чѣмъ живутъ, чѣмъ питаются эти несчастные, обиженные судьбой и людьми крестьяне, явленіе совершенно непонятное. Они покорно и терпѣливо пе-

реносятъ всѣ свалившіяся на нихъ невзгоды и даже не жалуются.

— Кто сжегъ ваши селенія?

— Да наши-же мадьяры. Какъ уходили въ крѣпость, такъ и сожгли.

Какой смыслъ былъ въ такой жестокости, въ уничтоженіи этихъ селеній? Видимо это было сдѣлано въ силу чисто канцелярскаго приказанія начальства, которое не потрудилося лично убѣдиться на мѣстѣ, нужна или не нужна подобная жертва.

— Вотъ В. В., — говорятъ мнѣ мои солдаты, — вы все жалѣете крестьянъ здѣшнихъ погорѣвшихъ. А что ихъ жалѣть: развѣ это люди? Лѣннывы они что-ли, или дурные какіе, а только поглядишь, — поле лопатами копаютъ, трудятся такъ, что ажъ страшно смотрѣть на нихъ, а вотъ хотя-бы землянки построить себѣ, какъ мы строимъ, такъ ни за что. Какъ свиньи какія живутъ въ шалашахъ, въ грязи валяются. Живого мѣста на тѣлѣ-то ихнемъ не найдешь: вши, извините, заѣли, не моются никогда. Голодные: одну картошку лопаютъ всю свою жизнь. Прости Господи, никакъ не понять, что за люди такіе?

Рискъ и затрудненія, связанные съ возможностью попасть въ уцѣлѣвшую усадѣбку, съ примѣсю доли любопытства, видимо не давали покоя моимъ скачущимъ солдатамъ и они, совершенно для меня неожиданно, предприняли туда ночную экскурсію, которая, на этотъ разъ, сошла благополучно. Тѣмъ не менѣе, въ дальнѣйшемъ, подобныя предпріятія, не оправдываемыя никакой необходимостью, были мною строжайше запрещены.

*
* *

Дежурный наблюдатель доложилъ мнѣ, что на одной изъ высотъ, покрытой густымъ кустарникомъ, онъ замѣтилъ какое-то странное сооруженіе, нѣчто вродѣ построеннаго изъ пихтовыхъ вѣтокъ шалаша, въ которомъ, по его наблюденіямъ, скрываются два

орудія, время отъ времени обстрѣливающія наше расположениеіе.

Наблюденія его оказались вполнѣ точными, дистанція, на глазъ, небольшая и, поэтому, я рѣшилъ попробовать уничтожить эти орудія.

Нѣсколько выпущенныхъ въ этомъ направленіи гранатъ опять показали мнѣ насколько обманчивы на глазъ разстоянія въ горахъ: мои гранаты далеко не долетали до цѣли, но за то ясно показали австрійцамъ, что они вѣд досягаемости нашихъ орудій. Убѣдившись въ своей безопасности, австрійскіе артиллеристы перестали совершенно съ нами стѣсняться. Изъ шалаша вынесли столъ и два стула, появились открыто люди. Справляясь по картѣ, разложенной на столѣ, они обстрѣливали насъ, изъ своихъ двухъ орудій, какъ хотѣли, но, къ нашему благополучію и по своему обыкновенію, не очень настойчиво, разбрасывая снаряды въ разныя стороны. Намъ же оставалось только съ грустью смотрѣть на нихъ, посылая по ихъ адресу безсильныя угрозы и сожалѣть о томъ, что у насъ здѣсь, на цѣломъ секторѣ обложенія, нѣтъ ни одного тяжелаго орудія.

*
* *

Съ наблюдательнаго пункта видно, что австрійцы каждый день, въ большемъ числѣ, передвигаются куда-то влѣво. Деревья и кусты мѣшаютъ наблюденію и потому я рѣшилъ поискать дополнительный наблюдательный пунктъ, откуда вѣрнѣе можно было бы слѣдить за этими ихъ передвиженіями и легче было бы наблюдать за результатами своихъ выстрѣловъ, разгоняя эти группы противника.

Вскорѣ вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, — вырыть ровикъ и установлена маленькая труба Цейса, наблюденіе въ которую, конечно, не могло быть вполнѣ безопасно изъ за ея небольшихъ размѣровъ, но хорошо укрытый пунктъ искупалъ недостатки трубы.

Слѣдя отсюда за австрійцами выяснилось, что они свои ежедневные переходы совершали на земляныя работы, по усилению своихъ переднихъ линій и, съ момента установки бокового пункта, 6-я батарея начала въ этомъ дѣлѣ имъ сильно мѣшать, заставляя ихъ удвоить осторожность и быть все время на чеку.

Однажды, зайдя на боковой пунктъ вмѣстѣ съ А. Р. Яковлевымъ, я приложилъ глаза къ трубѣ, нѣкоторое время рассматривая интересовавшія меня укрѣпленія австрійцевъ. Стояла полная тишина и не было слышно ни одного выстрѣла. Окончивъ осмотръ, едва я успѣлъ отвести чуть свою голову отъ трубы, какъ откуда-то взявшаяся ружейная пуля, прочертивъ по землѣ бруствера линію, прошла какъ разъ посрединѣ между окулярами трубы и, мимо моего уха, вскочила въ окопъ. Я былъ на волосокъ отъ смерти, но тогда я не обратилъ вниманія на это происшествіе, полюбовавшись лишь правильной линіей, прочерченной пулей и только нѣкоторое время спустя я принужденъ былъ вспомнить объ этомъ случаѣ.

*
* *

Я слѣжу за стрѣльбой тяжелыхъ гаубицъ противника, поставленныхъ въ одномъ изъ междуфортовыхъ укрѣпленій. Я вижу хорошо то мѣсто, гдѣ онѣ стоятъ и точно опредѣлилъ уже ихъ число: ихъ четыре.

Крупныя кольца дыма, какъ изъ паровозной трубы, взлетаютъ прямо вверхъ послѣ каждаго ихъ выстрѣла и, крутясь и вибрируя, онѣ поднимаются на значительную высоту, гдѣ постепенно въ воздухѣ таютъ. Я знаю, что эти гаубицы внѣ обстрѣла 6-й батареи и потому я даже не пробую по нимъ стрѣлять.

Сзади, въ кустахъ какой-то шорохъ. Мы всѣ поворачиваемъ головы и видимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, двухъ дикихъ козъ. Граціозныя жи-

вотныя разсматриваютъ насъ съ большимъ любопытствомъ, которое даже пересиливаетъ ихъ страхъ. Мы сидимъ тихо, не шевелясь, боясь испугать милыхъ пофѣтительницъ, но онѣ, видимо, уже наглядѣлись и, сразу, въ одинъ моментъ, скрылись въ кустахъ.

Опять шорохъ, опять я поворачиваю голову и передо-мною, вмѣсто козъ, мой доброволецъ Блиновъ.

— В. В., разрѣшите мнѣ пойти съ пѣхотой на развѣдку. Очень ужъ интересно.

— Ступай.

Блиновъ благодарить и уходитъ.

Побывавъ, впервые, на развѣдкѣ съ пѣхотными развѣдчиками, Блиновъ такъ увлекся этимъ опаснымъ спортомъ, что уже никакъ не могъ удержаться отъ него и, получивъ отъ меня полное разрѣшеніе, старался не пропустить ни одной развѣдки. Въ концѣ концовъ Блиновъ явился ко мнѣ съ просьбой о переводѣ его въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Вскорѣ онъ сталъ однимъ изъ лучшихъ развѣдчиковъ 1-го полка, сталъ «полнымъ» Георгіевскимъ кавалеромъ и, черезъ полъ года, былъ убитъ въ одной изъ своихъ рискованныхъ развѣдокъ.

* *
*

Съ нѣкотораго времени наши пѣхотные окопы, расположенные у подножья высоты 486, систематически подвергаются обстрѣлу легкой батареей противника. Обстрѣлъ рѣдкій, но постоянный, и пѣхота наша все время несетъ потери убитыми и ранеными. По быстротѣ, съ которой послѣ выстрѣла появляется разрывъ, можно заключить, что стрѣляющая батарея расположена очень близко, гдѣ-то за впереди растущимъ лѣсомъ, но опредѣлить точно ея позицію невозможно: она ни откуда не видна и напрасно я и мои развѣдчики излазили всѣ, близъ находящіяся высоты, — мы не нашли никакого, даже малѣйшаго признака, по которому можно было бы, хотя приблизительно, опредѣлить ея положеніе.

Такъ прошло нѣсколько дней, пока, я не получилъ, сильно смѣтившую меня, записку отъ генерала Гандурина, — помощника нашего начальника дивизіи, впослѣдствіи перваго коменданта крѣпости Перемышль, фактически ведущаго всѣ операціи на нашемъ секторѣ. Записка была такого содержанія:

— Стыдно батареѣ смотрѣть, какъ, вотъ уже нѣсколько дней подрядъ, австрійцы безнаказанно избиваютъ нашу пѣхоту.

Вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Оставалось только одно: итти на проломъ, то-есть искать австрійскую батарею на ея собственной позиціи.

По моей просьбѣ командиръ 4-го полка далъ въ мое распоряженіе трехъ опытныхъ развѣдчиковъ, съ которыми, въ сопровожденіи прапорщика Н. А. Тиличеева и наблюдателя Чухломина, я и отправился на поиски австрійской батареи.

Мы благополучно прошли открытую поляну и углубились въ лѣсъ, оказавшійся, на наше счастье, сильно поросшимъ кустарникомъ, скрывающимъ насъ отъ случайнаго взгляда. Мы шли осторожно ступая, стараясь не производить своими шагами никакого шума, что все-таки плохо намъ удавалось: предательскія сухія вѣтки то и дѣло попадали намъ подъ ноги и своими трескомъ нарушали тишину.

Мы знали со словъ развѣдчиковъ, что примѣрно, на серединѣ лѣса у австрійцевъ стоитъ сторожевое охраненіе, состоящее изъ цѣпи сторожевыхъ постовъ, за которой гдѣ-то расположенъ ихъ полевой карауль. Точнаго-же мѣста расположенія караула развѣдчики не знали, такъ какъ за цѣпь постовъ не проникали никогда.

— В. В., теперь надо итти очень осторожно, — услышалъ я у себя надъ ухомъ шопотъ старшаго развѣдчика, — австрійцы близко.

Мы удвоили осторожность и, какъ волки, слѣдъ въ слѣдъ, пробираясь кустами, прошли еще нѣсколько

ко десятковъ шаговъ. Идущій впереди развѣдчикъ остановился и, обернувшись назадъ, осторожно протянулъ руку впередъ и вправо.

Сердце усиленно забилося, захотѣлось остановить дыханіе, а оно, какъ нарочно, только усилило свой темпъ: саженьяхъ въ двадцати, впереди по направлению руки развѣдчика, стоялъ, съ винтовкой, австріецъ. Голова сама невольно повернулась въ другую сторону, глаза ищутъ второго часового. Но конечно, вонъ онъ стоитъ, прикрытый высокимъ кустомъ, черезъ вѣтки котораго просвѣчивается его сѣро-голубая шинель. Часовые не подозрѣваютъ нашего близкаго присутствія и не обращаютъ никакого вниманья на то, что дѣлается впереди ихъ, занятые больше разсматриваніемъ своихъ собственныхъ сапогъ, чѣмъ наблюденіемъ за лѣсомъ или, можетъ быть, они слишкомъ погрузились въ свои думы.

Передній развѣдчикъ легъ на землю, всѣ остальные послѣдовали его примѣру. Передній медленно поползъ на животъ, осторожно перекладывая свою винтовку. Онъ взялъ направленіе посрединѣ между обоими часовыми, временами останавливаясь, чтобы перевести дыханіе. Мы, всѣ остальные, какъ автоматы, до мельчайшихъ подробностей, подражали всѣмъ движеніямъ передняго старшаго развѣдчика. Время, какъ будто, остановилось, казалось, что мы полземъ безконечно. Цѣпь передовыхъ постовъ осталась сзади. Теперь не налетѣтъ только на полевой карауль. Передній развѣдчикъ всталъ на ноги, мы поднялись тоже.

Батарея, на которую мы охотимся, стрѣляетъ, звукъ выстрѣла совсѣмъ близко. Неужели она стоитъ гдѣ нибудь въ лѣсу, на полянѣ? Не можетъ быть, — здѣсь въ лѣсу могутъ стрѣлять только гаубицы, а батарея безусловно, пушечная. Мы продвигаемся дальше уже на ногахъ, но, по прежнему, соблюдая крайнюю осторожность. Н. А. Тиличевъ выбираетъ большое дерево и поднимается на него. Вотъ онъ уже въ са-

мой вершукъ. Онъ знаками даетъ знать, что ничего не видно и опускается обратно.

Лѣсъ начинается рѣдѣть. . . Батарея стрѣляетъ. . . Мы опять ложимся на землю и полземъ. Мы подползаемъ къ опушкѣ: передъ нами, саженьяхъ въ пятидесяти, открываются пѣхотные окопы противника. За ними стоитъ батарея. Ее не видно, — она укрыта, но легкой дымокъ, послѣ выстрѣловъ, указываетъ ея позицію.

Я раскладываю карту окрестностей Перемышля и наношу на нее, все видимое намъ, боевое расположе- ние непріятели. Долго вожусь, чтобы отмѣтить бата- рею какъ можно точнѣе, и мы пускаемся въ обрат- ный путь.

Такъ-же медленно и осторожно идемъ, затѣмъ ло- жимся, опять сердце усиленно бьется, когда мы пол- земъ черезъ австрійскую сторожевую цѣпь и, нако- нецъ, мы поднимаемся на ноги. Теперь намъ не страш- но, — задача выполнена. Мы идемъ, придерживаясь опушки и не гуськомъ, а кучкой и даже разговари- ваемъ.

Мы ясно видимъ, какъ къ нашимъ окопамъ, по- лемъ, пробираются два австрійца. Въ рукахъ у нихъ винтовки. Оба они сильно согнулись, втянувъ головы въ плечи. Зачѣмъ они это дѣлаютъ? Непонятно.

Въ окопахъ ихъ замѣтили и часовой выстрѣлилъ. Австрійцы поворачиваются и, въ полъ оборота, бѣгутъ къ лѣсу, какъ разъ въ нашу сторону.

Старшій развѣдчикъ опускается на колѣно. . . Выстрѣлъ. . . Передній австріецъ, какъ подстрѣлен- ный заяцъ, черезъ голову, падаетъ на землю.

Два выстрѣла сразу. . . Задній валится бокомъ, какъ брошенный кулъ.

Развѣдчики щелкаютъ затворами винтовокъ. Стрѣ- лянныя гильзы выскакиваютъ и падаютъ на землю.

Грязные, измокшіе, мы вернулись домой.

— 6-я батарея къ бою !

Гранаты, со свистомъ, разсѣкаютъ воздухъ и па-

даютъ за лѣсомъ. Мы не видимъ гдѣ, и только отзвуки ихъ разрывовъ докатываются до насъ.

Австрійская батарея перестала стрѣлять и съ этого времени совершенно оставила въ покоѣ нашу пѣхоту.

Нанесъ ли огонь 6-й батареей ей какія нибудь поврежденія? Я сомнѣваюсь въ этомъ, такъ какъ стрѣльба по картѣ, по такой мелкой цѣли, крайне не вѣрна. Вѣрнѣе всего, что нашъ огонь ихъ только сильно напугалъ. Ужъ очень пугливы эти австрійцы.

*
* *

Тревожно гудитъ надъ самымъ ухомъ гудокъ полевого телефона. Я его слышу, но, спросонья, сразу ничего не могу сообразить. Вчера я поздно легъ и вотъ, чуть начало свѣтать, меня уже будятъ.

— В. В., австрійцы наступаютъ! . . Скорѣй! .
В. В., скорѣй! . .

Какъ встрепанный я соскакиваю со своей походной кровати. Мнѣ некогда уже одѣваться и я бѣгу на пунктъ, схвативъ въ охапку свою одежду. Я бѣгу мимо батареи, — всѣ люди уже на мѣстахъ.

Мелкой, жесткой дробью работаютъ винтовки и пулеметы. Австрійская шрапнель рвется у насъ въ окопахъ, ихъ тяжелыя бомбы роютъ землю и засыпаютъ ею и горячими осколками нашу пѣхоту.

Вся поляна, отъ лѣса и почти до самыхъ нашихъ окоповъ, усѣяна лежащими цѣплями австрійцевъ.

Вылазка! . .

Наша пѣхота волнуется: — 6-я батарея огонь, скорѣе огонь!

Мнѣ кажется, что я ничего не успѣю сдѣлать, — австрійцы подошли уже слишкомъ близко: еще одинъ, два прыжка и они будутъ въ нашихъ окопахъ. Странно, что они лежатъ какъ мертвые и какъ будто не собираются подняться.

Я прижался грудью къ выемкѣ въ брустверѣ и,

съ тревогой наблюдаю въ бинокль такъ внезапно развернувшуюся передъ глазами картину.

— Правое огонь! . .

Шрапнель, перелетѣвъ черезъ цѣпи австрійцевъ, рвется въ опушкѣ лѣса.

Ружейныя пули свищутъ въ воздухѣ по всѣмъ направленіямъ. перелетаютъ черезъ мой окопъ, сбиваютъ вѣтки кустовъ и рѣжутъ хвою деревьевъ.

Я уменьшаю прицѣль.

— Правое огонь! . .

Разрывъ относитъ въ сторону градусовъ на тридцать.

Что такое? . . На батарее грубая ошибка въ такой моментъ? Не можетъ этого быть: орудіе уже сѣло крѣпко въ землю и направленія не измѣнить.

Я срываюсь съ своего мѣста и, въ этотъ моментъ, ружейная пуля чертитъ линію по землѣ какъ разъ посрединѣ выемки бруствера, гдѣ, за моментъ передъ этимъ, была моя грудь, влетаетъ мимо моего бока въ окопъ и расщепляетъ прикладъ у лежащаго карабина.

Второе предупрежденіе?

— Огонь! . .

Шрапнель покрываетъ задніе ряды лежащихъ австрійцевъ въ прежнемъ, вѣрномъ направленіи. Всѣ же остальные ихъ лежащія цѣпи находятся въ мертвомъ пространствѣ, въ безопасности отъ огня 6-й батареи.

Господинъ капитанъ, пули свищутъ по батарее сзади, что дѣлать?

— Слѣдить за тыломъ. Въ случаѣ атаки повернуть орудія кругомъ и бить на картечь.

Правый взводъ перемѣщенъ назадъ, за лѣсъ и, благодаря находчивости въ этотъ трудный моментъ старшаго офицера штабсъ-капитана А. Р. Яковлева, мертвое пространство срѣзано на половину. Шрапнель 6-й батареи бьетъ уже по полянѣ, по недвижимо лежащимъ цѣпямъ противника. Шесть орудій уничтожаютъ его резервы въ опушкѣ лѣса. Облакомъ дыма отъ

разрывовъ снарядовъ заволокло, какъ пеленой, картину боя.

Острый моментъ впереди прошелъ, теперь опасность сзади.

2-я полубатарея скрывается за лѣсомъ и, вскорѣ, мы уже слышимъ раскаты ея бѣглаго огня. Тамъ А. Р. Яковлевъ смѣшалъ бѣлый дымъ разрывовъ 6-й батареи съ розовымъ, изъ плѣнныхъ австрійскихъ орудій, возродившейся, послѣ 150 лѣтняго перерыва, артиллеріи Уральскаго Казачьяго Войска.

Надъ правымъ взводомъ, стоящимъ сзади лѣса, лопнула австрійская шрапнель. Пули взрыли землю за взводомъ. Вторая, третья шрапнель. . . Взводъ разбѣжался, бросивъ на позиціи свои два орудія. Испуганный, растерянный командиръ взвода, поручикъ К. не знаетъ, что ему дѣлать.

— Собрать людей къ орудіямъ во что бы то ни стало!

Бѣгу на взводъ. Люди собраны, сконфужены, смотрять изподлобья.

— Поставлю взводъ на то мѣсто, гдѣ пули бьютъ, во главѣ съ командиромъ взвода!

Угрозы не пришлось привести въ исполненіе: обстрѣлъ взвода прекратился.

Вечерѣть. Орудійный гулъ смолкаетъ. Понемногу затихаетъ и ружейная перестрѣлка. Тихая ночь пришла на смѣну бурному дню и тишина постепенно проникаетъ въ уставшую грудь.

Мы цѣлый день ничего не ѣли и, молча и сосредоточенно, утоляемъ внезапно проявившійся голодь. О событіяхъ дня никто не говоритъ, всѣ какъ бы даже избѣгаютъ говорить о только что минувшемъ боѣ. Хочется отдыха. . . Лечь уснуть. Но спать нельзя, — опасность еще не миновала и, чтобы разогнать сонъ, мы вспоминаемъ домъ, уютъ мирной жизни и всѣ въ концѣ концовъ, приходимъ къ одному и тому же выводу: какъ мы были глупы, совершенно не цѣня, въ

свое время, нашу прошедшую, спокойную мирную жизнь.

На окончательную ликвидацію австрійской вылазки, чтобы загнать ихъ на ихъ прежнія позиціи, понадобилось еще нѣсколько дней. Это была отчаянная попытка гарнизона крѣпости соединиться съ арміей, дѣйствующей въ Карпатахъ. Началась она 26-го ноября и закончилась 3-го декабря 1914-го года.

*
* *

— Знаете что, капитанъ? говоритъ мнѣ командиръ 4-го полка, — однако вы навалили несчастныхъ австрійцевъ своею шрапнелью, во время послѣдней вылазки. Я никакъ не ожидалъ такого страшнаго пораженія: вся опушка лѣса, да и самый лѣсъ, полны трупами. Кучами лежатъ мертвые. Теперь уже австрійцы ихъ убрали, — похоронили тамъ же въ лѣсу. Вы бы пошли посмотрѣть.

Меня интересуетъ вопросъ насколько пострадалъ самый лѣсъ отъ обстрѣла 6-й батареи. Что-же касается убитыхъ въ бою австрійцевъ, то любоваться дѣлами своихъ рукъ, въ этомъ случаѣ, у меня совершенно нѣтъ никакой охоты. Но убитые уже зарыты въ землю, какъ говоритъ командиръ полка и поэтому я рѣшаюсь пройти на это злосчастное мѣсто и, взявъ съ собой Н. А. Тиличьева и трехъ развѣдчиковъ, я отправился.

Мы прошли поляну и углубились въ лѣсъ. Онъ не очень пострадалъ. Надо думать это потому, что 6-я батарея стрѣляла исключительно шрапнелью. Очень много наломано вѣтокъ, есть нѣсколько, снесенныхъ снарядами, деревьевъ, въ стволѣ одной крупной пихты застрялъ шрапнельный стаканъ.

Мы прошли дальше вглубь лѣса и наткнулись на свѣжія могилы убитыхъ австрійцевъ. Ихъ немного этихъ могилъ: десять, двѣнадцать штукъ и въ каждой похоронено тоже десять-двѣнадцать человекъ. Въ го

ловахъ могилъ стоятъ деревянныя кресты съ прибитыми къ нимъ дощечками, на которыхъ написаны имена и фамиліи похороненныхъ въ нихъ австрійскихъ солдатъ. На одной дощечкѣ, послѣ десяти именъ, сдѣлана приписка: «и одинъ москаль». Какъ сюда попалъ этотъ русскій мертвецъ? По всей вѣроятности это «снятый» австрійцами передъ атакой зазѣвавшійся нашъ часовой. На крестахъ висятъ кэпи убитыхъ, но не по счету зарытыхъ труповъ.

— Что-же командиръ 4-го полка говорилъ про «страшное пораженіе»?

Мы повернули обратно и вышли къ густому кустарнику, которымъ начинается лѣсъ. Сильный трупный запахъ заставилъ насъ остановиться. Мы стали вглядываться въ кусты и ужасъ началъ сковывать наши члены: кустарникъ былъ буквально заваленъ небранными, уже разлагающимися трупами. Мы бросились въ сторону и чуть ли не бѣгомъ вернулись обратно въ батарею.

*
* *

Разрывными пулями стрѣляютъ австрійцы. Ужасныя раненія.

— Вы не можете себѣ представить какія мученія переносятъ люди, раненные этими разрывными пулями, — говоритъ мнѣ одинъ изъ пѣхотныхъ офицеровъ. — Немудрено, что въ такихъ бояхъ наши солдаты звѣрѣютъ и не берутъ плѣнныхъ, а прикалываютъ каждаго, кто попадается имъ въ руки, съ оружіемъ онъ или безъ оружія.

Начальникъ сектора отправилъ одного изъ плѣнныхъ австрійскихъ солдатъ назадъ въ крѣпость къ генералу Кусманику, съ письмомъ, въ которомъ предупреждаетъ его, что если у насъ хоть одинъ человѣкъ будетъ раненъ разрывной пулей, то все, взятое въ бояхъ въ плѣнъ австрійцы будутъ разстрѣливать. Угроза подѣйствовала: стрѣльба разрывными пулями, со стороны австрійцевъ, прекратилась совершенно.

Послѣ неудачной попытки австрійцевъ прорвать блокаду, сразу появились на нашихъ линіяхъ перебѣщики, сначала рѣдкіе, одиночные, а затѣмъ это явленіе пріобрѣло массовый характеръ.

Перебѣгали, главнымъ образомъ, русины, но попадались между перебѣщиками солдаты и другихъ національностей: сербы, поляки, румыны. Не было только мадьяръ и австрійскихъ нѣмцевъ, по крайней мѣрѣ я о таковыхъ не слышалъ. Среди перебѣщиковъ, къ чести австрійской арміи, не было офицеровъ, хотя утверждать я этого не могу.

Обыкновенно перебѣщики приходили съ вечера, всю ночь. Наша пѣхотные солдаты, очень добродушно относившіеся къ перебѣщикамъ, съ вечера обыкновенно говорили:

— Ну, сейчасъ поползутъ. Онъ, В. В., какъ только влѣзетъ къ намъ въ окопъ, первымъ дѣломъ руку всѣмъ тянетъ, — здоровкается, а затѣмъ ждетъ, что ему хлѣба дадутъ. Видно хлѣба то у нихъ не очень густо въ крѣпости. Насчетъ чего другого съѣстного, такъ этого много, а хлѣба нѣтъ. Даютъ имъ галеты ихніе и то понемногу, да что толку съ ихнихъ галетъ? Супротивъ нашего ржаного сухаря—никуда.

Бѣгутъ большей частью солдаты пѣхотныхъ полковъ, изрѣдка, развѣ, попадется артиллеристъ, а о кавалеристахъ перебѣщикахъ я не слышалъ. Впрочемъ, въ гарнизонѣ крѣпости, насколько мнѣ было извѣстно, застрявшіе тамъ кавалеристы, — всѣ мадьяры.

О мадьярахъ перебѣщики всегда говорили съ явнымъ недоброжелательствомъ, даже со злобой. Мадьяръ лучше кормили, лучше одѣвали и лучше съ ними обращались. Кромѣ того мадьярскія части въ горнизонѣ крѣпости исполняли еще какъ бы обязанности жандармеріи.

О своихъ офицерахъ перебѣщики всегда говорили тоже съ недоброжелательствомъ. Видимо между офице-

рами и солдатами не было ни спайки, ни связи. Это обстоятельство будетъ тоже понятно, если принять во вниманіе, что въ австрійскихъ частяхъ, набранныхъ изъ людей одной опредѣленной національности, офицеры, очень часто, были другой національности. Такимъ образомъ, кромѣ чисто официальныхъ отношеній между офицерами и солдатами, другихъ и не могло быть, какъ между людьми совершенно чуждыми другъ другу по обычаямъ, вкусамъ, привычкамъ, наклонностямъ, и даже вѣрѣ. Что касается мадьяръ, то это дѣйствительно, были прекрасныя, упорныя воинскія части, съ которыми справиться было не легко. Мадьяры, находясь даже въ безвыходномъ положеніи, предпочитали умереть, а не сдаваться въ плѣнъ. Въ этихъ частяхъ офицеры были свои-же мадьяры, что еще усиливало ихъ боевыя качества.

Однажды я шель лѣсной дорожкой на свой наблюдательный пунктъ, безъ всякаго оружія, имѣя лишь черезъ плечо, въ футлярѣ, бинокль. Внезапно, изъ лѣсной чащи, какъ изъ земли, передо мной выросло пять австрійскихъ солдатъ, съ винтовками въ рукахъ. Отъ неожиданности я сразу оторопѣлъ. Я былъ увѣренъ, что нахожусь передъ австрійскими развѣдчиками, проникшими однимъ имъ извѣстными переходами, въ нашъ тылъ, что было вполне правдоподобно. Я остановился и, конечно, растерялся. По всей вѣроятности мое состояніе и мой испуганный видъ сразу стали имъ понятны, потому что, одинъ изъ нихъ, поспѣшилъ сейчасъ-же разсѣять происшедшее недоразумѣніе:

— Извините, господинъ офицеръ, мы пришли сдаваться въ плѣнъ.

— Какъ же вы прошли незамѣченными черезъ наши пѣхотныя линіи?

— Да тутъ есть много разныхъ переходовъ. Вы ихъ не знаете, а мы знаемъ.

Вотъ тутъ и дѣлай, что хочешь. Надо быть край-

не осторожнымъ въ горахъ и не полагаются исключительно на впереди сидящую пѣхоту.

*
**

Вдвоемъ съ наблюдателемъ, въ наблюдательномъ ровикѣ, мы разсматриваемъ австрійскія позиціи.

— В. В., кто это тамъ кустами какъ будто хоронится?

— Гдѣ?

— Да вонъ, у самой нашей батареи. . . Стоитъ и смотритъ. . . Во, опять пошелъ... Сюда идетъ... В. В., сидите смирно. И все кустами... Чего бы ему надо было?.. Коль простой человекъ, скажемъ крестьянинъ, чего ему все кустами? Шелъ бы прямо.

Разсужденія моего наблюдателя Курилова основательны. Я тоже вижу пробирающуюся густымъ кустарникомъ какую-то темную фигуру. Конечно, это не солдатъ. — тому прятаться нечего.

Темная фигура все ближе подвигается къ намъ и, наконецъ, совершенно неожиданно для себя, натывается вплотную, на нашъ окопъ, спрятанный въ кустахъ. Сильный испугъ сейчасъ же отразился на его лицѣ. Изъ насъ еще никто не сказалъ ему ни слова, а онъ уже упалъ мнѣ въ ноги.

— Ты кто такой?

— Хлопъ, паночку, хлопъ. Я шелъ на свое поле поискать картошекъ, може гдѣ ще застались.

— Гдѣ же твое поле?

— Да вонъ тамъ, — и крестьянинъ неопредѣленно показываетъ рукой куда-то внизъ, подъ обрывъ.

— Почему же ты не шелъ дорогой, а прятался все время кустами? И какъ ты попадешь отсюда на свое поле? Прыгать будешь съ обрыва? Такъ?

Крестьянинъ началъ сейчасъ же усиленно божиться и креститься, порываясь все время цѣловать мои руки. При этомъ онъ бормоталъ такъ много и такъ быстро, что разобрать, что онъ говоритъ на своемъ русинскомъ нарѣчьи, мы никакъ не могли.

Я вызвалъ конвой, написалъ донесеніе и отправилъ его къ нач. боевого участка, — командиру 3-го полка. Возвратившіеся конвоиры доложили мнѣ, что у командира 3-го полка разыгралась та-же сцена, что и здѣсь на пунктѣ. Командиръ полка полковникъ Сухачевскій повѣрилъ ему, пожалѣлъ и отпустилъ его.

*
* *

Прошло два дня. Орудія первой полубатареи стояли на старой позиціи, на полянѣ, впереди лѣса. Вторая полубатарея осталась, послѣ боя, на мѣстѣ, черезъ оврагъ, у деревни Грушево.

Позиція впереди лѣса еще ни разу непріателемъ не обстрѣливалась, даже не было на ней ни одного случайнаго разрыва австрійскаго снаряда.

Сидя въ своей лѣсной избушкѣ, я чѣмъ то былъ занятъ, люди отдыхали въ своихъ землянкахъ.

Страшный взрывъ потрясъ воздухъ. Земля вздрогнула, какъ при землетрясеніи. Я выскочилъ наружу и остолбенѣлъ: въ воздухѣ происходило что-то непонятное. — черный столбъ стоялъ надъ позиціей батареи, молніи пересѣкали его въ разныхъ направленіяхъ и сверху сыпался какой-то дождь изъ земли, камня, и дерева. Все это сопровождалось воемъ, свистомъ и шипѣніемъ.

На позиціи 6-й батареи рвались 12-ти дюймовыя непріятельскія бомбы.

Всѣмъ моимъ организмомъ сразу овладѣло какое-то гнетущее состояніе, какая-то придавленность. Какая-то обида сжала сердце и я вдругъ почувствовалъ себя безконечно маленькимъ, слабымъ и ничтожнымъ передъ величіемъ развернувшейся передъ моими глазами стихіи.

Въ офицерскую избушку несли раненыхъ. Ихъ было три человекъ: двое тяжело раненыхъ и одинъ легко. Канониру Сидорину полупудовымъ осколкомъ разрѣзало вдоль, до кости, всю ногу. Какъ казачій лампасъ шла рана. Онъ дрожалъ и жаловался, что

ему холодно. Я укуталъ его своимъ полушубкомъ и онъ, временно, успокоился. Старшему фейерверкеру Куварину разорвало руки отъ локтя до плеча. Канониръ, доброволецъ Соколовъ, отказался быть отправленнымъ въ госпиталь. У него на ляшкѣ осколкомъ вырвало кусокъ мускула и послѣ перевязки онъ остался въ батареѣ.

Въ оврагѣ, на коновязи, оказалась убитой лошадь. Сила взрывовъ была такъ велика, что на людяхъ, сидѣвшихъ въ землянкахъ, полопались полушубки: какъ будто острымъ ножомъ порѣзали ихъ на такія длинныя полосы. Орудія не пострадали совершенно, что объясняется тѣмъ, что при взрывахъ снарядовъ очень крупныхъ калибровъ, почти все осколки сразу выносятся вверхъ и уже на большой высотѣ они разлетаются въ стороны. Очень опасно, конечно, только очень близкое попаданіе снарядовъ.

Всадникъ спустился на дно одной изъ воронокъ. Онъ вытянулъ вверхъ руку и только тогда концы его пальцевъ оказались на уровнѣ поляны.

Въ тотъ же день, къ вечеру, я перевелъ 1-ю полубатарею на новую позицію, за лѣсъ, гдѣ стоялъ первый взводъ во время вылазки, и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ, начиная съ этого дня, старая позиція батареи ежедневно стала подвергаться артиллерійскому обстрѣлу изъ крѣпости снарядами всевозможныхъ калибровъ, хотя 12-ти дюймовыхъ бомбъ уже не было.

На слѣдующій день послѣ этого событія, тоже совершенно неожиданно, я подвергся обстрѣлу на своемъ наблюдательномъ пунктѣ. Нѣсколько часовъ подрядъ я, со своимъ наблюдателемъ и телефонистомъ, не могъ выйти изъ окопа. Австрійскія гранаты изрыли землю кругомъ окопа, но въ самый окопъ не попала ни одна и только осколки свистѣли и выли на разные голоса, перелетая надъ окопомъ, надъ нашими пригнувшимися головами.

Вечеромъ я перевелъ свой наблюдательный пунктъ.

на новое мѣсто, нѣсколько выше по тому-же обрыву, на мѣсто, тоже укрытое кустами.

— Вотъ, что надѣлалъ намъ шпионъ проклятый, В. В., и какъ это командиръ 3-го полка не понялъ, что онъ шпионъ, этотъ русинъ? Отпустилъ подлеца, а вѣдь ясно все было, безъ всякихъ сумлѣній, — никакъ послѣ этого случая не могъ успокоиться наблюдатель Куриловъ.

*
* *

Австрійскій шпионажъ подъ Перемышлемъ былъ развитъ очень сильно: подозрительныя личности шныряли всюду. Очень часто онѣ задерживались нашими частями, но въ большинствѣ случаевъ, не имѣя достаточно уликъ противъ задержанныхъ, ихъ выпускали на свободу.

Въ 6-й батарее произошелъ еще одинъ случай, окончившійся тоже освобожденіемъ задержаннаго.

На позиціи 2-й полубатареи у деревни Грушево, какой-то рваный субъектъ подошелъ къ сторожу у орудій и пробовалъ вступить съ нимъ въ разговоръ, освѣдомляясь о номерѣ батареи, кто командуетъ, сколько въ батарее офицеровъ и гдѣ офицеры живутъ? Онъ былъ задержанъ и отправленъ опять къ начальнику боевого участка, откуда, послѣ короткаго вопроса, былъ, за отсутствіемъ достаточныхъ уликъ, освобожденъ.

Въ штабѣ дивизіи, расположенномъ въ одной изъ прилегающихъ усадебъ, была обнаружена почтово-голубиная станція, причемъ хозяинъ усадьбы, съумѣвшій даже войти въ довѣріе къ чинамъ штаба и къ самому начальнику дивизіи, былъ уличенъ въ шпионажъ въ пользу австрійцевъ и разстрѣлянъ. Выдалъ его нашъ солдатъ 1-го полка, нѣмецъ колонистъ, вошедшій съ нимъ въ связь и заманившій его въ ловушку, гдѣ онъ и былъ накрытъ съ поличнымъ.

* *
*

Позиція на высотѣ 486 потеряла свое значеніе. Надо было думать о другой, болѣе соотвѣтствующей наступившему боевому періоду.

Наша пѣхота, оставаясь у подножья высоты 486 на мѣстѣ, какъ на оси, загибала лѣвымъ плечомъ, тѣсна австрійцевъ, постепенно прижимая ихъ къ самой крѣпости и, такимъ образомъ, уменьшая радіусъ обложенія на нашемъ секторѣ.

Надо было помочь нашей пѣхотѣ въ выполненіи ея задачи и перенести позицію батареи влѣво, тѣмъ болѣе, что на перегибѣ высоты 486 и сосѣдней съ нею, стала 5-я батарея. Необходимо было такъ-же соединить обѣ полубатареи и, поэтому, съ разрѣшенія генерала Гандурина, я перевелъ 1-ю полубатарею ко 2-й, впереди деревни Грушево, несмотря на то, что и эта позиція, послѣ отраженія послѣдней вылазки, не только потеряла свое значеніе, но оказалась даже въ тылу.

Генералъ Гандуринъ, поставивъ въ тотъ же день батарею, сказалъ:

— Ну и отлично, пусть 6-я батарея немного отдохнетъ, не спѣшитъ съ переѣздомъ впередъ.

Пріѣхалъ командующій дивизіономъ подполковникъ Поповъ.

— Какая это позиція? Это резервъ.

— Да, конечно, резервъ.

— Такъ что же вы поставили сюда батарею?

— Только для отдыха, по приказанію генерала Гандурина.

Командующій дивизіономъ остался недоволенъ и сейчасъ-же уѣхалъ.

Люди размѣстились по избамъ, устроили курную баню и, въ первый разъ за все время военныхъ операцій, основательно вымылись и какъ разъ вовремя: на людяхъ начали появляться насѣкомыя.

* * *

Старшій офицеръ А. Р. Яковлевъ заболѣлъ и служба въ строю стала для него слишкомъ тяжелой. Какъ разъ освободилась вакансія командира 2-го парка и, по моему ходатайству, онъ былъ назначенъ на эту должность.

Почти одновременно съ нимъ ушелъ изъ батареи, тоже въ паркъ, другой офицеръ, прапорщикъ Никольскій, пожилой человѣкъ, офицеръ мало пригодный для службы въ строю. Прапорщикъ Соколовскій, для уравненія офицеровъ, былъ переведенъ въ 4-ю батарею.

* * *

— В. В., разрѣшите доложить: у насъ въ батареѣ бѣда случилась, — заявилъ мнѣ, во время утренняго доклада, фельдфебель.

— Что случилось?

— Чинаръ заболѣлъ.

— Ну?

— Валится все. . . Никакъ на ногахъ не стоитъ. И съ чего бы это случилось, ума не приложу? Вечеромъ совсѣмъ здоровая лошадь была. Веселый такой, всю дачку овса съѣлъ, хоть бы что.

— Когда же онъ заболѣлъ?

— Да вотъ передъ утромъ. Дневальный Младенцевъ сказывалъ, что ночью ничего не примѣтилъ. За докторомъ я уже послалъ.

Я иду къ конюшнямъ, построеннымъ въ старомъ лѣсу. Толстые стволы пихтъ, снизу оголенные топоромъ отъ вѣтвей, служатъ столбами, подпорками для навѣсовъ, покрытыхъ пихтовой хвоей. Плетни изъ этихъ же пихтовыхъ вѣтокъ защищаютъ конюшни отъ вѣтра и снѣга.

Докладъ фельдфебеля о болѣзни Чинара смутилъ меня сильно: Чинаръ самая цѣнная лошадь во всей батарее. Громадный, грузный какъ слонъ, тяжеловозъ, темно-чалой масти, Чинаръ, наполненную верхомъ ме-

талическимъ грузомъ, телефонную двуколку, возилъ одинъ, по всякой дорогѣ, какъ перышко. Потерять такую лошадь мнѣ очень не хотѣлось.

На конюшнѣ я столкнулся съ нашимъ ветеринарнымъ врачомъ.

— Параличъ зада. Пристрѣлить, чтобы не мучился даромъ.

— Погодите, докторъ. Хорошо вамъ говорить «пристрѣлить».

— Ну, а чего же вамъ еще ждатель? Маленькій, что-ли вы? Сами посмотрите, если не вѣрите. Тутъ двухъ мнѣнй быть не можетъ.

Конечно, докторъ правъ: тутъ ошибки быть не можетъ, самъ вижу, но все же цѣпляясь за соломинку, посылаю за ветеринарными врачами въ другія части. Увы, — общій приговоръ тотъ-же.

— Чинара пристрѣлить, — отдаю приказаніе фельдфебелю.

— Слушаю.

Цѣлый день мнѣ не даетъ покоя потеря Чинара: ужъ больно хороша была лошадь. Такую лошадь и не оцѣнишь деньгами. Я нарочно избѣгаю встрѣчи съ фельдфебелемъ, но, къ вечеру, все-же не могъ отъ него отвертѣться. Смотрю физиономія фельдфебеля сіяетъ словно луна.

— Ты чего такъ обрадовался? Чинара пристрѣлили?

— Никакъ нѣтъ.

— Это еще почему?

— Такъ что здоровъ.

— Кто?

— Да Чинаръ, В. В.. Какъ вы всѣ разошлись, такъ я немедля въ обозъ послалъ за Болотовымъ. Болотовъ вылѣчилъ.

— Какъ онъ его лѣчилъ?

— Не могу знать. Онъ не любитъ, когда смотрять какъ онъ лѣчитъ. А такъ что, разрѣшите доложить, знахарь важный. У насъ, во всемъ нашемъ Костром-

скомъ уѣздѣ, онъ самый главный былъ завсегда знахарь. Большой онъ человекъ. Когда куда придетъ бывало по дѣлу, то всякъ передъ нимъ шапку ломаетъ, потому очень ужъ нужный человекъ Болотовъ.

Я сейчасъ же отправился на конюшню, Чинарь стоялъ совершенно здоровый, на своемъ мѣстѣ и, спокойно и весело, ѣлъ свою вечернюю дачку овса. Больше онъ никогда не болѣлъ.

* * *

Къ Рождеству 1914-го года батарея опять перемѣнила позицію. Я выдвинулъ ее нѣсколько впередъ и влѣво въ кусты.

Въ ночь подъ новый годъ была получена телефонограмма, извѣщающая, что ожидается частичная вылазка австрійцевъ, съ цѣлью внезапнаго захвата нашихъ батарей.

Событіе, конечно, маловѣроятное но, благодаря этому извѣщенію, вмѣсто встрѣчи Новаго Года мы всю ночь провели у орудій, злые, усталые, поминая все время недобрымъ словомъ того, кто развелъ эту суматоху.

Новая позиція оказалась неудовлетворительной. Черезъ нѣсколько сутокъ пришлось ее бросить, несмотря на тотъ трудъ, который былъ положенъ на ея оборудованіе.

Въ туманный, хмурый день батарея стала на пятую свою позицію, въ низинѣ, у лѣса.

Холодно. Вѣтеръ пронизываетъ насквозь, шинели отсырѣли. Люди грѣются у костровъ, разложенныхъ, въ наскоро построенныхъ изъ пихтовыхъ вѣтокъ, шалашахъ. Это временныя жилища батарей, взамѣнъ землянокъ, которыя еще надо рыть. Орудія пока брошены на позиціи, какъ попало. Лошади понуро стоятъ на коновязи, въ лѣсу.

Влѣво, на небольшой высотѣ, старая полуразвалившаяся пѣхотная землянка, которую я приспособляю для своего собственнаго жилища. Надъ землян-

кой, на самой вершинѣ высоты, временный наблюдательный пунктъ, на которомъ одиноко торчитъ мокрая, съ потускнѣвшими стеклами, труба Цейса.

Гудитъ полевой телефонъ: начальникъ дивизіи спрашиваетъ могу ли я принять у себя въ батареѣ корреспондента одной изъ крупныхъ столичныхъ газетъ?

— Конечно, пожалуйста.

Я принимаю корреспондента въ землянкѣ. Онъ пріѣхалъ верхомъ, вооруженный, какъ у насъ говорили «до зубовъ». Солдаты смѣются:

Ишь пріѣхалъ воитель какой. Ни дать ни взять, — самъ Георгій Побѣдоносецъ.

— Ужасная погода, не правда-ли?

— Да. Вы очень неудачно пріѣхали: во первыхъ, сегодня ничего не видно, а, во вторыхъ, мы только что перемѣнили позиціи и вы, по моей батарее, даже не составите себѣ понятія объ артиллерійскихъ позиціяхъ подъ Перемышлемъ.

— Но все таки мнѣ ужасно хочется посмотреть австрійскія позиціи и ихъ защитниковъ.

— Боюсь, что я не смогу сегодня удовлетворить ваше, вполне понятное, желаніе. Кромѣ того, въ такую погоду, всѣ австрійцы сидятъ смирно въ своихъ землянкахъ.

— Ну, а все-таки, вы мнѣ покажете свой наблюдательный пунктъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Какъ ни старался мой гость увидѣть хотя бы очертанія австрійскихъ линій, такъ ему это и не удалось.

— Одно молоко, такъ сказать, — заявилъ онъ, въ концѣ концовъ, отрываясь отъ трубы Цейса.

— Къ сожалѣнію, да.

— Ну, покажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, свою батарею.

— Извольте.

Мы пошли въ батарею, обошли стоявшія въ без-

порядкѣ орудія, унылыхъ лошадей, заглянули въ шалаши. Гость видимо былъ сильно огорченъ.

— Давайте лучше чай пить, — предложилъ я, — все-таки чай въ землянкѣ, на боевыхъ позиціяхъ.

Онъ согласился. Чтобы хотя чѣмъ нибудь утѣшить его, я подарилъ ему на память о его посѣщеніи позиціи, осколокъ австрійской крѣпостной гранаты, оторванный вмѣстѣ съ ударной трубкой.

— Да, это оригинальное и красивое пресс-папье. Большое вамъ спасибо.

Разочарованный гость уѣхалъ.

Какъ я былъ удивленъ, когда, черезъ нѣкоторое время, съ почты, мнѣ принесли, адресованный на мое имя, свертокъ газетъ. Все одинъ и тотъ же номеръ. Странно, кому это въ голову пришла такая шутка? Наконецъ я понялъ въ чемъ дѣло, обративъ вниманье на фельетонъ, озаглавленный: «Подъ Перемышлемъ». Въ этомъ фельетонѣ мой гость описывалъ свое пребываніе подъ Перемышлемъ, на позиціи артиллерійской батареи:

Шель бой. Австрійскіе снаряды засыпали батарею дождемъ чугуна и свинца. Падаютъ раненые. Онъ — корреспондентъ, помогаетъ орудійной прислугѣ въ ея боевой работѣ у орудія и, къ вечеру, усталый, голодный, вмѣстѣ съ посланными ему судьбой случайными соратниками-артиллеристами, отдыхаетъ у пылающаго костра, въ простомъ шалашѣ изъ пихтовыхъ вѣтокъ.

*
* * *

Случайнымъ выстрѣломъ изъ орудія сбить австрійскій почтовый аэропланъ, вылетѣвшій изъ Перемышля.

Много писемъ, посылаемыхъ защитниками крѣпости своимъ роднымъ и знакомымъ. Представленія къ наградамъ, за боевыя отличія, офицеровъ гарнизона. Копіи приказовъ по гарнизону крѣпости генерала Кусманека и, наконецъ, донесеніе, которое касается обща-

го положенія осажденной крѣпости, состоянія войскъ, ихъ духа, боевой работы.

Генераль Кусманекъ жалуется, что гарнизонъ несетъ большія потери въ людяхъ и пишетъ дальше: «но больше всего мы терпимъ отъ огня русской полевой артиллеріи, которая съ завидной точностью поражаетъ насъ всюду, гдѣ мы только не показываемся».

Это подлинныя слова коменданта крѣпости Перемышль генерала Кусманека, взятая изъ точнаго перевода его донесенія.

Офицеры-артиллеристы воспрянули духомъ: и неприятель съумѣлъ оцѣнить уже нашу работу. Когда же ее оцѣнить, по достоинству, нашъ начальникъ дивизіи? Во всякомъ случаѣ это ему, въ дальнѣйшемъ, урокъ хорошій.

*
*
*

Три снаряда въ сутки^{*} на батарею, да еще требуютъ, чтобы были результаты, о которыхъ доносить.

Недурно поставленъ вопросъ обложенія перво-классной крѣпости, принимая еще во вниманіе, что вся артиллерія обложенія состоитъ изъ 3-хъ дюймовыхъ полевыхъ пушекъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, на нашемъ секторѣ, находящемся на пути соединенія крѣпости съ австрійской Карпатской арміей.

У насъ острятъ: гораздо экономнѣе было бы попробовать взять крѣпость по Іерихонскому способу, то-есть, вмѣсто пушекъ, завести трубы — можетъ быть форты сами бы рухнули.

*
*
*

— Голубчикъ, дорогой,^{*} помогите: каждый день 10—15 человекъ выбываетъ изъ баталіона убитыми и ранеными. Какая-то батарея бьетъ по окопамъ баталіона. Я вамъ даже укажу приблизительно мѣсто, гдѣ она стоитъ.

Все это мнѣ передаетъ по телефону командующій 1-мъ баталіономъ 1-го полка капитанъ Ерченко. Какъ отказать въ такой просьбѣ? Притворяюсь, что приказанія о трехъ снарядахъ еще не получилъ.

Австрійская батарея гаубичная. Позиція ея извѣстна въ точности, только ужъ очень прижалась она къ земляному валу. Какъ ее зацѣпить? Все равно, попробую хотя бы напугать, — австрійцы не любятъ этого.

6-я батарея къ бою! . .

Весь валъ искovyряли наши гранаты. Масса дыма и треска. Въмѣсто трехъ выпустилъ тридцать. Все-таки помогло: оставили австрійцы въ покоѣ нашу пѣхоту, но зато молніи засверкали съ тылу.

Сразу загудѣли все телефоны: — какая батарея стрѣляетъ вопреки только что отданному распоряженію? Почему не выполнено приказаніе? Немедленно отрѣшить командира батареи отъ командованія.

Мое донесеніе положило конецъ всеобщему волненію:

— Стрѣляла 6-я батарея. Непрiятельская гаубичная батарея, въ теченіи уже нѣсколькихъ сутокъ, безнаказанно избивала нашу пѣхоту. Три снарядами ничего не могъ сдѣлать.

Отрѣшенъ отъ командованія не былъ и только командующій бригадой передалъ мнѣ по телефону:

— Какъ вы меня огорчили. Я никакъ не думалъ, что это вы стрѣляли.

*
* *

Опять сопровождаю начальника штаба сектора въ его рекогносцировкѣ новыхъ позицій, на случай снятія осады крѣпости.

— Видите-ли, наши дѣла въ Карнатахъ, какъ будто, пошатнулись, — говоритъ мнѣ начальникъ штаба. Въ одинъ прекрасный день мы можемъ быть раздавленными съ двухъ сторонъ. Необходимо подготовиться, чтобы этого не случилось и, кромѣ того, на насъ тогда еще ляжетъ обязанность помочь выйти изъ тяжелаго положенія нашимъ отступающимъ подъ напоромъ прорвавшагося противника, нѣкоторымъ, дѣй-

ствующимъ въ Карпатахъ, частямъ. Онѣ на насъ должны будутъ опереться.

Эти слова начальника штаба, какъ громъ въ безоблачномъ небѣ. Досидѣлись. . . Неужели, дѣйствительно, придется снять осаду крѣпости?

Я намѣчаю рядъ, предполагаемыхъ на случай отступленія артиллерійскихъ позицій, а душу гложетъ тоска. Сколько трудовъ, сколько зря пролитой крови.

*
*
*

У дверей землянки стоитъ маленькая дѣвочка и плачущимъ голосомъ, что-то просить.

— Что тебѣ, дѣвочка?

— Хлиба. — растягиваетъ дѣвочка.

— Ну, войди въ землянку, отогрѣйся у печки, а тогда и хлѣба дамъ.

Дѣвочка нерѣшительно входитъ, улыбается, тянется къ горячей печкѣ и начинаетъ отогрѣвать свои красныя, зазябшія руки.

На видъ ей лѣтъ 6—7. Ноги въ рваныхъ громадныхъ башмакахъ, чулокъ нѣтъ, кожа на ногахъ сильно покраснѣла. Хорошенькая, бѣлокурая головка совсѣмъ не гармонируетъ съ кучей грязныхъ лохмотьевъ, которыми покрыто ея тѣло.

— Замерзла, дѣвочка?

— Зимно. . .

— Какъ тебя зовутъ?

— Маринка.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Не знаю.

Гдѣ же ты живешь?

— Тамъ, — и дѣвочка показала рукой въ направленіи сожженной деревни внизу, подъ горой.

Н. А. Тиличевъ принесъ свою теплую рубаху и теплые чулки и мы, втроемъ, съ моимъ деньщикомъ, стали обрѣзать Маринку въ новый костюмъ. Рукава

у рубахи подрѣзали и изъ нее получились, для дѣвочки, цѣлое платье. Чулки оказались, конечно, цѣсколько велики, но тѣмъ не менѣе, этой обновкой Маринка осталась очень довольна. Во всякомъ случаѣ, ея ноги не будутъ больше мерзнуть.

Маринка, съ аппетитомъ голоднаго волченка, уплетаетъ батарейныя щи и кашу, закусывая ржанымъ хлѣбомъ. Все это кажется ей необыкновенно вкуснымъ.

Долго, въ этотъ день, сидѣла у насъ дѣвочка, — не хотѣлось ей итти изъ теплой землянки въ непривѣтливый и холодный шалашъ изъ пихтовыхъ вѣтокъ. Она пила чай, съ наслажденіемъ сосала сахаръ, но всему бываетъ конецъ: надо итти домой, а то мать будетъ сердиться и Маринка, въ обновкахъ, нагруженная половиной каравая хлѣба, банкой мясныхъ консервовъ и плиткой шоколада, довольная, веселая, отправилась къ матери.

— Приходи завтра Маринка.

Она ничего не отвѣчаетъ, только улыбается.

На слѣдующій день Маринка, много смѣлѣе, входитъ въ землянку. Мы уже старыя знакомые и она насъ больше не боится. Смѣло тянетъ табуретку къ печкѣ и, потягиваясь, грѣется.

Маринка разговариваетъ мало, зато много ѣсть и съ большимъ удовольствіемъ. Видимо долго голодала дѣвочка. Всчеромъ она опять уходитъ и уноситъ съ собой полъ каравая хлѣба, банку консервовъ и шоколадъ.

Маринка стала нашей ежедневной гостьей и совершенно перестала стѣсняться.

— Кто тебѣ будетъ кормить, когда мы уйдемъ отсюда, бѣдная дѣвочка?

* *
*

Подъ крѣпостью Перемышлемъ полная тишина. Лишь изрѣдка доносится эхо отъ разрыва тяжелаго крѣпостного снаряда, должно быть, отъ скуки вы-

пущеннаго какимъ нибудь австрійскимъ лейтенантомъ, и снова все тихо.

Да и кому придетъ охота выльзать изъ теплой, уютной землянки въ такую гнилую, темную погоду, когда на десять шаговъ отъ тебя ничего уже не видно.

Туманъ окуталь своимъ молочно-бѣлымъ саваномъ всю природу. Мелкой садится пылью на сукно шинелей и постепенно насыщаетъ его холодной, противной влагой. Туманъ какъ будто даже проникаетъ въ поры кожи рукъ и лица, заставляетъ ихъ краснѣть и мерзнуть, сковываетъ пальцы, проникаетъ черезъ одежду и леденить тѣло.

Только ночью оживаютъ окопы: страшно, — врагъ подойдетъ, не успеешь и крикнуть.

Отъ безчисленныхъ бѣлыхъ ракетъ, рвущихся въ воздухъ надъ линіями противника, стоитъ блѣдный свѣтъ Петербургской бѣлой ночи.

У насъ нѣтъ ракетъ, да и нужды особой въ нихъ не ощущается: австрійцы вполне достаточно освѣщаютъ и себя, и насъ. У насъ всю ночь только гудятъ телефоны:

— Кармоница. . . Кармоница. . .

— Кармоница слушаетъ.

— Высота 374.

— Высота слушаетъ, что угодно?

— Да ничего, какъ у васъ тамъ?

— Благодаримъ, все хорошо. А у васъ?

— У насъ тоже.

Это все дежурные телефонисты переговариваются, чтобы разсѣять сонъ. Возьмешь въ руки телефонную трубку, приложишь къ уху и слушаешь солдатскіе разговоры. Все узнаешь, всѣ новости: «Солдатскій Вѣстникъ» дѣйствуетъ,

★
★

Гелиха. . . Высота господствующая надъ всѣми позиціями. Она сильно укрѣплена: ряды колючей перепутанной проволоки образуютъ, по склонамъ высоты

цѣлыя поля, постепенно спускаясь внизъ, окружаютъ ее широкимъ поясомъ. Между проволокой, въ изобиліи, разсыпаны острые шпы, съ тремя концами. Густыя засѣки изъ поваленныхъ деревьевъ закрываютъ выходы изъ проволоки. Заложены ряды фугасовъ, которые будутъ взорваны при первой попыткѣ атаки на высоту и разорвутъ, и разбросаютъ далеко въ стороны окровавленные куски тѣлъ атакующихъ. Гибзда крупныхъ крѣпостныхъ пулеметовъ размѣщены всюду по склонамъ и маскированы такъ, что сразу ихъ не увидишь. Сметутъ все, что не удержитъ проволока и засѣки и, наконецъ, цѣлый рядъ гаубичныхъ батарей, разныхъ калибровъ, прикрытыхъ земляными валами.

— Извѣщаю васъ, что въ очень скоромъ времени предполагается штурмъ Гелихи. Ваша батарея будетъ сопровождать пѣхоту въ ея наступленіи и атакѣ. Озаботьтесь заранѣе выясненіемъ всѣхъ, могущихъ возникнуть, вопросовъ и устраненіемъ препятствій при наступленіи. Генераль №.

Гелиху отъ насъ отдѣляетъ широкая полоса крупнаго лѣса, надъ которымъ, вдали, высится ея вершина. Нашей пѣхотѣ придется съ боемъ пройти черезъ лѣсъ, прежде чѣмъ она подойдетъ къ Гелихѣ.

Командиръ 1-го полка даетъ мнѣ 12 человекъ развѣдчиковъ. Къ нимъ присоединяю пять своихъ и прапорщика Тиличеева, всегда неотступно и всюду сопровождающаго меня и, съ этой командой, отправляюсь на рекогносцировку пути и, возможныхъ при наступленіи, позицій.

Мы продвигаемся впередъ цѣпью, которой руководитъ старшій развѣдчикъ. Идемъ осторожно, безъ разговоровъ, внимательно всматриваясь впередъ и въ стороны. Двигаемся медленно, осматриваемъ дорогу, намѣчая объѣзды.

Большая поляна въ лѣсу, покрытая кустами: удобное мѣсто для открытія огня на картечь, — единственный возможный способъ поддержки пѣхоты въ

лѣсу. Я увлекаюсь своей работой, люди осмѣлѣли, сбиваются въ кучки, начались въ полголоса разговоры. Все тихо кругомъ, никакихъ слѣдовъ непріятеля пока нѣтъ. Мы проходимъ поляну, вступаемъ опять въ высокій лѣсъ и сразу замираемъ: сильный трескъ и шумъ отъ бѣгущихъ ногъ нѣсколькихъ десятковъ людей. Мы, неожиданно, наткнулись на австрійскій полевой карауль. Шумъ затихъ, раздались ружейные залпы, направленные въ нашу сторону, но наугадъ, и пули, цѣлыми роями засвистѣли мимо насъ куда-то вправо.

— В. В., надо уходить: они сейчасъ насъ ловить будутъ, какъ только къ нимъ подойдетъ подмога.

Благоразумный совѣтъ старшаго развѣдчика надо было исполнить и, не окончивъ рекогносцировки, мы повернули обратно. Ружейные залпы австрійцевъ прекратились и мы ускорили шагъ. Вернулись мы безъ потерь и то слава Богу.

Почему австрійцы не перестрѣляли насъ вмѣсто того, чтобы отъ насъ убѣгать? Ихъ было больше, чѣмъ насъ и мы подходили тихо, не подозрѣвая ихъ близкаго присутствія. Австрійцы не могли заранѣе насъ не видѣть.

Атака Гелихи была отмѣнена по настоянію генерала Гандурина, какъ затѣя, въ данное время, совершенно не выполняемая.

* *
*

Наша пѣхота продвинулась впередъ и заняла послѣднія высоты передъ укрѣпленными линіями противника.

Батарейю тоже надо переставить ближе къ пѣхотѣ и, съ этой цѣлью, я ѣду на рекогносцировку новой позиціи.

Мы поднимаемся на высоту, покрытую крупнымъ лѣсомъ. Подъемъ довольно крутой, но наши верховья лошади берутъ его свободно. Мы достигаемъ вер-

шины и передъ нами открывается большая лѣсная поляна, съ пологимъ скатомъ въ сторону противника. Эта поляна, закрытая со всѣхъ сторонъ верхушками старыхъ, громадныхъ пихтъ, появилась настоящимъ сюрпризомъ.

Какой громадный обстрѣлъ.

Позиціи найдены, но какъ сюда вѣхаться? Надо обдумать этотъ вопросъ и все-таки вѣхаться.

Подвѣзжая къ батарее встрѣчаемъ командира дивизиона.

— Вы куда ѣздили?

— Искать новую позицію.

— Ну и что-же, нашли?

— Нашель.

— Покажите мнѣ ее.

— Поѣдемъ.

— Да, позиція хорошая, — проговорилъ полковникъ Поповъ, когда мы съ нимъ вѣхали на нее, — только, къ сожалѣнію, ее занять невозможно.

— Почему?

— Да какъ же вы сюда влѣзете?

— Какъ нибудь. Вѣдь влѣзали на 486 и потомъ, по нашему слѣду, даже дорогу проложили.

— Да, только разница большая: 486 или эта высота. Поищите-ка лучше другую.

На слѣдующій день вся батарея, вооруженная топорами, пилами, кирками и лопатами, отправилась, для проложенія дороги, на новую позицію. Дорогу повели неправильной линіей, зигзагомъ, сообразуясь съ расположеніемъ деревьевъ. Около десятка крупныхъ пихтъ пришлось срубить, распилить на части и убрать съ пути. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось дѣлать земельныя выемки, въ другихъ подсыпывать землю.

Два дня продолжалась работа, а на третій 6-я батарея заняла свою шестую и послѣднюю позицію подъ Перемышлемъ.

По гребню длинной, лѣсистой возвышенности око-

палась пѣхота 2-го и 3-го полковъ. Ихъ землянками изрыта вся высота. Внизу широкая долина, противоположный край которой (высота 433), занятъ австрійцами.

Австрійскія передовыя укрѣпленныя линіи открыты, а дальше за ними тянется лѣсъ, скрывающій ихъ тылъ отъ нашихъ взоровъ. Влѣво высота 501, самая вершина которой оставлена подъ лѣсомъ, на склонахъ же только торчатъ голые пни. Это центръ австрійскихъ позицій въ данномъ районѣ и на нее, главнымъ образомъ, обращены наши взоры.

Въ пѣхотномъ окопѣ, подъ высокой пихтой, я устанавливаю свой наблюдательный пунктъ, маскированный растущими кустами. Внизу, подъ возвышенностью, уцѣлѣвшая небольшая усадьба, въ одной изъ построекъ которой расположенъ штабъ 3-го полка. Я со своей командой развѣдчиковъ и телефонистовъ, занимаю флигель изъ двухъ комнатъ. Со мной Н. А. Тилчеевъ.

*
* *

Вправо отъ наблюдательнаго пункта, клиномъ впередъ, къ непріятелю, выдается отрогъ высоты, покрытый лѣсомъ.

Я вижу, какъ изъ землянокъ, не прекращаясь, выются дымки. Жарко топятъ свои землянки наши солдаты, такъ жарко, что съ непривычки сидя тамъ, голова кружится и воздуху не хватаетъ для дыханія. Но солдататамъ это не страшно: — вишь сколько топлива рядомъ, чего же жалѣть, а паръ костей не ломить.

Цѣлыми днями распиваютъ чай и ведутъ разговоры, — вспоминаютъ родныя мѣста, полевые работы, а то сказки сказываютъ другъ другу, что еще отъ дѣдовъ слышали. И ничего бы было жить, да только австрійцы мѣшаютъ: не нравится имъ такое близкое сосѣдство къ ихъ линіямъ. Бьютъ они своими тяжелы-

ми бомбами ежедневно этотъ участокъ, гдѣ сидитъ мѣсяцы безземѣнно нашъ баталіонъ 3-го полка.

Ударитъ бомба въ землянку, взмететъ вверхъ всю землю, разобьетъ, разшвыряетъ бревна, что накатами сверху лежатъ на землянкѣ, въ пять, въ шесть рядовъ. Хорошо если бревна выдержатъ силу удара. — земля только вздрогнетъ, да звонъ пойдетъ по землянкѣ, а не то: навалитъ санитары на носилки безформенные куски окровавленного мяса, цѣлою грудой, и понесутъ хоронить.

А на участкѣ все вьются дымки отъ печей жарко натопленныхъ, тѣсныхъ землянокъ.

* *

Въ 6-й батарее землянки построены по одной на орудіе, съ расчетомъ на восемь человекъ каждая. Стѣны и полъ забраны стволами тонкихъ пихтъ такъ, что земля не сыпется и въ землянкахъ нѣтъ грязи. Сверху накаты изъ крупныхъ бревенъ въ четыре ряда; между которыми положены земляныя прослойки. Окно нѣтъ и, хотя въ дверяхъ вставлены стекла, въ землянкахъ нѣсколько темно. По обѣ стороны отъ дверей, сплошныя нары изъ тонкаго круглаго дѣса. Противъ дверей проходъ, въ концѣ котораго поставлена печка, сложенная изъ кирпича, подобраннаго въ сожженныхъ деревняхъ. Одна бѣда: нѣтъ нигдѣ песку и печи сложены на одной глинѣ, которая отъ жару лопаются, — получаютъ щели и печи дымить.

Люди на дымъ не жалуются, что подѣлать: живеть же здѣсь всюду мѣстная бѣдность въ курныхъ избахъ. Нѣтъ у нихъ денегъ заплатить налогъ за трубу и, поневолѣ, мирятся съ дымомъ. Въ курныхъ избахъ родятся, живутъ всю свою жизнь, въ курныхъ же избахъ и умираютъ.

* *

Въ окопахъ 4-го полка все время околачивается

Ванька, мальчишка лѣтъ 12—13. Откуда, когда и какъ онъ появился, никто не знаетъ.

— Привязался гдѣ-то на походѣ, мало ли ихъ мальчишекъ пристають къ частямъ. Сначала, конечно, жалко станеть, приласкають солдаты, накормятъ а тамъ уже, смотришь, и прижился, свой сталъ. Куда его дѣвать такого-то? Все равно, хоть убей его, подлеца, не скажетъ чьихъ такихъ будетъ родителейъ и откуда родомъ. А то набрешеть такъ, что только рукой махнешь: и сирота, и голодалъ дома долго, и злая тетка тамъ, что-ли, шибко дереть и житья никакого дома-то нѣту-ти. Начальство свое тоже такъ смотреть, точно и не видитъ его совсѣмъ, развѣ только на какое высокое начальство напорется, такъ заберутъ и отправятъ, а куда неизвѣстно. А онъ, все равно, въ другорядъ, сбѣжитъ на позицію.

Такъ говорятъ о такихъ приставшихъ къ частямъ дѣтяхъ солдаты.

Ванька въ окопахъ незамѣнимъ: за табакомъ сбѣгать, воды принести, патроновъ поднести во время, — всюду успѣваетъ шустрый мальчонка. А ночью залѣзетъ въ землянку, свернется калачикомъ гдѣ нибудь въ уголкѣ и спитъ правильнымъ сномъ.

Долго Ванька болтался въ окопахъ 4-го полка, но, однажды, ружейная пуля раскровянила ему ногу. Отправили мальчика на перевязочный пунктъ, а оттуда, въ скоромъ времени, и вѣсти о немъ дошли до полка: Ванька то оказался не Ванькой, а Манькой, 17-ти лѣтней гимназисткой, дочерью какого-то священника.

— Ну вотъ и хорошо, что вы заѣхали, капитанъ. Какъ разъ во время.

Этими словами встрѣтилъ меня въ штабѣ дивизіи генераль №.

— Видите-ли какое дѣло у насъ: я хочу предложить вамъ принять въ свою батарею добровольца. Зай-

дите ко мнѣ въ кабинетъ, и васъ съ нимъ познакомлю.
Захожу. Доброволецъ стоитъ у окна и кокетливо улыбается.

На плечахъ алые погоны, рубаха защитнаго цвѣта, кушакъ, шаровары и высокіе сапоги. Генераль, предупредительно, подставляетъ ему кресло.

— Рекомендую: командиръ 6-й батареи, о которомъ мы съ вами только что говорили.

— Ну вотъ видите, господинъ капитанъ, какія чудеса бываютъ: генераль подаетъ кресло рядовому, — и опять обворожительная улыбка.

— Да, такому рядовому не только одно, но и два кресла можно подать съ удовольствіемъ, — сыплю, съ плеча, тяжелымъ армейскимъ комплиментомъ.

— Такъ принимаете меня въ свою батарею?

— Нѣтъ.

— Но почему-же?

— Изъ за такого рядового вся моя батарея ума лишится, хуже чѣмъ отъ австрійской тяжелой бомбы, — продолжаю я въ томъ же духѣ. Что я буду дѣлать тогда?

— Нѣтъ, скажите серьезно?

— Серьезно не принимаю, не могу. Женщинамъ въ строю не мѣсто.

Я поклонился и вышелъ изъ кабинета. Вслѣдъ за мной вышелъ и начальникъ дивизіи.

— Я такъ, конечно, и зналъ, чѣмъ это кончится. И начальникъ дивизіи отъ души разсмѣялся.

* * *

Число орудій въ полевыхъ батареяхъ сокращено: вмѣсто восьми, стало шесть.

Два орудія и четыре зарядныхъ ящика приказано сдать. Лошадсей тоже приготовить къ сдачѣ. Люди остаются.

Жаль двухъ орудій. Говорятъ, что эта мѣра принята съ цѣлью увеличенія числа батарей за счетъ существующихъ. Если это такъ, то понятно, но если

только съ цѣлью разгромоздить батареи и увеличить ихъ подвижность и верткость, то эта мѣра совершенно неправильна. Практика показала, что это не вѣрно на походахъ эти упряжки намъ не мѣшаютъ. — мы вѣдь, почти всегда, ходимъ теперь самостоятельно, безъ пѣхоты. Иногда съ однимъ лишь пѣхотнымъ прикрытіемъ.

Въ общей колоніѣ мы мѣшаемъ пѣхотѣ, а пѣхота намъ, тормозитъ наше движеніе и, совершенно безцѣльно насъ утомляетъ, такъ какъ приходится все время сдерживать лошадей, чтобы не налѣзть на впереди идущую пѣхоту. На ночлегахъ и дневкамъ получается невѣроятная тѣснота и не хватаетъ всѣмъ мѣста. Къ обоюдному удовольствію, пѣхота всегда старается отдѣлаться отъ насъ, а мы въ свою очередь отъ пѣхоты.

Зато въ бою мы лишаемся крупной доли своей мощи. Дѣло не въ числѣ отдѣльныхъ орудій на батареѣ, а въ общей ихъ совокупности, дающей ураганъ огня. Но дѣлать нечего: какъ ни жаль лишиться двухъ орудій, но приходится безропотно подчиниться.

Лошадей же не отдамъ ни за что. Каждая лишняя лошадь батареѣ необходима. Не говоря уже о томъ, что при тяжелой дорогѣ постоянно приходится припрягать выноса, замѣнять лошадей измученныхъ, набитыхъ, больныхъ, намъ необходимо еще, во что бы то ни стало, сильно увеличить свой обозъ. Что значить шесть повозокъ на батарею, обрастающую, со временемъ, все больше и больше необходимымъ имуществомъ и запасами фуража, безъ которыхъ, зачастую, обойтись невозможно?

Интендантство не всегда отпускаетъ фуражъ для лошадей или отпускаетъ его въ недостаточномъ количествѣ. Нѣтъ фуража и дѣлу конецъ. Купить же часто негдѣ. Лошади, при усиленной работѣ, припуждены голодать.

Какъ поступить въ этомъ случаѣ командиры батарей? Сговорились лошадей не сдавать: тянуть сколь-

ко возможно съ этой сдачей, а затѣмъ время загла-
дить этотъ вопросъ.

Такъ и поступили, лошади остались.

* *
*

Вечерѣть. Солнце медленно скрывается за лѣ-
сомъ, озаряя своими догорающими лучами общую кар-
тину нарытыхъ окоповъ двухъ враждующихъ сторонъ.

Мы, съ Н. А. Тиличевымъ, сидимъ въ своей ком-
натѣ за самоваромъ и прислушиваемся къ рѣдкимъ
ружейнымъ выстрѣламъ.

Какъ странно: мы можемъ сразу отличить свой
выстрѣлъ отъ австрійскаго. Нашъ, — одиночный, ав-
стрійскій, — двойной: эхо моментально повторяетъ каж-
дый выстрѣлъ противника.

— Слышите, командиръ, какъ будто зачастили
ружейные выстрѣлы, мнѣ это что-то не очень нравится.

Тревожный гудокъ телефона сразу прервалъ раз-
сужденія моего собесѣдника.

— Командиръ 6-й батареи?

— Слушаетъ командиръ 6-й батареи.

— Противникъ вышелъ изъ окоповъ, готовится
къ наступленію. Помогите.

Что дѣлать? Наблюдательный пунктъ на горѣ, не
успѣю взобраться.

— 6-я батарея къ бою! . .

— 3-й полкъ. . . Въ какомъ мѣстѣ наступленіе?

— Вправо отъ высоты 501, на участкѣ нашего
3-го баталіона.

— Хорошо. Батарея, цѣль № 6, два патрона бѣг-
лый огонь! . .

Затряслись, зазвенѣли стекла въ оконныхъ ра-
махъ. Гудокъ раздался залпъ съ перекатами нашихъ
орудій. Эхо сейчасъ же, съ точностью, повторило его.

— 3-й полкъ.

— Слушаетъ 3-й полкъ. Довольно, спасибо. Ав-
стрійцы спрятались обратно въ свои окопы. Видимо
это была какая-то демонстрація съ ихъ стороны.

Опытъ учить всему: мы сидимъ слишкомъ низко. Надо рыть себѣ землянку наверху, ближе къ наблюдательному пункту.

Съ вечера, на всякій случай, мы поднимаемся наверхъ. Мы знаемъ, что сегодня ночью, какъ и вчера, рабочія команды 3-го полка спустятся внизъ на земляныя работы: будутъ рыть новую линію окоповъ.

Землянки полка оживаютъ. Люди въ темнотѣ выстраиваются, слышны въ полъ голоса разговоры, лязгъ металла при случайномъ ударѣ лопаты о лопату. Люди двигаются и, какъ тѣни, спускаются внизъ.

Рѣдкія ракеты, на нѣсколько секундъ, освѣщаютъ австрійскія линіи. Всюду тихо. Проходитъ полъ часа. Близкій ружейный залпъ. . . Дробь беспорядочныхъ выстрѣловъ. . . Какіе-то крики. . . Шумъ отъ бѣгущихъ шаговъ перепуганныхъ нашихъ рабочихъ... Сильная ружейная перестрѣлка.

Ничего не разобрать въ темнотѣ, гдѣ наши, гдѣ австрійцы.

Несутъ раненыхъ, убитыхъ. Потери у насъ большія.

Бой постепенно затихаетъ и опять водворяется тишина, только ракеты австрійцевъ взрываются все чаще и чаще, все больше и больше. Надо было предвидѣть что-то недоброе, недаромъ съ вечера австрійцы пускали такъ мало ракетъ. Наши рабочіе неожиданно наткнулись на заранѣ залегшихъ, поджидавшихъ ихъ австрійцевъ.

* * *

Мы готовимъ атаку на высоту 433. Бѣглымъ гранатнымъ огнемъ рвемъ поля колючей проволоки, раскидываемъ древесныя застѣки. Бьемъ по окопамъ противника, съ цѣлью заставить его прижаться, спрятаться подъ защиту своихъ земляныхъ прикрытій, сковать его волю, запугать.

Восемнадцать орудій роютъ своими снарядами

землю непріятеля, поднимая ее на воздухъ, перемѣшиваютъ съ дымомъ, съ огнемъ.

Австрійцы молчатъ. Выжидаютъ.

Густыми цѣпями двинулась наша пѣхота въ атаку. Впереди 1-й полкъ. Сразу обволоклась она дымомъ австрійскихъ эскадроновъ. Полкъ, подъ огнемъ, бросается на проволоку, рветъ ее ножницами, ищетъ проходы.

Огонь непріятеля все усиливается, уже работаютъ его пулеметы, ружейными пулями засыпаны люди.

Полкъ застрѣлъ на проволоку. . . Отступаетъ. . . Атака отбита. Одна лишь передняя рота прорвалась сквозь проволоку, велѣдъ за своимъ командиромъ, безстрашнымъ поручикомъ Эльтековымъ.

Рота таетъ въ австрійскомъ огнѣ, отступить уже невозможно.

Поручикъ Эльтековъ, съ оставшейся отъ роты горстью солдатъ, взять австрійцами въ плѣнъ.

Бой прекратился и только колючая проволока противника пестритъ тѣлами убитыхъ и раненыхъ, висящими на ней въ разныхъ позахъ.

*
* *

Пока у наблюдательнаго пункта намъ роютъ землянку, мы, съ Н. А. Тиличевымъ, перебрались въ лѣсную сторожку, къ командиру 1-го баталіона 2-го полка полковнику Ермолаеву, старому, опытному офицеру, вышедшему на войну добровольцемъ, изъ отставки.

Полковникъ Ермолаевъ жилъ въ сторожкѣ съ молодымъ прапорщикомъ своего баталіона, очень даровитымъ музыкантомъ, нервная, артистическая натура котораго не могла никакъ свыкнуться съ боевой обстановкой. Полковникъ Ермолаевъ замѣтилъ это и взялъ прапорщика къ себѣ въ помощники, какъ бы для веденія канцеляріи, рассчитывая такимъ образомъ облегчить, насколько возможно, его положеніе.

Здѣсь же я впервые познакомился съ однимъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ дивизіи, 2-го полка поручи-

комъ А. М. Купрюхинымъ ,который, какъ говорили въ дивизіи, гулялъ у австрійцевъ, какъ у себя дома.

Маленькаго роста, лысый, съ большими рыжими усами, онъ производилъ съ перваго взгляда крайне невыгодное впечатлѣніе и никакъ нельзя было подозрѣвать, что этотъ невзрачный офицеръ является образцомъ настоящаго разумнаго, спокойнаго, дѣльнаго и храбрѣйшаго строевого офицера. Впослѣдствіи я очень близко съ нимъ сошелся и имѣлъ возможность лично удостовѣриться въ его исключительныхъ боевыхъ способностяхъ.

Какъ то ночью, меня разбудилъ яркій свѣтъ, бившій прямо въ глаза. Я поднялся на кровати и увидѣлъ цѣлую группу солдатъ, съ винтовками въ рукахъ. Они что-то возбужденно рассказывали, другіе стояли съ какимъ то испуганнымъ видомъ, со страхомъ оглядывая внутренность нашей сторожки.

Протеревъ какъ слѣдуетъ глаза, я понялъ, что передо мною находятся, захваченные только что въ плѣнъ, мадьяры и ихъ конвой. Это были развѣдчики 2-го полка, которые подъ командой поручика Купрюхина, только что «сняли» австрійскій постъ. Плѣнныхъ было двое.

— . . . а остальныхъ, В. В., — докладывалъ развѣдчикъ полковнику Ермолаеву, — такъ что, разрѣшите доложить, прикололи, потому никакъ не хотѣли сдаваться. А винтовокъ ихнихъ поручикъ Купрюхинъ не приказалъ брать: зачѣмъ, говорятъ, намъ эта дрянь нужна, у насъ и своихъ довольно.

Выслушавъ докладъ развѣдчика, полковникъ Ермолаевъ приказалъ дать плѣннымъ хлѣба, а затѣмъ вести въ штабъ полка. Мадьяры никакъ не ожидали, что ихъ будутъ еще кормить: на ихъ лицахъ отразилось изумленіе, а за хлѣбъ схватились обѣими руками.

— Вы знаете, — обратился ко мнѣ полковникъ Ермолаевъ, — тамъ въ крѣпости ихъ увѣряютъ, что русскіе разстрѣливаютъ плѣнныхъ, поэтому они такъ

удивились, когда я, вмѣсто разстрѣла, приказалъ дать хлѣба, котораго у нихъ почти нѣтъ совсѣмъ.

* *
*

Въ новой нашей землянкѣ тепло и уютно: въ ярко пылающей печкѣ потрескиваютъ сухія пихтовые вѣтки, освѣщая внутренность землянки, въ помощь тускло горящей небольшой жестяной лампочкѣ.

Въ землянкѣ насъ трое: я, Н. А. Тиличевъ и А. М. Купрюхинъ. Мы, съ особымъ удовольствіемъ, потягиваемся на своихъ походныхъ койкахъ и нарочно мѣшаемъ спать другъ другу, чтобы продолжить то блаженное состояніе, въ которомъ мы, всѣ трое, находимся.

Еще бы: на дворѣ сильная снѣжная буря. Звѣремъ воетъ вѣтеръ, срывая хвою съ деревьевъ, ломаетъ цѣлыя вѣтки. Старыя пихты стонутъ, качаясь подъ напоромъ его бурныхъ порывовъ. Внизу, по ущельямъ, снѣгомъ мететъ, плачетъ жалобнымъ голосомъ вьюга.

— Да, не хотѣлъ бы я сейчасъ стоять гдѣнибудь на посту. Въ такую ночь, того и гляди, однимъ махомъ снимутъ и опомниться не успеешь, — говоритъ Н. А. Тиличевъ.

— Ну кто сейчасъ пойдетъ снимать? Развѣ можно что либо разобрать въ эту бурю? Самъ заблудишься и попадешь прямо въ руки къ непріятелю.

Однако въ эту ночь, въ эту бурю, 2-го полка подпоручикъ Ивановъ, съ небольшой группой добровольцевъ солдатъ, умудрился снять цѣлый австрійскій полевой карауль, со всѣми выставленными этимъ карауломъ, постами. Обезоруживъ австрійцевъ, онъ приставилъ къ нимъ конвой, а самъ, со своими добровольцами, занялъ ихъ караульное помѣщеніе, разставивъ на посты, вмѣсто австрійцевъ, своихъ часовыхъ и сталъ ждать.

Бъ полночь, изъ крѣпости, на смѣну прибылъ, ничего не подозревая, новый карауль, который сей-

часть же, полностью, попалъ въ руки подпоручика Иванова. Обезпокоенные долгимъ отсутствіемъ смѣннаго караула, австрійцы послали еще нѣсколько чело-вѣкъ, для связи. И ихъ тоже постигла общая участь.

Подпоручикъ Ивановъ, со своей командой, благополучно вернулся обратно и привелъ съ собой цѣлую колонну плѣнныхъ австрійцевъ

Воинская доблесть, преданность долгу, воля, подавляющая всякій страхъ и чувство самосохраненія, безконечное терпѣніе и вѣра въ конечную побѣду, — вотъ характерные признаки нашего русскаго пѣхотнаго офицера.

Какая разительная масса примѣровъ, о которыхъ можно написать цѣлый рядъ томовъ, примѣровъ, безконечной цѣпью слѣдующихъ другъ за другомъ. Сплошной подвигъ, сплошное самопожертвованіе и безконечное терпѣніе.

Наблюдая своихъ боевыхъ товарищей, — пѣхотныхъ офицеровъ нашей дивизіи, на походѣ, на развѣдкѣ, въ бою, въ самыхъ ужасныхъ, нечеловѣческихъ условіяхъ существованія, въ самыхъ безвыходныхъ положеніяхъ, я могъ только безконечно восхищаться величіемъ ихъ души и глубоко преклоняться передъ ихъ исключительной доблестью.

Капитанъ Ерченко, смѣло, въ открытую подошедшій подъ наведеннымъ на него дуломъ винтовки, къ самымъ окопамъ противника, вызвавшій восхищеніе даже у непріятели. Поручикъ Пылаевъ, съ винтовкою въ рукахъ, первымъ пробивающій путь своему, окруженному непріятеlemъ, родному полку. Полковникъ Ивановскій, спокойно проходящій по верху окоповъ, подъ разстрѣломъ австрійскихъ часовыхъ, и цѣлый рядъ другихъ, не менѣе доблестныхъ подвиговъ, прошедшихъ совсѣмъ незамѣтно, никуда незанесенныхъ, нигдѣ не записанныхъ.

Сколько разъ я думаль о томъ, какой же памятникъ должна будетъ поставить Россія Русскому Пѣхотному Офицеру.

* *
*

Получаю письменное приказаніе:

— Приказываю вамъ отиравиться на участокъ, занятый 9-й кавалерійской дивизіей, въ горномъ раіонѣ участка найти артиллерійскую позицію и поставить на нее 17-ю Конную батарею. Начальникъ южнаго сектора генераль №.

Приказаніе очень странное. Ёду къ командиру 17-й конной батареи.

— Въ чемъ дѣло?

— Да видите ли: начальнику сектора захотѣлось, чтобы моя батарея испремѣнно залѣзла бы въ горы, а я отвѣтилъ, что у меня не горная батарея, а конная. Но такъ какъ онъ продолжалъ настаивать на своемъ приказаніи, то я заявилъ ему, что тамъ нѣтъ ни подъѣздныхъ путей, ни хорошихъ артиллерійскихъ позицій. Я не хочу туда лѣзть потому, что не хочу рисковать своей батареей, такъ какъ нашъ участокъ не занятъ сплошной линіей окоповъ и въ такой пересѣченной мѣстности непріятелю будетъ очень легко захватить батарею, ибо оттуда быстро не выберешься. Поѣдемъ вмѣстѣ, посмотримъ, сами увидите.

Мы условились съ нимъ съѣхаться на слѣдующій день, у околицы одной изъ деревень.

Въ назначенное время, вмѣстѣ съ Н. А. Тиличевымъ, я подъѣзжаю къ мѣсту встрѣчи. Ко мнѣ подходит Уральскій казакъ.

— Разрѣшите доложить, В. В., такъ что мы васъ давно поджидаемъ.

— Я долженъ видѣть командира 17-й конной батареи подполковника Саблина. А кто это мы?

— Командиръ 1-го Уральскаго полка и господа офицеры.

— А командиръ 17-й конной батареи?

— Такъ точно и они тамъ, всё вмѣстѣ.

— Ну, веди.

За казакомъ мы входимъ въ двери большой избы, стоящей по срединѣ деревни. Первое, что бросилось намъ въ глаза, это длинные столы, покрытые скатертями, на которыхъ, среди разныхъ явствъ, періодически возвышались четвертные бутылки водки и высокія жестяныя банки. За столами полно офицеровъ.

— Наконецъ-то дождались! Милости просимъ. Господа офицеры, ну-ка берите въ оборотъ прибывшихъ гостей, что-бы наверстали то, что пока упустили. Съ этими словами, навстрѣчу намъ, изъ за стола, поднялся высокій, плотный офицеръ, съ окладистой сѣдой бородой, — командиръ 1-го Уральскаго казачьяго полка полковникъ Бородинъ.

Мы не успѣли опомниться, какъ уже сидѣли за столомъ передъ нарочно поставленной для насъ четвертью водки и длинной жестяной банкой, изъ которой услужливые офицеры Уральцы уже накладывали намъ, въ глубокія тарелки, чудную уральскую икру.

Пиръ, прерванный нашимъ появленіемъ, вновь начался.

Ужасъ овладѣлъ мною при одномъ только взглядѣ на грозно стоящую передо-мною, четвертью, а совершенно не пьющій Н. А. Тиличевъ, отъ страха даже поблѣднѣлъ. Надо было изыскивать способъ обороны противъ стоящаго на столѣ врага и атакующихъ, со всѣхъ сторонъ, офицеровъ и мнѣ стоило большого труда убѣдить гостепріимныхъ хозяевъ, что Н. А. Тиличевъ не можетъ пить совсѣмъ, что онъ боленъ, а себя защитить насколько возможно.

Къ чести господъ офицеровъ Уральцевъ долженъ сказать, что, несмотря на обиліе на столахъ алкоголя, пьяныхъ или даже сильно выпившихъ, не было совершенно.

Интересный у васъ командиръ полка. — сказалъ я одному изъ офицеровъ.

— Да, интересный, а вотъ шашка у него еще интереснѣе. Попросите его показать.

Командиръ полка удовлетворилъ мое любопытство: шашка вся въ золотѣ. Рукоять, кольца для пристегиванія ремней и наконечникъ ноженъ усыпаны бирюзой и по всему верху ноженъ, красивой вязью, вычеканена надпись: «Яицкаго Войска Нашему Полковнику Бородину. Елисаветъ».

Провали мы недолго: надо было дѣлать дѣло.

— Ну, господа, поѣзжайте. Конвой вамъ уже готовъ. Впрочемъ, я самъ съ вами тоже поѣду.

Съ этими словами полковникъ Бородинъ всталъ и мы вышли на улицу. гдѣ насъ уже ждалъ конвой, — полусотня Уральскихъ казаковъ.

Странно, какъ сразу измѣнилось поведеніе нашего добраго хозяина. Точно передъ нами былъ совершенно другой человекъ: суровый, отрывистый въ рѣчи, не терпящій отъ подчиненныхъ никакихъ возраженій. И сопровождающіе насъ офицеры, вдругъ, словно тоже переродились. Какъ будто они и не видѣли водки, затихшіе, подтянутые, повинующіеся безпрекословно.

— Видите-ли, мы поѣдемъ по мѣстамъ, въ большинствѣ случаевъ, не занятыхъ ни нами, ни австрійцами, поэтому осторожность не мѣшаетъ и я взялъ, на всякій случай, конвой.

— Господинъ полковникъ, — обратился я къ командиру полка, — во время отраженія послѣдней австрійской вылазки, я видѣлъ розовые разрывы шрапнелей плѣнныхъ австрійскихъ орудій. Мнѣ сказали, что это стрѣляли ваши казаки.

— Да, это правда. Эти два орудія взяты въ плѣнъ полкомъ, которымъ имѣю честь командовать, въ конной атакѣ. Въ Уральскомъ Казачьемъ Войскѣ до сихъ поръ не было артиллеріи. Она была отнята у Войска указомъ Императрицы Екатерины 2-й за «Яицкій бунтъ». Въ настоящее время, по моему ходатайству, указомъ Императора Николая II-го, эта опала снята и, въ ли-

цѣ этихъ двухъ плѣнныхъ орудій, Уральское Казачье Войско вновь обрѣло свою артиллерию.

Позиціи нашлись, подъѣзды къ нимъ тоже могли быть найдены, но рискъ ставить на эти позиціи батарею, конечно, ничѣмъ не оправдывался. Ѣздить долго было совершенно лишнимъ, мы повернули обратно и къ вечеру прибыли въ селеніе Бирча, гдѣ и разстались съ Уральцами, оставшись ночевать у конно-артиллеристовъ, встрѣтившихъ насъ обильнымъ ужиномъ.

Утромъ мы, съ командиромъ 17-й Конной батареи подполковникомъ Саблинымъ, заѣхали къ полковнику Бородину проститься и поблагодарить его за гостепріимство.

— Безъ чаю не отпущу, — и полковникъ Бородинъ заставилъ насъ раздѣться.

Открылась дверь и казакъ внесъ въ комнату, на подносѣ, банку икры, четверть водки и маленькій чайникъ. Даже не поднося чайника къ столу, онъ мимоходомъ, сунулъ его на подоконникъ и передъ нами опять четверть водки и икра.

Вернувшись домой, въ рапортѣ на имя начальника южнаго сектора обложенія крѣпости, я донесъ, что позиціи имѣются, но рискъ постановки батареи на одну изъ этихъ позицій никоимъ образомъ не можетъ быть оправданъ той пользой, которую позиція можетъ принести, и поэтому, удержавшись отъ выполненія второй части полученнаго мною приказанія, въ дальнѣйшемъ представляю на усмотрѣніе самого начальника южнаго сектора.

17-я Конная батарея осталась на старой позиціи.

*
*
*

Каждую ночь наша пѣхота роетъ все новые окопы, постепенно все ближе и ближе подвигаясь къ линіямъ противника.

Вся лощина, недавно еще совершенно ровная, изборужденная лишь воронками отъ австрійскихъ снаря-

довъ, изрыта нашими окопами и ходами сообщенія. Упорная наша пѣхота, — ничто не можетъ остановить ее въ достиженіи намѣченной цѣли.

Командиръ 1-го баталіона 2-го полка полковникъ Ермолаевъ проситъ меня помочь:

— Прошлой ночью мы начали было рыть новую линію окоповъ, но оказалось, что австрійцы, предвидя это, совершенно неожиданно для насъ, прекратили нашу работу: они поставили въ опушкѣ лѣса орудіе, закрывъ ее вѣтками такъ что днемъ оно совершенно не видно и, видимо, заранѣе навели его по намѣченной нами линіи. Ночью, когда мы стали рыть землю, орудіе открыло картечный огонь. Это намъ стоило очень дорого и работу пришлось прекратить. Нельзя ли это орудіе уничтожить?

— А кто знаетъ мѣсто, гдѣ она стоитъ?

— Вамъ покажетъ подпрапорщикъ.

Спускаюсь въ пѣхотные окопы, провожу телефонъ и за подпрапорщикомъ прихожу въ передовой окопъ полка.

— Вотъ здѣсь, В. В., въ этомъ районѣ. Только точно гдѣ она стоитъ не могу указать, — не видно.

Смотрю въ бинокль и, сколько не напрягаю зрѣніе, орудія не вижу: сплошная линія пихтовыхъ зарослей и больше ничего.

Что дѣлать?.. Я вижу, что, чуть ли не весь полкъ, во главѣ съ командиромъ полка полковникомъ Ивановскимъ, слѣдитъ за мною. Вернуться назадъ и доложить командиру полка, что орудія не вижу и поэтому не могу исполнить просьбу полка, а ночью опять убитые и раненые?

Мнѣ стыдно, я не могу рѣшиться на это. Ужъ лучше, что будетъ, то будетъ: отъ судьбы не уйдешь.

Я выскакиваю изъ передового окопа и перебѣгаю саженой двадцать до намѣченной новой линіи, ложусь на землю и углубляюсь въ разсматриваніе въ бинокль австрійской опушки. Я видѣлъ мелькомъ, какъ часовой поднялъ винтовку. Стрѣлялъ онъ въ меня или

нѣтъ? А можетъ быть и теперь стрѣляетъ въ меня лежащаго, можетъ быть даже и не одинъ? Неужели я буду сейчасъ убитъ? Я волнуясь и не слышу ничего, я не смотрю туда, я вглядываюсь только на опушку.

Какой то приборъ на треногѣ, вродѣ нашего угломѣра, а вотъ и ободъ колеса.

Я вскакиваю и перебѣгаю обратно въ окопъ.

— 1-е орудіе къ бою!

Лопнула первая граната, раскидала натыканную хвою, сбила приборъ. Орудіе наполовину открыто. Вторая, третья граната. . . Орудіе какъ будто накренилось. — навѣрно осколкомъ гранаты я повредилъ колесо.

Дымъ, земляная пыль стоитъ столбомъ надъ орудіемъ. Мнѣ хочется ударить въ самое тѣло орудія, но это никакъ не удастся. Кругомъ орудія вся земля изрыта, но изъ тридцати гранатъ ни одна не попала.

Довольно: все равно орудіе къ бою уже не годится, — оно все избито осколками. Я кончаю стрѣлять.

Ночью наша пѣхота спокойно роетъ новую линію окоповъ.

* *
*

— Посмотрите, В. В., что это тамъ какъ будто не по настоящему кусты растутъ: какъ садъ какой насажены и за кустами словно окопъ какой, коли вглядѣться. Что это они тамъ хоронятся, коли окопы всѣ ихніе совсѣмъ на виду стоятъ?

Я устанавливаю постоянное наблюденіе за мѣстомъ, указаннымъ мнѣ моимъ наблюдателемъ. Дѣйствительно, мѣсто подозрительное.

— Никакъ это, В. В., ихъ наблюдательный пунктъ. Замѣтно точно кто оттуда въ бинокль все смотритъ, чи въ трубу, — не разобрать, а только безпримѣнно они оттуда наблюдаютъ.

Черезъ нѣсколько дней австрійскій наблюдательный пунктъ опредѣлился точно. Установлено было то-

же, что здѣсь не одинъ пунктъ, а нѣсколько въ одномъ мѣстѣ. Я рѣшилъ ихъ не трогать до поры до времени, до того момента, когда боевая обстановка сама не подскажетъ, что пришло время ихъ уничтожить однимъ ударомъ.

— В. В., тамъ изъ штаба дивизіи прислали къ вамъ перебѣщика. Сказываютъ, что это ихній артиллеристъ, можетъ вамъ съ него польза будетъ какая?

Беру перебѣщика, оказавшагося дѣйствительно артиллеристомъ, на свой наблюдательный пунктъ.

— Ну-ка, другъ, скажи, — направилъ я трубу Цейса на подозрительное мѣсто, — это вашъ артиллерійскій наблюдательный пунктъ?

Перебѣщикъ сильно покраснѣлъ.

— Да, — еле слышно, скорѣе прошепталъ, чѣмъ сказалъ онъ.

— А гдѣ позиціи вашихъ батарей?

Перебѣщикъ сталъ указывать позиціи гаубичныхъ батарей, давно мнѣ извѣстныя.

— Ну, а гдѣ твоя батарея?

Этотъ вопросъ смутилъ его совершенно. Онъ умоляюще поднялъ на меня свои глаза и молчалъ.

— Хорошо, хорошо, понимаю, можешь не показывать.

Онъ мнѣ былъ совершенно не нуженъ и я отправилъ его обратно въ штабъ дивизіи.

Австрійскій наблюдательный пунктъ разрушенъ не былъ: черезъ нѣсколько дней крѣпость пала.

*
*
*

Я ѣду съ трубачемъ по шоссе. Теплос улыбающееся весеннее солнце всюду сквозитъ между вѣтвями деревьевъ, отражается въ крупныхъ какъ жемчугъ, капляхъ влаги, покрывающей растенія и играетъ, переливаясь, въ струяхъ весело бѣгущей горной рѣчки.

Весенняя радость забила всюду. Вся природа слѣшитъ начать новую жизнь, въ воздухѣ какой-то особенный шумъ, — нѣжная музыка. И мы, въ свою

очередь, поддавшись общему настроенію, тоже особенно, по весеннему, веселы и радостны.

Съ воемъ проносится надъ головой и, съ зловѣщимъ шипѣніемъ, падаетъ сзади насъ тяжелый снарядъ. Взрывъ и аккордъ поющихъ, разлетающихся въ стороны, осколковъ. Наши лошади несутъ насъ въ бѣшеной скачкѣ, но напрасно: спереди, сзади, съ боковъ, всюду пѣсни осколковъ снаряда. Они легко догоняютъ, опережаютъ насъ.

Потускнѣли лучи весенняго солнца, вся природа, какъ будто застыла въ испугѣ.

Призракъ смерти пронесся и обдалъ всеобщую радость своимъ зловоннымъ дыханіемъ.

Какой тихій весенній вечеръ. Не сидится въ землянкѣ. Какое то непонятное чувство тревожитъ душу. Не тишина ли эта мертвая такъ дѣйствуетъ на ослабѣвшія нервы?

Я выхожу изъ землянки и иду на наблюдательный пунктъ.

Темной, гигантской тѣнью рисуется широкая пихта, у которой стоитъ двурогаая труба Цейса. Я оглядываюсь и въ темнотѣ не вижу никого.

— Лапшинъ!

— Я здѣсь, В. В. — Какая то тѣнь отдѣляется отъ дерева. — Темно, В. В., и австрійцы сегодня чего-то не свѣтятъ ракетами.

Я подхожу ближе.

— Да васъ тутъ много? Что притихли ребята?

— Душно въ землянкѣ, В. В. Ужъ больно вечеръ хорошъ, тихо.

Да, тихо. Такъ тихо, что каждый малѣйшій звукъ отчетливо и ясно улавливается ухомъ и отдается въ напряженномъ мозгу, отвыкшемъ отъ такой безусловной тишины.

— В. В., что-то австрійцы сегодня надумали.

— А что?

— Да ракеты не пускаютъ совсѣмъ. Не къ добру это. Хоть бы часовой ихній какой разокъ стрѣльнулъ бы, а то и выстрѣловъ нѣтъ, точно вымерли всѣ они тамъ у себя въ окопахъ.

— Да и въ крѣпости тоже будто всѣ спятъ, — ни ракетъ, ни прожектора.

Опасенія моихъ наблюдателей постепенно заражаютъ и меня. Они безусловно, правы: у противника подозрительная тишина.

— А ну-ка, Коровишъ, передай въ батарею, чтобы люди сегодня ночью не раздѣвались и на лошадей надѣли аммуницію. А пѣхота ничего не передавала по телефону?

— Никакъ нѣтъ.

— Попроси къ телефону командира 2-го полка.

— Господинъ полковникъ, вы обратили вниманіе на то что австрійцы сегодня не выпускаютъ ракетъ ни здѣсь ни въ крѣпости и совершенно не видно лучей ихъ прожекторовъ?

— Да. Я объ этомъ уже донесъ въ штабъ сектора и получилъ приказаніе немедленно выслать команду развѣдчиковъ для выясненія, что происходитъ въ окопахъ у противника. Слѣдите за ними.

Какія то тѣни зашевелились у нашихъ окоповъ и растаяли въ темнотѣ.

— Развѣдчики уже пошли, — въ полъ голоса замѣтилъ одинъ изъ наблюдателей.

Опять наступила мучительная тишина. Всѣ притихли, стараясь взглядомъ проникнуть въ тайну темной ночи.

Рѣзко загудѣлъ телефонъ.

Въ окопахъ противника полная тишина. Команда моихъ развѣдчиковъ залегла подъ проволокой, — общается командиръ 2-го полка.

И черезъ четверть часа:

— Поздравляю васъ: окопы совершенно пусты, развѣдчики ихъ заняли. Ну, теперь держитесь, — что будетъ подъ утро.

Опять гудитъ телефонъ:

— Начальникъ сектора приказалъ 2-му полку теперь-же, не дожидаясь утра, наступать прямо на Крѣпость, не останавливаясь даже передъ штурмомъ ближайшаго форта. 6-я батарея должна сопровождать полкъ въ его наступленіи и не оставлять его ни въ какомъ случаѣ.

— Передки на батарею! . .

Съ наблюдательнаго пункта я вижу легкое зарево, розовымъ свѣтомъ проникающее черезъ гущу верхушекъ деревьевъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ на позиціи стоитъ моя батарея. Это горять смоляные факелы: 6-я батарея ночью покидаетъ позицію.

Вздрогнула земля. . . Вихрь пронесся въ воздухѣ. . . Крѣпость проснулась. Тысячи ракетъ взвились на воздухъ, превращая ночь въ странный блѣдный день и, въ это же время, тысячи же снарядовъ всевозможныхъ калибровъ, засвистѣли въ воздухѣ, разсѣкая его во всѣ стороны.

Послѣдній салютъ еще свободныхъ австрійцевъ страшному, упорному врагу.

Низко, надъ самой моей головой, лопнула крупная шрапнель и всего меня окутала своимъ ѣдкимъ, сильно сѣрой пахнущимъ, дымомъ. Мгновеніе мнѣ казалось, что я задыхаюсь, изъ глазъ потекли слезы.

Ураганъ пронесся. Крѣпость сразу потухла. Ночной мракъ сталъ еще гуще, еще тише. Темною тѣнью скользить 2-й полкъ изъ окоповъ въ лощину. Слышны команды въ полъ голоса, рѣзко отдаются въ ухахъ удары штыковъ о штыки. Тѣни 2-го полка разрастаются, ширятся, разворачиваются для наступленія. Полкъ двинулся.

Я слышу, какъ грохочутъ о камни колеса орудій и ящиковъ, идущей рысью ко мнѣ, моей батарее.

— Стройся вѣво на полные интервалы! . .

Я не узнаю своего голоса. Вся эта необыкновенная обстановка волнуетъ меня.

Съ трудомъ развернулась батарея и двинулась за

полкомъ. Еле ползуть орудія и ящики: воронки отъ снарядовъ, колючая проволока, да еще ночью, — все тормозитъ движеніе. Полкъ исчезъ изъ глазъ, растаялъ въ ночной темнотѣ. 6-я батарея застряла.

— Налѣво кругомъ на дорогу!

Свѣтаетъ. . . Утро 9-го марта 1915 года ст. ст. 6-я батарея уже на дорогѣ въ орудійной колоннѣ.

Крѣпость проснулась вторично: чудовищный грохотъ понесся отъ крѣпости по соннымъ окрестностямъ. Многократнымъ эхомъ разсыпался по лощинамъ, оврагамъ, склонамъ высотъ.

Что это? . . . Это не выстрѣлы изъ орудій?..

— Взрывы! . . взрывы! . . — прокатилось по батарее радостнымъ крикомъ. Глаза засверкали, лица застыли въ вопросительномъ тревожномъ выраженіи.

— Галопомъ! . .

Черные клубы дыма поднимаются изъ за лѣса. 6-я батарея вылетаетъ на пригорокъ. Крѣпость вся на виду: темная дымовая туча стоитъ надъ крѣпостью. Взрывы слѣдуютъ безъ перерыва одинъ за другимъ, грохочутъ, сверкаютъ молніями огня въ густыхъ клубахъ дыма.

— Флаги! . . Бѣлые флаги! . . Крѣпость сдается. Какая огромная, невѣроятная радость.

* * *

6-я батарея переходитъ въ шагъ и останавливается передъ рогаткой, заплетенной колючей проволокой, преграждающей въѣздъ въ укрѣпленную полосу противника.

Какія громадныя поля проволочныхъ загражденій.

Рогатка отброшена въ сторону. Ее уже никто не оберегаетъ, никто не сторожитъ. Кругомъ пусто, не видно ни одного человѣка.

Батарея проходитъ линію внѣшней проволоки и линію укрѣпленій полевого типа. За земляными валами стоятъ, покінутыя орудійной прислугой, батареи.

Какъ ихъ много, все гаубицы легкаго типа. Стоять онѣ приткнувшись къ самому брустверу, высоко закинувъ кверху свои короткія жерла. Всѣ они видимо въ полной исправности, даже замки не вынуты.

А вотъ укрѣпленная горка. Знакомая горка, съ шалашемъ изъ пихтовыхъ вѣтокъ, изъ котораго торчатъ стволы двухъ дальнобойныхъ орудій. Оба орудія въ полной исправности. Какъ сразу стало близко то, что еще недавно было недосягаемо даже для нашихъ снарядовъ.

— В. В., посмотрите какія шипы. Ихъ много накидано между проволокой. На такой шипъ наступишь, безъ ноги, пожалуй, останешься, — и подошедшій ко мнѣ солдатъ протянулъ на ладони небольшой стальной шипъ, съ тремя, торчащими въ разныя стороны, острыми иглами.

— А ты осторожнѣй ходи, не наскочи на фугасъ, ихъ тоже много заложено между проволокой.

6-я батарея вѣзжаетъ въ маленькую улочку предместья. Поворотъ и, совершенно неожиданно, батарея попадаетъ въ гущу австрійскихъ полковъ, выстроенныхъ на обширномъ внутреннемъ полѣ.

Полки выровнены. Всѣ офицеры стоятъ на своихъ мѣстахъ, у ногъ на землѣ лежитъ оружіе. У большинства винтовокъ разбиты приклады.

Австрійцы, съ нескрываемымъ любопытствомъ, молча, разглядываютъ остановившуюся передъ ними на шоссе русскую батарею.

— Русины? — спрашиваю я у людей, рядомъ съ батареей стоящаго полка, съ зелеными петличками на воротникахъ.

— Поляки, поляки, — отвѣчаетъ мнѣ сразу нѣсколько голосовъ, спѣша удовлетворить мое любопытство.

— Тутъ же, у одиноко стоящей небольшой церк-

ви, въ резервной колоннѣ стоитъ и нашъ 2-й полкъ; ружья составлены въ козлы.

На мой вопросъ, гдѣ командиръ полка, мнѣ указываютъ на домикъ священника. Я вхожу на крыльцо и натыкаюсь на мирно бесѣдующую молодую пару: австрійскаго офицера и барышню. Офицеръ вытягивается и отдаетъ мнѣ честь. Въ задумчивости я прохожу мимо, но его собесѣдница, съ вспыхнувшимъ яркой краской лицомъ, дѣлаетъ шагъ мнѣ навстрѣчу. Я сразу понялъ свой промахъ и посиѣщилъ его исправить, приложивъ руку къ козырьку фуражки. Барышня, какъ будто бы, успокоилась.

Австрійскіе офицеры очень любезны. Они приглашаютъ насъ къ себѣ обѣдать, охотно вступаютъ въ разговоры. Кто-то изъ нашихъ офицеровъ спросилъ: правда ли, что генераль Кусманекъ улетѣлъ на аэропланъ? Австріецъ обидѣлся. Гордо поднявъ голову, онъ твердо и раздѣльно произнесъ:

— Генераль Кусманекъ раздѣлитъ участь своего гарнизона.

Несмотря на кажущуюся развязность и непринужденность, въ поведеніи австрійскихъ офицеровъ чувствуется большая неувѣренность. Видно, что они намъ не довѣряютъ и боятся, что мы чѣмъ нибудь задѣнемъ ихъ офицерскую гордость, честь, самолюбіе. Это проскальзываетъ у нихъ во всемъ. Они сознаютъ свое безсиліе и зависимое положеніе и изъ всѣхъ силъ стараются не дать ни малѣйшаго повода къ какому либо недоразумѣнію. Они неимоვნно тянутся при встрѣчѣ съ нашими офицерами, первые отдають честь, уступаютъ дорогу, безконечно вѣжливы и корректны во всѣхъ отношеніяхъ. Мнѣ какъ то даже неловко становится отъ ихъ преувеличенной корректности, даже жаль какъ то ихъ.

Австрійскому генералу надо проѣхать по шоссе мимо стоящей батареи. Его автомобиль остановился и

адъютантъ, венгерскій гусарь, подходит ко мнѣ и отъ имени своего генерала проситъ разрѣшенія проѣхать. Я отдаю честь генералу. Послѣдній чуть не выпрыгиваетъ изъ автомобиля, польщенный такимъ неожиданнымъ вниманіемъ.

6-я батарея располагается бивакомъ у одного изъ фортовъ. Произведенный взрывъ очень мало повредилъ форты: разрушена только одна небольшая каменная кладка. Артиллерія, фланкирующіе пулеметы. — все на своихъ мѣстахъ, почти въ полной исправности. Нѣкоторыя орудія испорчены, но могутъ быть быстро исправлены.

Меня интересуютъ 12-ти дюймовыя мортиры, изъ которыхъ обстрѣливалась позиція 6-й батареи на высотѣ 486. Я розыскалъ ихъ. Въ глубокой бетонной низинѣ стоятъ эти только что взорванныя орудія. Ихъ всего два. Ихъ короткія дула разворочены, оторванные куски металла валяются здѣсь же.

Погибла ихъ сила и вмѣстѣ съ нею и ужасъ, который внушали ихъ, гудящіе на полетѣ, снаряды. Жалкія, изуродованныя стоятъ онѣ, уже мертвыя, на своихъ бетонныхъ основаніяхъ и никогда уже никто не услышитъ ихъ мощнаго выстрѣла. Ихъ души покинули навсегда ихъ стальные тѣла.

* *
*

Передъ нами одинъ изъ малыхъ фортовъ Сѣдлинской группы.

Подступы къ этому форту защищены рядомъ, зарытыхъ въ землю, фугасовъ и нѣсколькими широкими полосами проволочныхъ загражденій, между которыми, въ изобиліи, разсыпаны острые, трехконечные шипы. Колючая проволока покрываетъ такъ же, слегка отлогіе скосы и дно крѣпостнаго рва, въ нижней части котораго положена, почти вертикальная каменная облицовка. Въ изгибѣ этаго широкаго и глубокаго рва расположены казематы съ пулеметами для продольнаго обстрѣла соответствующихъ его участковъ.

За ровомъ, за валомъ, подъ стальными куполами, стоятъ полевые пушки, охраняемые, съ фланговъ, рядами пулеметовъ. Въ одномъ изъ куполовъ крупная забойна, съ широкой трещиной до самаго низа, отъ удара русскаго снаряда, осколками котораго сильно порубленъ стволъ, стоящей подъ куполомъ стале-бронзовой пушки.

За этой батареей крутой обрывъ: вертикальная, въ нѣсколько сажень, стѣна, принадлежащая трехъ-этажной казармѣ-каземату, выходящей на внутренній дворъ укрѣпленія. Дворъ охраняется закрытой въ бетонѣ пулеметной батареей.

На дворѣ двѣ могилы, огороженные невысокой изгородью изъ бѣлыхъ стволовъ березы. Такіе же бѣлые березовые кресты поставлены на обѣихъ могилахъ и къ крестамъ прибиты дощечки, на которыхъ написано: 1) Два русскихъ офицера и 2) 30 (?) русскихъ солдатъ.

Кто они, — эти русскіе герои, съ одними лишь винтовками въ рукахъ, преодолевшіе этотъ невѣроятный путь и здѣсь, у цѣли, разстрѣлянные изъ скрытыхъ въ бетонѣ пулеметовъ невидимымъ врагомъ. Вся стѣна трехъ-этажной казармы изпещрена пулями, выпущенными изъ находящейся напротивъ пулеметной батареи.

Подвигъ немыслимый, невозможный, но тѣмъ не менѣе, дѣйствительный, совершенный.

Это остатки роты 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка, атаковавшихъ этотъ фронтъ. Роты дошли до цѣли и здѣсь погибли, ибо дальше уже идти было некуда и приходилось имѣть дѣло лишь съ бетономъ и сталью, противъ которыхъ человѣческія руки, какія бы онѣ не были, беспильны.

Австрійцы, съ честью, похоронили павшихъ героевъ Крымцевъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое эти русскіе богатыри залили своей горячей кровью, въ послѣдній моментъ своей геройской жизни.

Этот эпизодъ, которымъ должна гордиться вся Русская Армія, произошелъ еще до послѣдняго обложенія Перемышля нашими войсками, во время перваго штурма, 24-го сентября 1914 г., когда было задумано взять съ налета первоклассную крѣпость, опытъ, окончившійся, конечно, полной неудачей.

*
* *

Какая причина заставила сдаться ее впоследствии, вооруженную громадной артиллеріей, при запасѣ снарядовъ, которыхъ хватило бы по меньшей мѣрѣ, на годъ осады?

Продовольственныхъ запасовъ осталось тоже не мало. Передъ сдачей австрійцы утопили, въ огибающей крѣпость рѣкѣ Санѣ, массу пищевыхъ продуктовъ и все-таки всего утопить не могли. Запасы свѣжаго мяса были еще очень велики, судя по тому количеству лошадей, которое попало намъ въ руки. На оборудованныхъ конебойняхъ, въ моментъ сдачи, мы видѣли очень большое количество заготовленнаго конскаго мяса. Оставалось тоже и нѣкоторое количество хлѣбныхъ запасовъ въ видѣ, твердыхъ какъ камень, галетъ изъ бѣлой муки, которыя при умѣломъ приготовленіи быстро превращались въ мягкій и очень вкусный бѣлый хлѣбъ.

Насколько намъ удалось выяснитъ изъ разговоровъ съ плѣнными, главной причиной сдачи крѣпости было паденіе дисциплины въ войскахъ, послѣ неудачныхъ попытокъ гарнизона прорваться сквозь осаждающее кольцо русскихъ войскъ, на соединеніе со своими Карпатскими арміями.

Духъ войскъ упалъ окончательно. Въ частяхъ поднялся ропотъ, начали открыто высказываться всякаго рода неудовольствія, появилось между разными народностями вражда.

Пала дисциплина, пала и крѣпость.

На нашемъ форту разбросано много всякаго имущества и казеннаго, и частнаго.

Повсюду валяются револьверы всевозможныхъ системъ и наши солдаты нанесли ихъ цѣлую кучу, вполнѣ исправныхъ, которую я тутъ же роздалъ желающимъ офицерамъ. Очень много валяется сѣдель, къ сожалѣнію изрѣзанныхъ, изрубленныхъ, приведенныхъ въ полную негодность. Въ офицерскомъ собраніи стоитъ, изрубленный топоромъ, рояль.

Проходя мимо пьющихъ чай телефонистовъ, я обратилъ вниманіе на чайную ложечку, которую размѣшивалъ въ кружкѣ сахаръ телефонистъ Ячменевъ.

— Откуда у тебя эта ложечка?

— На форту взялъ, В. В. Да тамъ мы нашли много такихъ ложекъ и маленькихъ и большихъ. Были ножи, вилки.

— Гдѣ-же они?

— Въ Санъ побросали, В. В.

— Зачѣмъ-же?

— Да что въ нихъ толку, вѣдь они не серебрянные.

А почему ты думаешь, что не серебрянные?

Пробы никакъ нѣтъ.

— Что-же ты думалъ, на астрійскомъ серебрянѣ найти русскую пробу?

Отъ такого вопроса, всѣ мои телефонисты только раскрыли рты: вотъ такъ штука.

У русскаго простолюдина часто встрѣчается одна особенность: все, что по его мнѣнію, ему не можетъ пригодиться, онъ никогда не оставитъ лежать спокойно на своемъ мѣстѣ. Онъ непременно все это уничтожитъ или испортитъ. Это явленіе на войнѣ приходилось наблюдать постоянно и противъ него не дѣйствовали никакія мѣры.

По узкой дорожкѣ, съ однимъ изъ своихъ офице-

ровъ, поднимаюсь вверхъ на фортъ Навстрѣчу солдатъ 6- батареи, съ австрійской винтовкой въ рукахъ.

— Ты куда винтовку несешь?

— Разрѣшите доложить, В. В., всѣ наши что ни будь принесли съ форта, ничего не нашель, такъ вотъ хоть винтовку, значитъ.

— Зачѣмъ она тебѣ? Съ собой, послѣ войны, домой повезешь, что-ли?

— Никакъ нѣтъ. Она мнѣ совсѣмъ не нужна, а только обидно какъ то: всѣ наши что ни на есть, а несутъ съ форта, а я вотъ, неудачный. Хоть винтовку, думаю, все въ рукахъ что какъ будто несу.

— Брось и ступай въ батарею.

Солдатъ былъ, видно, очень огорченъ моимъ приказаніемъ. Съ сердцемъ швырнулъ винтовку въ сторону и съ пустыми руками поплелся въ батарею.

* * *

Изъ города пріѣхалъ поручикъ К.

— Разрѣшите взять нѣсколько солдатъ и съѣздить за лошадьми. Я узналъ, что здѣсь имѣется нѣсколько казенныхъ конюшенъ. Въ одну я даже заходилъ. Масса лошадей. Правда лучшихъ уже успѣли увести кавалеристы, но все же есть еще очень хорошія лошади. Австрійскій вахмистръ, завѣдывающій этой конюшней, обѣщаль мнѣ выбрать лучшихъ. Все равно, всѣхъ разберутъ наши войсковыя части.

— Отлично, поѣзжайте.

Лошади всегда очень нужны и я, съ большимъ удовольствіемъ, пополнилъ нашъ батарейный конскій запасъ десяткомъ плѣнныхъ австрійскихъ лошадей, приведенныхъ поручикомъ К. Эти лошади были очень худы. Видно въ фуражѣ для нихъ въ крѣпости былъ большой недостатокъ.

* * *

Мы простояли на мѣстѣ одни сутки. На слѣдующій день дивизія получила приказаніе выступить изъ

крѣпости и расположитья въ окрестныхъ селеніяхъ, для подготовки къ походу въ Карпаты.

Прощай Перемышль! Прощайте насиженныя мѣста, ставшія какъ бы родными. Знакомыя горы, покрытыя пихтовымъ лѣсомъ, знакомыя рѣчки, ручьи, знакомыя селенія.

Жгучая радость побѣды смѣнилась тихою грустью, навѣянною неизбѣжной разлукой съ мѣстами, ставшими близкими, дорогими. гдѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ, такъ было много пережито, перечувствовано, передумано.

5. Въ Карпатахъ.

Обозъ, увеличившійся раза въ три противъ нормы, почти уложенъ, но, въ послѣднюю минуту, является Бушмакинъ и докладываетъ, что имущество никакъ не укладывается въ повозки и онъ не знаетъ, что дальше дѣлать.

Иду самъ и провѣряю укладку. Изъ первой повозки выволакиваю около десятка австрійскихъ винтовокъ, изъ второй, крѣпостной пулеметъ. Растерянный Бушмакинъ не знаетъ, какимъ образомъ все это попало въ укладку.

Разворотивъ весь обозъ и выбросивъ довольно значительное количество ненужныхъ вещей, вопросъ съ укладкой повозокъ уладилъ.

13-го марта, въ 5 часовъ утра, батарея выступила въ походъ, присоединившись къ общей колоннѣ съ пѣхотой. Но какъ трудно идти: все время сдерживаемъ лошадей, налѣзающихъ на впереди идущую пѣхоту. По временамъ приходится даже останавливать батарею.

Первый переходъ совсѣмъ небольшой: невдалекѣ отъ Перемышля, въ селеніи Бирча, колонна останавливается на ночевку.

Здѣсь новая бѣда: шедшая впереди пѣхота заняла всѣ жилия помѣщенія, оставивъ для насъ какія то открытыя конюшни. И то слава Богу, — хоть лошадей поставили подъ крышу.

Ночью сильный холодъ. Примостившись кучками

около лошадей, мы всё стучимъ зубами. Спать хочется, но заснуть невозможно.

* * *

— В. В.

Я поднимаю голову. Около меня стоитъ фельдфебель.

— В. В., пожалуйста къ намъ. Мы нашли пустую избу. согрѣйтесь немного.

Я беру съ собою офицеровъ и мы направляемся за ведущимъ насъ фельдфебелемъ, къ одиноко стоящему домику, въ густомъ фруктовомъ саду. !ще издали мы замѣчаемъ привѣтливо мелькающей изъ окна свѣтъ, сразу измѣнившій наше настроеніе. При нашемъ входѣ, всё находившіеся въ этой избѣ солдаты встали и очистили для насъ за столомъ мѣсто. Передъ нами откуда то сразу появились жестяныя кружки съ дымящимся чаемъ, которыя мы сейчасъ же охватили ладонями рукъ, чтобы согрѣться.

Я оглядываюсь: небольшая комната заполнена солдатами 6-й батареи: Бушмакинъ, Малининъ, два писаря и человѣкъ, десять изъ орудійной прислуги.

— Ну что же, садитесь, други, всёмъ мѣста хватить.

— Замерзли, В. В?

— Холодно. Это намъ урокъ: надо заранѣе высылать своихъ квартирьеровъ и не полагаться, въ этомъ случаѣ, на пѣхоту. Слава Богу, что лошади хоть подъ крышей.

— Такъ точно, В. В. Человѣкъ что? . . . Человѣкъ, ужъ если негдѣ согрѣться, такъ накинеть на себя что ни попало, али чаю горячаго выпьетъ. А лошадь сердешная что сдѣлаетъ? Такъ и будетъ стоять и мерзнуть. Тоже, хоть и скотина, скажемъ, а чувствуетъ.

— Вѣстимо чувствуетъ, — раздаются одобрительные голоса по поводу послѣдняго замѣчанія доморощеннаго философа.

— Изба-то курная, — оглядѣвшись попристальнѣе и замѣтивъ закоптѣлыя стѣны и потолокъ, замѣтилъ я.

— Такъ точно, курная. По старинкѣ живутъ, — безъ трубы.

— Это неправильно, В. В., — вступился за свою старину, сидѣвшій до сихъ поръ молча въ углу, наводчикъ Варенковъ. — У насъ у старовѣровъ, все по старинкѣ ведется, а избы завсегда съ трубами. И большія, свѣтлыя, чистыя избы.

— Все по старинкѣ, ты говоришь? Новаго не любите ничего?

— Глядя на то, какое новое такое, В. В. Мы и новое приедемъ и любимъ, если хорошее, да Богу угодное. Вотъ ты говоришь, что замерзъ, — обратился Варенковъ къ одному изъ солдатъ. — и ты думаешь, что это такъ зря холодъ такой собачій сегодня ночью Господь намъ послалъ? Пьянствуете, ругаетесь словами непотребными, прости Господи. Господь Богъ то все видитъ, все слышитъ и послалъ на насъ, за грѣхи наши, свой холодъ. А теперь вотъ стучи зубами, дрожи.

А новое, да хорошее мы любимъ, В. В. Вотъ, къ примѣру сказать, провели черезъ нашу деревню телеграфъ. Столбовъ понаставили, проволоку по столбамъ протянули. И у моей избы прошла проволока, по надъ самымъ окномъ. Вернешься, бывало, съ работы, ребята тутъ играютъ, сядешь у окна на скамейку, а проволока то поетъ, да тихо такъ поетъ, точно Господа славить. Ну и приятно, да весело станетъ, душу ласкаетъ иѣсня то эта. Нѣтъ, В. В., и новое бываетъ хорошее.

— Послушай Илья Емельяновичъ, у тебя то вѣдь дома осталась цѣлая куча ребятъ?

— Такъ точно, В. В., шестеро.

— Такъ вотъ что: хочешь въ обозъ?

Покорнѣйше благодарю, В. В., а только какъ Богу угодно. Попалъ я въ наводчики, значитъ такъ на-

до, а если буду убитъ, такъ на то воля Господня, — отвѣтилъ мнѣ, на мое предложеніе, бомбардирь-наводчикъ Варенковъ.

*
* *

Свѣтлое весеннее солнце играетъ яркими зайчиками на колеблющихся штыкахъ, густымъ лѣсомъ двигающихся по широкому Галиційскому шоссе, размягшему отъ весенней влаги. Еле тащится наша пѣхота, все время увязая въ липкой грязи размолотой глинистой дороги.

Колонна давно уже потеряла свой стройный воинскій видъ: люди забрызганы грязью, шинели подоткнуты, ружья все время переключаются съ одного плеча на другое, ряды разстроились.

Люди грызутъ сухари: выбросить жаль, а тащить на себѣ тяжело. — и такъ, чего только на нихъ не навѣшано.

— Эхъ, и жизнь же собачья! Мучаешься, мучаешься а зачѣмъ? Дойдешь до мѣста, тамъ тебя и убьютъ. За смертью своею идешь.

Это замѣчаніе какого то идущаго нѣсколько впереди меня пѣхотнаго солдата осталось безъ отвѣта. Сейчасъ не до разговоровъ: дойти бы только поскорѣй до ночлега, лечь и отдохнуть.

Съ завистью смотреть на нашихъ артиллеристовъ, идущихъ налегкѣ или сидящихъ верхомъ на лошадяхъ. Намъ тоже не легко: движеніе наше стѣснено пѣхотой, колеса орудій и ящиковъ чуть не по ступицу врѣзались въ грязь. Орудія и ящики увязаютъ, останавливаются. Идемъ какими то толчками.

— Пропустить артиллерию впередъ!

Сразу воспрянула духомъ батарея. Намъ разрѣшено двигаться самостоятельно, безъ пѣхоты. Давно бы такъ.

*
* *

Вьется широкой желтой полосой дорога по узкой

лощинѣ, сдавленной съ боковъ длинными горными хребтами. Рядомъ съ дорогой горная рѣчка серебристыми струями льется по камушкамъ. Влѣво, въ полъ горы, по узкому карнизу, движется поѣздъ. Какіе маленькіе вагончики, словно игрушечные. Сѣсть бы въ такой вагончикъ и укатить далеко, туда, на сѣверъ, гдѣ нѣтъ никакихъ горъ, гдѣ спитъ еще природа подъ бѣлой пеленой своею зимнею спячкой.

Здѣсь же, въ горахъ, солнце грѣетъ уже сильно. Жарко становится. Южные склоны горъ покрываются уже свѣжею зеленью.

Дорога пошла въ гору. Переѣхали рѣчку и начался подъемъ.

Винтомъ идетъ дорога. Какъ странно: какъ будто вертимся все на одномъ мѣстѣ, только поднимаемся все выше и выше. Все больше и больше открывается горизонтъ, становится все холоднѣе.

На самой вершинѣ хребта тощія, корявыя сосны, можжевельникъ и снѣжная вьюга. Хлопьями валить мѣрый снѣгъ, залѣпляетъ лицо, глаза. Рѣзкій холодный вѣтеръ рѣжетъ руки, пальцы не чувствуютъ поводыевъ лошади.

Одиноко высится столбъ съ прибитой доской. На одной сторонѣ надпись: «Галиція», на другой — «Венгрія». Мы проходимъ черезъ главный Карпатскій хребетъ. Дорога тѣмъ же винтомъ спускается внизъ. Опять весна, опять тепло, опять липкая грязь.

— Выслать впередъ квартирьеровъ!

Черезъ часъ на сельской площади, дивизионъ выстраивается въ резервную колонну. Мѣстные жители съ любопытствомъ разсматриваютъ насъ, а мы ихъ. Мы сразу видимъ, что передъ нами уже другой народъ, другой типъ, другая одежда. У всѣхъ синія куртки съ мѣдными пуговицами въ два ряда, расшитыя по швамъ красными кантами. У мужчинъ синія брюки съ краснымъ кантомъ, у женщинъ — синія юбки съ красной каймой.

Насъ гонять усиленными переходами верстъ по 45—50 въ день. Дорога нѣсколько лучше: шоссе въ сильно испорченныхъ мѣстахъ ремонтируется, т. е. по размолотой глинѣ съ камнемъ укладываютъ свѣже-срубленные стволы деревьевъ. Получается бревенчатая мостовая, на которой, конечно, пушки не вязнуть, но зато отъ постоянныхъ толчковъ сильно страдаютъ ноги и плечи лошадей.

Мы идемъ съ ранняго утра, почти безъ остановокъ, и даже безъ большого привала. Какіе виды, какія картины открываются передъ нашими взорами! Мы не замѣчаемъ даже всѣхъ трудностей настоящаго похода, пораженные этой волшебной, сказочной панорамой, окружающей насъ.

Чуть ли не отъ самыхъ нашихъ ногъ, отъ шоссе, обрывомъ внизъ, спускается громадная котловина, вся поросшая густымъ, густымъ кустарникомъ. Море сплошной яркой, только что распустившейся, зелени колыхается, переливаясь разными красками, подъ скользящими лучами весенняго солнца, подъ напоромъ легкаго, ласкающаго вѣтра. Вдали, въ облакахъ сгустившихся испареній, какъ бы изъ легкой пѣны, выступаютъ массивы и хребты блестящихъ горъ, увѣнчанные яркой бѣлой снѣговой пеленой.

— Какой красоты только нѣтъ у Господа Бога. Разсказать, примѣрно, у насъ въ селѣ, такъ, почитай, никто не повѣритъ, — слышу сзади себя голосъ одного изъ развѣдчиковъ.

— А у насъ въ Россіи развѣ не бываетъ красиво? Ну, хотя бы когда осень расцвѣтитъ по разному листья у нашего лѣса?

— Такъ то оно такъ, В. В., и у насъ красиво бываетъ, да красота у насъ не та, не здѣшняя, не диковинная.

Горныя виды постепенно сѣрѣютъ, исчезаютъ въ надвигающихся сумеркахъ. Мозгъ начинаетъ работать

уже только въ одномъ направленіи: скоро ли дойдемъ до ночлега?

Наступаетъ ночь, мы все идемъ. Сколько верстъ мы прошли сегодня? Ноги затекли въ сѣдлѣ, усталыя вѣки сами смыкаются, на моментъ засыпаешь и начинаешь валиться съ сѣдла. Вздрагиваешь и просыпаешься. Сегодня необыкновенно длинный переходъ, нѣтъ конца переходу, не два ли соединили въ одинъ?

Мы входимъ въ какое то селеніе.

— Квартирьеры впередъ!

Слава Богу, значитъ сегодня переходъ кончается.

Дивизионная колонна останавливается и сразу засыпаетъ. Спятъ, опустивъ головы, усталыя лошади, у ихъ ногъ, прямо въ дорожной пыли и грязи, спятъ ѣздовые, орудійная прислуга спитъ у своихъ орудій.

Влѣво чернымъ силуетомъ высится какое то двухъэтажное зданіе, въ одномъ изъ оконъ тускло свѣтитъ огонь. Мы, офицеры, входимъ въ незапертыя двери и растягиваемся прямо на полу, въ корридорѣ.

— Кто здѣсь? Господа, ради Бога, уходите скорѣе отсюда. Здѣсь холерная больница!

Никто изъ насъ даже не попытался подняться. Холерная, такъ холерная, не все ли равно? Мы смертельно устали и хотимъ спать.

Дивизионъ опять на походѣ. Темно, идетъ дождь. Насъ встрѣчаютъ наши квартирьеры. Свободныхъ помѣщеній нѣтъ. Дивизиону отведенъ подъ бивакъ участокъ вспаханнаго поля.

Изъ темноты выступаютъ силуеты построекъ. Мы кончаемъ походъ и подходимъ къ конечному пункту, небольшому венгерскому городку Мезо-Лаборчи.

Ночью подъ дождемъ, при свѣтѣ фонарей, на липкомъ, вязкомъ вспаханномъ грунтѣ, батарея растягиваетъ коновязи и ставитъ мокрыя палатки. Нечего сказать, перспектива отдыха, послѣ такого перехода, не богатая. У солдатъ ни коекъ, ни соломы, — однѣ только мокрыя шинели и сѣдла.

Кто то предлагаетъ пошарить въ окрестностяхъ,

поискать свободную деревню. Квартирьеры опять скрылись въ темнотѣ.

Подъ утро дивизионъ расположился на отдыхъ по избамъ большой венгерской деревни.

*
* *

Мезо-Лаборчъ, — разбитый снарядами, частью сожженный, небольшой городокъ. Жителей нѣтъ. Всѣ они давно уже покинули свои дома и куда то исчезли.

Всѣ уцѣлѣвшія зданія заняты разными штабными учреждениями, лазаретами и квартирами чиновъ разныхъ штабовъ.

Дивизионъ проходитъ этотъ городокъ съ уцѣлѣвшими вывѣсками на непонятномъ намъ языкѣ.

Передъ нами, подъ угломъ другъ къ другу, два узкихъ ущелья: прямо — долина рѣки Вильсавы, влѣво — долина рѣки Виравы. Дивизионъ поворачиваетъ влѣво, и вскорѣ подходитъ къ деревнѣ Старковцы, гдѣ на позиціи стоитъ 19-я пѣхотная дивизія.

Мы должны смѣнить эту дивизію. Батареи смѣняютъ соотвѣтствующіе номера батарей 19-ой Артиллерійской бригады.

*
* *

Лучи утренняго весенняго солнца залили золотомъ небольшую площадку, находящуюся высоко въ горахъ.

Какой дивный воздухъ, какъ мягко, ласково грѣетъ солнце.

Мы съ командиромъ 5-ой батареи подполковникомъ А. В. Васильевымъ растянулись на свѣжей, только что пробившейся травкѣ.

Вонъ тамъ, внизу, стоятъ рядомъ обѣ наши батареи и мы наблюдаемъ, какъ наши солдаты кипятятъ на кострахъ свои чайники.

Загудѣлъ телефонъ.

— Что такое? . . Атака? . . Когда? . .

— Ровно въ 10 часовъ утра приказано начать подготовку атаки. Свѣрьте часы, господа.

— А наша пѣхота? . . Вѣдь они прямо съ похода?

— Что подѣлаешь? Приказано, и весь разговоръ.

Въ 10 часовъ утра дивизионъ загремѣлъ. Горное эхо, подхватывая звуки орудійныхъ выстрѣловъ, разноситъ ихъ далеко по лощинамъ и горнымъ проходамъ и получается одинъ сплошной гулъ, какъ будто бы всѣ горы уставлены стрѣляющими пушками.

— 6-ой батареѣ выбить австрійцевъ изъ деревни Вирава!

Деревня Вирава влѣво. Она хорошо мнѣ видна. Я вижу даже, какъ прячась за избами и за изгородами деревни, перебѣгаютъ австрійцы въ своихъ голубо-сѣрыхъ мундирахъ.

Снаряды 6-ой батареи покрываютъ деревню Вираву. Деревня горитъ, австрійцы спѣшно отходятъ. Я вижу, какъ батальонъ нашего 4-го полка, бѣгомъ съ ружьями наперевѣсъ, занимаетъ деревню и тушитъ пожаръ.

6-я батарея соединяетъ огонь своихъ орудій съ 4-ой и 5-ой, бьетъ по хребту, занятому австрійской пѣхотой. Разрывы мнѣ плохо видны. Н. А. Тиличевъ въ пѣхотныхъ окопахъ корректируетъ стрѣльбу батареи. Австрійскія гранаты рвутся все ближе и ближе къ позиціи 6-ой батареи. Дымъ на самой батарее. . . Въ пѣхотномъ прикрытіи смятеніе, выносятъ раненыхъ. Еще одна граната туда же ударила.

— Убрать прикрытіе за батарею, къ деревнѣ!

— Усилить огонь! . .

Бѣлой пеленой заволокло австрійскій хребетъ. Бѣлое облако стоитъ какъ бы на мѣстѣ, прикрывая отъ глазъ австрійцевъ нашъ 1-ый полкъ, бѣгомъ идущій въ атаку.

Вся дивизія двинулась.

Люди, какъ муравьи, лѣзутъ на скалы. Цѣпляясь за выступы скалъ, за вѣтки кустовъ, живыя волны людей быстро поднимаются все выше и выше, постепенно очищая подножья австрійскихъ высотъ, покрытыя тоже тѣлами людей, но недвижимыхъ.

Австрійцы встрѣчаютъ атаку разрывными пулями, бѣлыми дымками которыхъ, какъ падающими снѣжинками, усеяны склоны австрійскихъ позицій. Пули ихъ рвутся при легкомъ прикосновеніи къ самымъ тонкимъ вѣткамъ кустовъ.

Нашихъ пѣхотныхъ солдатъ уже не остановить: проснулось стадное чувство, вызванное общимъ порывомъ, злобой и запахомъ крови.

Люди забыли свой человѣческій обликъ, звѣрь вышелъ наружу.

Полки уже въ полъ горы. Жестоко ихъ бьетъ артиллерія противника. Люди мелькаютъ въ дыму, срываются, падаютъ, вновь поднимаются и лѣзутъ все вверхъ и вверхъ. Вотъ они уже у самой вершины. . .

— Ура! . .

Дивизія въ окопахъ противника. Идетъ рукопашный, беспощадный бой разъяренныхъ людей. Безумная рѣзня среди умалишенныхъ.

Въ своемъ стремительномъ движеніи, живымъ потокомъ, дивизія проносится черезъ нѣсколько горныхъ хребтовъ, ломая и снося все преграды и останавливается только передъ спускомъ въ широкую уходящую вдаль, Венгерскую равнину.

*
* *

Нашъ дивизионъ молчитъ уже давно. Наша задача была уже рѣшена при взятіи первыхъ высотъ. Быстро подняться на горы и тѣмъ помочь въ дальнѣйшемъ продвиженіи нашей пѣхотѣ, мы не въ состояніи. Мы здѣсь прикованы, во время боя, къ мѣсту.

Кучка плѣнныхъ, при двухъ конвоирахъ, проходитъ мимо батареи. Плѣнные въ фескахъ.

— Турки! — равняясь со мной, радостно кричитъ передній конвойный.

— Мы боснійцы, — отдавая мнѣ честь, говоритъ плѣнный офицеръ.

Я гляжу ему вслѣдъ и вижу у него на спинѣ большое пятно запекшейся крови.

На камнѣ одиноко сидитъ и горько плачетъ раненый австрійскій солдатъ. Въ рукахъ у него фотографическая карточка женщины съ двумя дѣтьми.

Онъ умереть отъ потери крови и отъ голода. Я приказываю своимъ людямъ взять его на носилки и отнести на перевязочный пунктъ. Австріецъ радостно улыбается, вытираетъ рукой свои слезы и размазываетъ грязь по своему закопѣлому лицу.

— В. В., какой тамъ красавецъ лежитъ, офицеръ ихній, убитый. На самой на ихней на батарееѣ лежитъ, знать тоже нашъ братъ артиллеристъ. И нашимъ же артиллерійскимъ снарядомъ убить.

Красавца смотрѣть я все же не пошелъ.

* * *

Залитые потоками нашей и австрійской крови Карпаты пройдены. Передъ нами манящая насъ равнина.

Далеко, далеко тянется совершенно ровная степь. На горизонтѣ видны селенія. Душа стремится туда, за эти селенія. Чудятся новые, невиданные еще города по которымъ наша судьба, какъ будто, уже указываетъ намъ нашъ побѣдный путь. Будапештъ. . .

Двѣ полосы стальныхъ рельсъ. блестя на солнцѣ, уходятъ куда то вдаль. Тамъ вдали виднѣется желѣзно-дорожная станція Гуменно. Къ ней, къ этой станціи, подходятъ поѣзда. Это воинскіе эшелоны. Быстро выскакиваютъ изъ вагоновъ люди, сбрасываютъ въ кучи аммуницію, шинели и выстраиваются. Эшелонъ за эшелономъ подходитъ къ станціи, пустые сейчасъ же куда то отходятъ.

Люди движутся. Они разворачиваются въ боевой порядокъ. Они направляются къ намъ.

Яркое солнце скользитъ своими лучами по движущимся густымъ цѣпямъ противника, освѣщаетъ ихъ мгновенно засверкавшіе головные уборы.

— Каски! . . Германцы! . .

Лица сразу стали серьезными. Разговоры замолкли.

Германцы все ближе. Ихъ артиллерія уже открыла огонь: со свистомъ пронесся первый снарядъ и лопнулъ въ воздухѣ, не долетѣвъ до нашихъ позицій.

А тамъ, въ далекой Россіи, въ это же время всюду гудятъ колокола, оглушая воздухъ пасхальнымъ звономъ и, изъ конца въ конецъ несетъ радостное «Христосъ Воскресе».

Плечо къ плечу наступаютъ германцы. Наши шрапнели вырываютъ изъ ихъ строя цѣлыя кучи. Они не останавливаются и двигаются дальше, оставляя на мѣстѣ убитыхъ и раненыхъ.

Дивизія уже въ дыму отъ рвущихся снарядовъ противника. Германцы поднимаются въ гору. Уже работаютъ пулеметы, винтовки. Силошной гулъ отъ выстрѣловъ, дымъ, огонь. Цѣлыми шеренгами, какъ скошенные, падаютъ атакующіе. На мѣстѣ упавшихъ появляются новые и упорно лѣзутъ наверхъ. Кучи сраженныхъ все растутъ. На мертвыхъ падаютъ новые мертвые, давятъ подъ собою раненыхъ. Убитые, раненые, живые — здоровые люди срываются съ кручъ и падаютъ въ пропасти.

Германцы уже близко. Въ нашихъ окопахъ волненіе. Страшно, — люди теряются, не выдержатъ. . .

5-й батареи прапорщикъ Олсуфьевъ вскакиваетъ открыто на брустверь. Люди приходятъ въ себя, огонь ровнѣе, огонь усиливается. Германцы не выдерживаютъ и скатываются внизъ.

Прапорщикъ Олсуфьевъ мертвый падаетъ съ бруствера въ окопъ, убитый наповалъ шрапнельной пулей, попавшей въ голову.

Мимо меня проводятъ офицера. Я узнаю его: это прапорщикъ-артистъ 2-го полка, жившій подъ Перемышлемъ вмѣстѣ съ полковникомъ Ермолаевымъ.

— Вы ранены, прапорщикъ?

Дикими, блуждающими глазами смотритъ онъ на меня и ничего не отвѣчаетъ.

— Они не въ себѣ, — тихо говоритъ одинъ изъ солдатъ, провожающихъ прапорщика.

— Господи! Я вижу предъ собой сумасшедшаго.

Ночь приноситъ нѣкоторый покой измученнымъ людямъ. Пахнетъ кровью, отъ запаха крови кружится голова.

* *
*

5 часовъ утра. Чуть свѣтаетъ. Изъ низинъ поднимаются испаренія и бѣлымъ облакомъ закрываютъ склоны горъ. Ихъ гребни, какъ острова изъ пѣны морской, рѣзко выступаютъ изъ пелены испареній.

Германскіе снаряды уже гудятъ, цѣлыми массами разсѣкая воздухъ, разворачиваютъ наши окопы и наполняютъ ихъ жаромъ и дымомъ.

Прижалась къ брустверу наша пѣхота; винтовки, сплошной стальной щетиной, торчатъ изъ околовъ навстрѣчу наступающимъ германцамъ. Опять они идутъ сплошнымъ строемъ въ облакахъ нашихъ шрапнельныхъ разрывовъ. Сколько ихъ. Еще больше, чѣмъ вчера: за ночь прибыли новыя силы. Германцы налегкѣ, — въ однихъ лишь мундирахъ, только съ винтовками въ рукахъ.

По трупамъ переднихъ, не останавливаясь, не залегая, быстро подвигаются германскія цѣпи. Опять лѣзутъ вверхъ, опять заработали наши винтовки и пулеметы, сплошной молніей сверкаютъ огни выстрѣловъ въ черномъ дыму.

Устали наши люди въ окопахъ. Падаютъ не только убитые и раненые, но и заснувшіе отъ усталости, отъ истощенія. Спать подъ огнемъ, но проснутся ли они еще къ жизни?

Атака идетъ за атакой. На смѣну уставшимъ, отбитымъ появляются новые, свѣжіе.

Командующій Арміей, генераль Радко-Дмитріевъ, подъ огнемъ въ окопахъ, раздаетъ солдатамъ Георгіевскіе кресты.

— Потерпите, герои, еще немного, — скоро будетъ вамъ смѣна.

— Выдержимъ, В. В., Богъ не выдастъ.

Второй день ярыхъ германскихъ атакъ прошелъ благополучно. Всѣ атаки отбиты.

*
* *

Уже третьи сутки германцы безуспѣшно, но упорно атакуютъ нашу дивизию. Тѣлами ихъ покрыты всѣ склоны, цѣлыя кучи тѣлъ навалены въ пропастяхъ. Раненыхъ не выносятъ изъ боя: это сдѣлать совершенно невозможно и раненые задыхаются подъ тѣлами убитыхъ, другіе умираютъ истекая кровью, безъ капли воды, съ лицами, искаженными страшными гримасами отъ невѣроятныхъ мученій.

Дивизиі приказано перейти въ контръ-атаку.

Напрасно командиры полковъ доказываютъ начальнику дивизиі, что невозможно, что люди измучены, голодны. Приказаніе остается въ силѣ и дивизия встаетъ. Вяло, безъ всякаго душевнаго подъема, одновременно выходятъ полки изъ окоповъ, связь между ними сразу теряется. Дивизия утонула въ дыму разрывовъ германскихъ снарядовъ.

Что происходитъ тамъ? Ничего невозможно ни разобрать, ни понять. Мимо наблюдательнаго пункта бѣгутъ одиночные люди:

— Погибли! . . Дивизия погибла! . . Нѣмцы всѣхъ рѣжутъ!

— Господинъ полковникъ, вы слышите? — обращаюсь я къ прибывшему на пунктъ командиру дивизиона.

— Чепуха. Я только что, по телефону, получилъ извѣщеніе, что у насъ все благополучно.

Въ нашихъ пѣхотныхъ окопахъ появляются какіе-то люди. Они начинаютъ спускаться въ долину, гдѣ стоятъ наши двѣ батареи.

— Господинъ полковникъ, это нѣмцы. Разрѣшите снять батарею съ позиціи.

— Нѣтъ, это наши.

— Ахъ, наши? Ну, хорошо. . . 6-я батарея, прямой наводкой, бѣглый огонь! . .

Пока 6-я батарея, своимъ огнемъ, сдерживасть появившихся на склонахъ германцевъ и очищаетъ отъ нихъ эти склоны. 5-я батарея галопомъ уходитъ съ позиціи. У орудій стрѣляющей 6-й батареей собирается кучка, человекъ пятьдесятъ, уцѣлѣвшихъ пѣхотинцевъ. Это все, что осталось отъ нашей дивизіи, не считая 1-го батальона 2-го полка, бывшаго въ это время въ отдѣлѣ и раненыхъ, раньше вышедшихъ изъ боя. Люди смертельно измучены, они прямо валяются на землю.

Странная психологія у этихъ людей: у своихъ орудій они уже чувствуютъ себя внѣ опасности и медленно успокаиваются.

Пользуясь временемъ, когда подъ огнемъ батареи нѣмцы спѣшно очищаютъ склоны, 6-я батарея, тоже галопомъ, покидаетъ позицію, но уходитъ недалеко: за деревней Старковцы она натывается на стоящую 5-ю батарею. Шоссе впереди забито, точно пробкой, въ паникѣ пытавшимися уйти обозами, повозки которыхъ конечно сцѣпились колесами. Эту пробку никакъ нельзя сдвинуть съ мѣста, нельзя никакъ и объѣхать: по бокамъ шоссе широкія и глубокія канавы, залитыя жидкой грязью. За ними поля, превращенныя въ топъ.

Темнѣетъ. Неужели батарея должна здѣсь погибнуть? Насъ сейчасъ возьмутъ германцы. Мы стоимъ только въ полуверстѣ отъ деревни Старковцы, уже занятой нѣмцами. Мы слышимъ ихъ крики въ деревнѣ.

1-е орудіе съ передка, налѣво кругомъ! . . Трубка на картечь! . .

— Господинъ капитанъ, нельзя этого сдѣлать: за первымъ орудіемъ еще зарядный ящикъ и двѣ телефонныя двуколки.

Что дѣлать? Сбросить зарядный ящикъ и двуколки въ канаву? Остаться безъ телефонной связи? А вдругъ какъ нибудь вылѣземъ.

— Распречь лошадей, вынуть замки изъ орудій. Ко мнѣ подходитъ командиръ 4-й батареи капитанъ Л. Н. Карабановъ. Рука у него виситъ, подвязанная какой-то грязной тряпкой.

— Что съ вами, Левушка?

— Контузили руку. У меня погнбло три орудія. Нельзя было вывезти, ихъ сбросили съ кручи въ пропасть. Большія потери у меня въ батареѣ: много убитыхъ и раненыхъ. Вы распрягли лошадей? Я тоже это сдѣлалъ. Будемъ ждать, что будетъ.

Проходить часъ въ полной тишинѣ.

Почему нѣмцы не высылаютъ хотя бы развѣдчиковъ? Они сразу увидѣли бы насъ.

Проходить еще часъ. Шумъ въ деревнѣ Старковцы затихаетъ.

Дорога свободна: часть повозокъ сброшена въ канавы. Дивизионъ спасенъ и тихо уходитъ.

* * *

Мы всѣ были увѣрены, что нѣмцы, уничтоживъ нашу дивизию, несмотря на наступающую ночь, немедленно же постараются развить свой успѣхъ, достигнутый такой дорогой цѣной, бросивъ въ образовавшійся прорывъ достаточное количество своей пѣхоты, хотя бы только съ полевой артиллеріей. Этимъ маневромъ они могли бы очень легко достигнуть крупнаго успѣха и захватить богатую добычу. Здѣсь у нихъ, безусловно, были большіе резервы. Но если бы они даже бросили въ прорывъ и небольшой отрядъ, то тогда, ничѣмъ не рискуя, надѣлали бы намъ немало хлопотъ и бѣдъ.

Сверхъ ожиданія и какъ будто бы вопреки здравому смыслу, они не выслали даже простой развѣдки и, увѣренные въ своей безопасности, не выставили сразу даже сторожевого охраненія.

Такое поведеніе непріятеля сильно насъ всѣхъ удивило и мы, въ то время, никакъ не могли объяс-

нить себѣ этого явленія. Впослѣдствіи, изучивъ во всѣхъ подробностяхъ характеръ наступательныхъ дѣйствій германцевъ, мы увидѣли, что, вопреки почему-то сложившемуся убѣжденію въ высокихъ качествахъ германской наступательной тактики, мы находившіеся съ ними въ постоянномъ соприкосновеніи въ теченіе 1915-1916 и начала 1917 годовъ, эту ихъ тактику расцѣнивали не всегда высоко.

Выходило такъ, какъ будто бы германскіе начальники выполняли всегда до точки детально разработанный планъ предстоящаго боя, но, достигнувъ рѣшенія порученной имъ задачи, они останавливались и къ развитію успѣха не приступали, какъ бы вслѣдствіи отсутствія у нихъ детально разработаннаго плана на случай этого успѣха и, какъ бы лишенные частной инициативы, самымъ преступнымъ образомъ постоянно пропускали случаи нанесенія отступающимъ, разстроеннымъ, часто даже разбитымъ, нашимъ частямъ окончательныхъ ударовъ.

Можетъ быть въ такихъ случаяхъ эта ихъ тактика сводилась только къ простой осторожности? Можетъ быть они, достигнувъ намѣченнаго успѣха, боялись или не хотѣли, въ дальнѣйшемъ, рисковать? Въ такомъ случаѣ ихъ осторожность была чрезмѣрной, такъ какъ давала намъ возможность, благодаря появившемуся у насъ времени, ликвидировать совершенно спокойно готовые уже прорывы нашего фронта. А затѣмъ часто бывало и такъ, что нѣмцы, въ дальнѣйшемъ своемъ наступленіи, въ этомъ же мѣстѣ вновь прорвать нашъ фронтъ были не въ силахъ, напрасно теряя въ людяхъ колоссальную убыль и останавливались нашими войсками въ своемъ движеніи впередъ до тѣхъ поръ, пока уже мы сами не покидали своихъ позицій.

Дивизионъ дошелъ до города Мезо-Лаборча и здѣсь

остановился, соединившись съ прибывшими изъ резерва 1-мъ дивизиономъ.

Положеніе создалось критическое: фронтъ цѣлой дивизіи открытъ для непріятеля. Фланги сосѣднихъ участковъ фронта не обезпечены и находятся подъ угрозой удара крупныхъ силъ противника. Никакихъ резервовъ для занятія этаго участка у насъ не оказалось.

Утромъ мы получили приказаніе занять фронтъ дивизіи своими орудіями въ три линіи: въ первой — 1-я и 2-я батареи, во второй — 3-я и 5-я въ третьей 6-я батарея. 4-я, потерявшая три орудія и понесшая крупную убыль, при контуженномъ командирѣ, была отведена нѣсколько въ тылъ для приведенія въ порядокъ и моральнаго отдыха.

Я получилъ приказаніе явиться къ командующему бригадой полковнику Попову:

— На васъ возлагается трудная задача, — заявилъ онъ мнѣ. — Дѣло въ томъ, что ожидается наступленіе противника. Батареи двухъ первыхъ линій получили приказаніе сдерживать это наступленіе до возможнаго предѣла, въ послѣдней крайности имъ дано разрѣшеніе отступить. Что же касается вашей батареи, то начальникъ дивизіи приказалъ передать вамъ, что онъ увѣренъ въ томъ, что 6-я батарея ни въ какомъ случаѣ со своей позиціи не сойдетъ.

6-я батарея должна открыть огонь по наступающему непріятелю только послѣ того, какъ батареи двухъ первыхъ линій свой огонь окончательно прекратятъ. Это дѣлается для того, что бы возможно дольше сберечь вашу батарею въ полной неприкосновенности.

Я собралъ людей и передалъ имъ слова начальника дивизіи.

— Что же, В. В., умирать, такъ умирать. Не мы первые, не мы и послѣдніе, какъ Господу будетъ угодно, — отвѣтили мнѣ мои старовѣры.

Мы стали ждать наступленія германцевъ, но по-

слѣдніе, окопавшись у насъ на виду, сейчасъ же за деревней Старковцы, не двигались.

Къ вечеру для занятія прорыва прибыли небольшія пѣхотныя части, надерганныя изъ сосѣднихъ участковъ. Эти части и заняли фронтъ нашей погибшей дивизіи.

Генераль Н. черезъ нѣсколько дней былъ отрѣшенъ отъ командованія дивизіей и больше мы его никогда не видали.

*
* *
*

Оставшись безъ пѣхоты, 6-я батарея получила приказаніе войти въ составъ 2-го дивизиона 19 Артиллерійской бригады, который стоялъ на позиціяхъ въ долинѣ рѣки Вильсавы.

Командиръ дивизиона полковникъ Дулухановъ принялъ батарею дружески и приказалъ стать у находящагося въ той же долинѣ небольшого католическаго монастыря, отъ котораго остались только стѣны, да внутри валялось множество, связанныхъ въ пачки, маленькихъ образковъ, которые одни лишь напоминали о былой тихой обители, превращенной въ настоящее время въ груды развалинъ.

Короткій періодъ стоянія батареи у монастыря былъ для нея періодомъ затишья въ боевой ея дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, періодомъ отдыха послѣ усиленныхъ переходовъ и непрерывныхъ боевъ послѣдняго времени.

Съ этой позиціи 6-я батарея одинъ только разъ открыла огонь, получивъ приказаніе приготовить атаку для одного изъ полковъ 19-й пѣхотной дивизіи.

Батарея долго обстрѣливала австрійскія позиціи но, наконецъ, видя, что пѣхота даже не собирается выходить изъ своихъ окоповъ, я спросилъ по телефону у командира полка, — когда полкъ пойдетъ въ атаку.

— А вы все еще стрѣляете?

— Ну, конечно.

— Благодарю васъ. Все уже кончено. Наша атака отбита.

Въ недоумѣніи я только пожалъ плечами. Встрѣтивъ затѣмъ одного изъ офицеровъ этого полка, спросилъ его, какимъ это образомъ ихъ атака была отбита, если ее, какъ будто бы, и не было совсѣмъ.

— Вотъ видите ту высоту? Она еще и сейчасъ покрыта вся мертвыми тѣлами людей Елецкаго полка. Вы слышали про это дѣло? Нѣтъ? Такъ вотъ, Елецкому полку, во исполненіе чьей то фантазіи, приказано было брать въ лобъ эту высоту. Полкъ пошелъ, высоты, конечно, не взялъ, но зато всю ее покрылъ своими трупами, и назадъ изъ полка вернулась только небольшая горсть людей. Такъ вотъ нашъ командиръ полка эту атаку видѣлъ своими глазами и у него отпала всякая охота повторять своимъ полкомъ подобный опытъ. Онъ попросту послалъ развѣдчиковъ, которые тамъ, для виду, немного пострѣляли и вернулись обратно, а командиръ полка донесъ, что атака отбита.

*
*
*

Въ первый же вечеръ пребыванія батареи у монастыря, я получилъ приказаніе отъ командира 19-ой бригады генерала Ханжина снять батарею съ позиціи и отвести ее на почевку назадъ къ замку «Краснобродъ».

Каково же было наше удивленіе, когда мы узнали, что 19-я бригада всегда отходить на почъ назадъ, оставляя свои боевыя позиціи.

Офицеры 19-ой бригады объяснили намъ, что ихъ командиръ бригады, генераль Ханжинъ, слишкомъ дорожить своей бригадой для того, чтобы совершенно безцѣльно, подвергать ее большому риску, оставляя на ночь на позиціяхъ. Онъ находитъ, что ночная стрѣльба, въ настоящихъ условіяхъ, бессмысленна и даже вредна, такъ какъ даетъ возможность противнику совершенно точно опредѣлять позиціи батарей.

Здѣсь, въ горахъ, небольшая группа развѣдчиковъ непріятели очень легко можетъ проникнуть на позицію батареи и надѣлать ей много вреда. Принимая все это во вниманіе, генераль Ханжинъ, въ такихъ случаяхъ, своихъ батарей на ночь на позиціяхъ не оставляетъ.

Такая заботливость всѣхъ насъ тронула, такъ какъ ничего подобнаго у себя мы никогда не видѣли. Нашъ командиръ бригады, очень добрый и мягкій человекъ, былъ крайне недѣятельнымъ и къ этому времени даже былъ уже отчисленъ отъ командованія бригадой. Что же касается начальника дивизіи генерала Н. то онъ свою артиллерію особенно не любилъ, что всегда и при всякомъ случаѣ подчеркивалъ и, конечно, уже не берегъ ее нисколько.

Въ началѣ Карпатскихъ боевъ, однажды генераль Н. подъѣхалъ верхомъ къ позиціямъ 5-й и 6-й батарей.

— Вы слишкомъ далеко стоите, — заявилъ онъ мнѣ, — извольте поставить свои пушки такъ, что бы отъ нихъ до артиллеріи противника было бы не дальше одной версты.

Прикажете, В. П., поставить орудія за непріятельскую пѣхоту?

Генераль ничего не отвѣтилъ, повернулъ лошадь и уѣхалъ. Мы остались, конечно, на мѣстѣ.

*
* *

Утромъ, со свѣтомъ, 6-я батарея опять на позиціи.

Съ наблюдательнаго пункта, общаго для нѣсколькихъ батарей, мы замѣчаемъ вдали, что къ одному изъ бѣлѣющихъ домиковъ небольшого селенія все время подъѣзжаютъ всадники. Видимо, это какой нибудь австрійскій штабъ. Жаль, что нѣтъ у насъ хотя бы одной 42-хъ линейной пушки: наши снаряды далеко не долетаютъ до этого селенія.

На участокъ прибыла тяжелая 6-ти дюймовая гаубичная батарея. Ея появленіе оживило нашу слишкомъ однообразную жизнь на наблюдательномъ пунктѣ: появилась возможность кое въ чемъ, хотя немного, насолить противнику, изрѣдка выпуская тяжелыя бомбы по наиболѣе чувствительнымъ мѣстамъ его позицій.

Австрійцы не пожелали остаться въ долгу и, отвѣтнымъ выстрѣломъ, попали подъ одну изъ нашихъ гаубицъ. Бомба взорвалась, подбросила гаубицу на воздухъ и перевернула ее вверхъ колесами, легко ранивъ двухъ человѣкъ изъ орудійной прислуги.

*
* *

Телефонный проводъ 6-ой батареи поврежденъ. Для починки его отправились два телефониста и пропали. Они вернулись только черезъ сутки.

— Гдѣ вы были?

— У австрійцевъ, В. В.

— Какъ такъ у австрійцевъ?

— Такъ точно. Мы пошли по проводу, нашли мѣсто, гдѣ онъ оборванъ, а затѣмъ стали искать другой конецъ. Искали, искали, и, зная, заплутались. Только идемъ, глядь, проводъ. Мы, значитъ, опять по проводу, да и зашли невѣсть куда. Глядимъ, — австрійцы. Мы въ кусты. Такъ въ кустахъ и посидѣли до ночи. Ячменевъ говоритъ: давай обрѣжемъ имъ проводъ, а потомъ разсудили, что и они значитъ, пошлютъ своихъ телефонистовъ, ну и наскочатъ на насъ. Такъ и оставили, не тронули ихняго провода. Потомъ ночью уже выбирались. Опять много плутали, насилу вышли къ своимъ.

*
* *

Настала весенняя безкормица. Интенданство совершенно прекратило отпускать фуража для лошадей натурой и предоставило объ этомъ заботиться самимъ, стоящимъ на позиціяхъ, частямъ.

Положеніе создалось критическое: въ ближайшемъ тылу нигдѣ нѣтъ ни клочка сѣна, ни зерна овса — все съѣли лошади тыловыхъ частей и организацій. Приходится искать фуража въ прифронтной полосѣ, въ селеніяхъ, раскинутыхъ въ горахъ.

Съ громаднѣйшими затрудненіями, по невѣроят-но дорогой цѣнѣ, мы кое-какъ добывали нѣкоторое количество сѣна. Овса, конечно, совершенно нигдѣ не было и лошади голодали.

Перевозка купленного сѣна производилась на вьюкахъ, для чего пришлось выдѣлать особыхъ лошадей, на которыхъ мы уже стали смотрѣть какъ на обреченныхъ. Чрезвычайно плохія горныя дороги, часто простыя тропы, подъемы и спуски, кормежка впроголодь, совершенно изнурили этихъ несчастныхъ животныхъ. Ихъ спины и плечи покрылись ранами, раздѣаемыми откуда-то появившимися мухами. Падежъ лошадей отъ безкормицы, не только вьючныхъ, назначенныхъ для подвозки фуража, но и расчетныхъ, сталъ явленіемъ обыкновеннымъ и бороться съ этимъ зломъ мы были совершенно безсильны. Лошади страшно исхудали, обезсилѣли и стали вялыми.

Только одинъ мой «Нарядный» все время сохранялъ вполнѣ свое тѣло и свою энергію. Секретъ его благоденствія вскорѣ открылся. Мой трубачъ Калинъ, попросту, воровалъ для него овесъ у сосѣднихъ частей, если таковой гдѣ — нибудь заводился, о чемъ Калинъ, по какому-то присущему лично ему чутью, сейчасъ же узнавалъ.

6-я батарея получила новое назначеніе: въ особый отрядъ генерала С. состоящей изъ 44-й пѣхотной дивизіи, съ приданнымъ къ ней, вмѣсто своей артиллеріи, дивизиономъ 33-й Артиллерійской бригады.

Въ полученномъ приказаніи было указано непремѣннымъ условіемъ батареѣ прибыть къ назначенному

пункту, въ с. Воля-Михова, не позже, чѣмъ черезъ двое сутокъ.

Рано утромъ батарея выступила въ походъ кратчайшимъ путемъ, по весеннимъ проселочнымъ дорогамъ, если не совершенно непроходимымъ. то во всякомъ случаѣ, проходимымъ только въ силу полученнаго приказа.

Несмотря на полное желаніе прибыть къ сроку, батарея употребила на этотъ путь, вмѣсто строго указанныхъ двухъ сутокъ, четыре и то прибывъ на мѣсто въ с. Воля-Михова, распряженные лошади стали отъ усталости ложиться.

Я явился къ начальнику отряда генералу С., большому тучному человѣку, который произвелъ на меня странное впечатлѣніе: ужъ очень много онъ сразу наобѣщаль, не имѣя еще никакого понятія о боевыхъ качествахъ, прибывшей въ его отрядъ, совершенно посторонней, батареи.

Я получилъ приказаніе немедленно смѣнить на позиціи 3-ю батарею 33-й Артиллерійской бригады, принявъ отъ нее всѣ пристрѣлочныя данныя.

Батарея, которую мы должны смѣнить, стоитъ довольно высоко въ горахъ, на выступѣ скалы, закрытой сосѣдними высотами. Позиція неудобная, тѣсная и поэтому я просилъ разрѣшенія у генерала С. ее не занимать, а подыскать въ этомъ районѣ другую.

— Хорошо. Я буду на позиціи лично и посмотрю самъ, — отвѣтилъ мнѣ начальникъ отряда.

Генераль С. не пріѣхалъ. Тогда я вторично обратился къ нему съ той же просьбой.

— Ну, хорошо, ищите себѣ новую позицію гдѣ хотите, — раздраженно бросилъ мнѣ генераль С.

*
* *

Новую позицію я, конечно, нашелъ, только не на горѣ, а въ низинѣ. Наблюдательный пунктъ тоже перемѣнилъ, перенеся его на гребень, занятый нашей пѣхотой, прямо въ окопъ.

Участокъ оказался очень тихимъ и никакихъ боевыхъ дѣйствій въ ближайшемъ будущемъ не предполагалось, что дало возможность обратить вниманіе на конскій составъ батареи и, по мѣрѣ силъ и средствъ, лошади постепенно были приведены въ надлежащій видъ и всѣ ихъ раны и набитости залѣчены. Черезъ недѣлю къ отряду присоединились 2, 4 и 5 батареи нашей бригады, въ командованіе которой вступилъ полковникъ Поповъ.

Мой наблюдательный пунктъ, очень удобное мѣсто, сталъ общимъ бригаднымъ пунктомъ, стало тѣсно и я рѣшилъ отдѣлиться.

Выбравъ новое мѣсто, опять въ пѣхотномъ окопѣ, я приказалъ своимъ развѣдчикамъ, ночью, нѣсколько прорѣдить мѣшающую наблюденію, растительность, покрывающую склонъ, обращенный къ непріятелю. Развѣдчики мои перестарались и прорубили цѣлыя просѣки. Дѣло было испорчено и, желая окончательно убѣдиться въ этомъ, я поставилъ треногу съ трубой Цейса.

Пѣхотные солдаты, находящіеся въ окопѣ, вылѣзали наружу и, съ любопытствомъ, стали наблюдать, что я дѣлаю. Я не ошибся: немедленно же въ направленіи моей треноги, недолетѣвъ, разорвалась австрійская шрапнель. Вторая пролетѣла надъ треногой. Ожидая сейчасъ же третью шрапнель, я убралъ трубу Цейса и спустился въ окопъ. Всѣ, наблюдающіе за мной солдаты тоже пошраптелись.

Послѣ третьяго разрыва, я вылѣзъ наружу, вылѣзли и пѣхотинцы. Я опять, уже нарочно, сыркнулъ въ окопъ. Всѣ сейчасъ же скрылись. Этотъ маневръ я повторилъ нѣсколько разъ и все съ тѣмъ же результатомъ.

Я упоминаю объ этомъ случаѣ для того, чтобы наглядно, на примѣрѣ, показать какимъ громаднымъ значеніемъ, во время войны, у нашихъ солдатъ, пользовались офицеры, хотя бы даже имъ совершенно невѣдомые.

Вѣра въ офицера, какъ существа стоящаго выше

ихъ, была настолько велика, что часто одно только появленіе, хотя бы даже посторонняго офицера, сразу дѣйствовало успокоительно на цѣлыя разстроенныя массы солдатъ.

Я заболѣлъ дезинтеріей и черезъ нѣкоторое время сталъ поправляться и, наконецъ насталъ день, когда меня въ экипажѣ привезли на новую позицію батареи, по моему приказанію найденную и оборудованную моими офицерами.

Высоко въ горахъ, нѣсколько выше позиціи, отъ которой я отказался, нашли ровное плато, покрытое кустарникомъ. Прекрасное мѣсто, хорошо укрытое, съ громаднымъ обстрѣломъ.

Послѣдняя позиція 6-й батареи въ Карпатскихъ горахъ.

Конецъ I-го тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	стр.
Предисловіе проф. ген. Н. Н. Головина	6
Мобилизація ;	9
Въ гарнизонѣ крѣпости Брестъ-Литовскъ	26
На Вислѣ	38
Подъ Перемышлемъ	66
Въ Карпатахъ	146

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS 350

Въ печати :

Б. ВЕВЕРНЪ

ШЕСТАЯ БАТАРЕЯ

ТОМЪ II

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

D550
.V45
t.1

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Librairie «LA RENAISSANCE»
73, Av. des Champs-Élysées — Paris 8